

[Polaris]

А. ВИЛЬМ

КОРАЛЛОВЫЕ
ЧЕТКИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССXXXV

Salamandra P.V.V.

А. ВИЛЬМ

КОРАЛЛОВЫЕ ЧЕТКИ

Salamandra P.V.V.

Вильм А. (Максвелл Ж.)

Коралловые четки. Пер. с франц. В. Кошевич. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. – 205 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXXXV).

Книга А. Вильма «Коралловые четки», романтический и фантастический «астральный триллер», была выпущена в свое время в легендарной серии «Библиотека ужаса», давно приобрела статус библиографической редкости и в настоящем издании впервые возвращается к читателю.

Под псевдонимом «Антуан Вильм» выступал французский юрист и медик Ж. Максвелл (1858-1938); в романе он изобразил самого себя в образе доктора Эрто, ученого и исследователя паранормальных явлений.

КОРАЛЛОВЫЕ ЧЕТКИ

„БИБЛІОТЕКА УЖАСА“

ДОКТОРЪ

А.ВИЛЬМЪ

Т.

У.

КОРАЛЛОВЫЯ ЧЕТКИ

К-ВО „СФИНКСЪ“

ВВЕДЕНИЕ

Считаю необходимым предпослать этой книге несколько пояснительных слов. Цель ее: выяснить, насколько это возможно в произведении вымышленном, драматическую сторону некоторых явлений, изучение которых теперь служит предметом страстных исследований. Чисто научное произведение не может дать точного описания чувств, вызываемых игрой физических сил. Роман есть наиболее пригодный для этого род сочинений; он дает возможность полнее описать факты, которые показались бы невероятными, если откинуть сопровождавшие их эмоции. События, которые составляют канву этой истории, не вполне вымышленные и, может быть, герои моей книги узнают себя, несмотря на все мои старания преувеличить их приключения. Приключения эти вряд ли могут быть названы единственными в своем роде, и другие наблюдатели, без сомнения, констатировали то же, что и я. В числе моих действующих лиц есть мистики. Изучение влияния мистицизма показалось мне уместным в таком произведении, где зависящие от него явления составляют фон рассказа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я мечтал у камина, в моем рабочем кабинете, следя глазами за голубым дымом папиросы, когда мне подали карточку Леира. Я знал его по имени: это был один из наиболее выдающихся учеников моего старого друга, профессора Дюрье, химика, достигшего славы благодаря своим замечательным работам о брожении вин. Леир защищал обратившую на себя внимание диссертацию о роли серной кислоты в виноделии, и Дюрье считал его за ученика, призванного стать его продолжателем. Несмотря на беспорядок моего костюма, — не было еще восьми часов утра, — я велел ввести посетителя. Я предчувствовал, что мне предстоит изучить один из тех необыкновенных случаев, в которых мой любопытный ум находит столько интересного, и события не замедлили оправдать мое предчувствие, Леир доставил мне материал для наиболее невероятных наблюдений за всю мою медицинскую практику. Однако, ничто в его наружности не давало возможности предвидеть странность тех нервных явлений, по поводу которых он пришел со мной посоветоваться. Я рассматривал его искоса, пока читал рекомендательное письмо, которое он принес мне от профессора Дюрье, и видел только молодого человека высокого роста, сильного сложения, с правильными чертами лица, густыми волосами и длинной темной бородой. Взгляд его черных глаз смело встречался с моим взглядом, и я читал в нем откровенность и прямоту. Решительно, клиент мой производил хорошее впечатление. Дюрье в теплых выражениях рекомендовал мне его: «Посылаю Вам, — писал он, — моего лаборанта, г-на Леира, который видит причину своих страданий в расстройстве нервов. Может быть, он чрезмерно занят своей болезнью, так как я не замечаю в нем ничего, могущего вызвать тревогу. Мне он кажется таким же, каким я знал его всегда. Во всяком случае, лечите его, как Вы стали бы лечить преданного Вам Дюрье».

— Ну, молодой человек, — сказал я моему посетителю, прочтя принесенное им письмо, — что вам угодно?

— Я хотел бы знать ваше мнение о некоторых нервных явлениях, которые вызывают во мне беспокойство за будущее. Я говорю о постоянных, всегда одних и тех же видениях, от которых я не могу избавиться.

— Пожалуйста, расскажите мне о них с точностью, — ответил я, — и не пропуская ни малейшей подробности. Скажите мне, как начались эти видения, когда именно они возникли и опишите все обстоятельства, их характеризующие.

— Мой рассказ может выйти длинным, если вы хотите, чтобы я изложил мельчайшие подробности моих видений. Я боюсь надоесть вам.

— Не бойтесь этого. Ваши видения должны быть особого рода, чтобы заботить вас до такой степени: я могу верно определить их значение, только разобрав их подробнейшим образом.

— Позвольте прежде всего сказать вам, доктор, что я обращаюсь к вам не только как к врачу. Эти видения превращают мой сон в жизнь более беспокойную и утомительную, чем бодрственное состояние. Я сообщил о моих опасениях моему учителю, профессору Дюрье, и мой добрейший патрон посоветовал мне отнестись к вам. «Доктор Эрто, — сказал он мне, — избрал своей специальностью изучение наиболее редких явлений психической жизни, и я не знаю, кто, кроме него, мог бы выяснить, в чем у вас дело». Итак, я пришел к вам вследствие дружеских настояний моего патрона. Будьте уверены, что по собственной инициативе я не стал бы делать признаний, которые могут внушить сомнение в нормальности моего рассудка.

— Вернемся к делу, господин Леир. Не бойтесь рассказать мне всю вашу историю, так как, вероятно, не без причины Дюрье прислал вас ко мне. Возьмите папиросу и начинайте.

— Благодарю вас, я не курю. Вот факты. Я защитил диссертацию на доктора химии в ноябре месяце прошлого года, следовательно, уже два месяца назад. Эта диссертация

ция стоила мне большого труда: пришлось делать справки в многочисленных документах и производить трудные, тонкие и продолжительные опыты. Последние я делал не только в лаборатории, а также в погребах и винных складах. В продолжение трех лет мне пришлось проводить целые часы в помещениях, где воздух насыщен парами алкоголя и эфира вследствие брожения вина. Я всегда пользовался прекрасным здоровьем и не помню, чтобы особенно много видел снов. Склонность к видениям обнаружилась только после моего докторского экзамена. Прошло несколько дней после защиты диссертации; я был в Аркашоне, куда уехал отдыхать, делал моцион, ел с аппетитом и чувствовал себя превосходно. 28 ноября я совершил утомительную прогулку на мыс Ферре, очень устал и лег тотчас после обеда. Ночью я видел следующий сон...

Тут Леир вынул из кармана записную книжку и справлялся с нею, продолжая рассказ...

— Я увидел себя в большом лесу, гуляющим по просеке. Была ночь, но при холодной погоде небо было ясно, и я ориентировался без большого труда. После довольно долгой ходьбы я подошел к фасаду большого дома, построенного во вкусе 1840 года; парк, посреди которого находился дом, был окружен решеткой. Я облокотился на эту решетку и машинально поднял глаза на одно определенное окно, находившееся в первом этаже, на правом углу обращенной ко мне стороны дома. Я пристально смотрел, во сне, не менее часа на это окно, не будучи в состоянии отвести от него глаз. Я чувствовал себя как бы очарованным и, несмотря на величайшие усилия, не мог изменить направления взгляда. Кошмар такого рода чрезвычайно мучителен; он прекратился при моем пробуждении. Я посмотрел, который час на моих часах: было 3 часа утра. Я не мог больше заснуть, так был взволнован чувством парализованности, которое испытал. Голова у меня была тяжелая, а в затылке ощущалась довольно сильная боль. Нездоровье продолжалось до утреннего завтрака, затем оно миновало. Я не думал больше о моем сне, днем съездил в Казо, где осмотрел пруд, опять немного устал и лег, как накануне, почти тотчас по-

сле еды. Мне опять приснился сон предшествующей ночи: я прошел по тому же лесу, видел тот же дом, опирался на ту же решетку, и непреодолимая сила устремляла мой взгляд на то же самое окно. Я попробовал бороться с этой силой, которая делала неподвижным не только мой взгляд, но и все члены и противилась всякому движению, которое могло бы изменить положение моих глаз. Я делал невероятные усилия, чтобы повернуть голову, чтобы вырваться из-под этого очарования: все было бесполезно; кошмар продолжался, я думаю, более часа и прекратился только с пробуждением. Усталость моя была очень велика; я чувствовал головную боль, а также боли в затылке и шее. Я встал только в полдень; после полудня немного погулял, пообедал легкими кушаньями, поздно лег спать. Мне думалось, что кошмары двадцать восьмого и двадцать девятого ноября были следствием плохого пищеварения; но 30-го ноября мое сновидение повторилось; оно было тождественно с предыдущими. Наученный опытом, я не пытался больше отвести взгляд от окна, на которое глаза мои были устремлены. По прошествии довольно долгого времени, может быть, часа, я заметил во сне, что вновь получил свободу движений. В первый раз я мог идти. Я вернулся назад и проснулся в тот момент, когда находился в лесу, около большого дуба, у которого стоял шалаш. Я уже заметил его прежде, так как мое сновидение начинается как раз с этого места: я вижу себя всегда около этого шалаша, когда замечаю, что нахожусь в лесу. Словом, доктор, с 28-го прошлого ноября я вижу одно и то же: каждую ночь провожу час, опираясь на решетку, чувствую невозможность изменить направление моего взгляда. Я не пробую больше бороться с этой невозможностью: опыт научил меня, что такое сопротивление всегда ведет за собой мигрень на другой день, тогда как я не испытываю ни малейшего нездоровья, если покоряюсь. Я боюсь, однако, как бы это ощущение паралича во сне не предвещало какого-либо повреждения зрения. В самом деле, я читал, что некоторые болезни иногда дают о себе знать во сне, прежде чем разразиться в действительной жизни. Я хотел бы, чтобы вы внимательно рассмотре-

ли меня, доктор, и не скрыли ничего из ваших умозаключений.

Я тотчас приступил к подробному осмотру Леира. Я не мог констатировать никакой неправильности в его кровообращении, дыхании, функциях пищеварения, выделения, движения и чувствительности. Его мускулы, исследованные при помощи электрического тока, не дали никаких дегенеративных реакций; передача по нервам происходила, как должно; рефлексy были нормальны; внимательно рассмотренные глаза не обнаружили никаких патологических симптомов. С физической точки зрения Леир был совершенно здоров.

Тогда я приступил к исследованию его психических функций. Исследование это было продолжительно и тщательно; опять я не констатировал никакой ненормальности ни в его внимании, ни в памяти, ни в воле, ни в письменной или устной речи.

— Вы мне кажетесь совершенно здоровым, — сказал я ему после осмотра, — и ваши переживания я не могу отнести к патологии. Рассмотрим их с более специальной точки зрения. Я подозреваю, что Дюрье уже думал об этом, так как он знаком с моими работами и знает, что меня интересует. Как и он, я думаю, что вы можете дать повод к важным наблюдениям. Вернемся к вашему рассказу. Первое ваше видение было двадцать восьмого ноября. Не помните ли, не имели ли вы в этот день какого-нибудь особенного ощущения?

— Нет.

— Не было ли с вами какого-либо приключения?

— Никакого.

— Не было ли чего-нибудь необыкновенного? Постарайтесь припомнить.

— Нет, я не помню никакого особенного события.

— В таком случае, я думаю, что вы не должны беспокоиться по поводу настойчивых видений, посещающих вас по ночам. Ограничьтесь только точной записью всего, что произойдет; не пренебрегайте никакими подробностями; никогда нельзя предвидеть значения, которое может полу-

чить впоследствии подробность, по виду незначительная. Будьте добры сообщать мне обо всем, что с вами произойдет. В заключение, даю вам совет: не противьтесь силе, которая, очевидно, если не руководит вами, то, по крайней мере, делает неподвижным в некоторых положениях. Вы уже заметили, что это сопротивление бесполезно и вредно. Я вам советую совершенно от него отказаться. Я говорю вам это только в предположении, что вы сохраняете в вашем сновидении достаточно власти над собой, чтобы поступать сознательно и самопроизвольно; но я в этом не уверен.

Затем Леир от меня ушел, и я принялся за работу. Я не заметил еще в его рассказе ни одного из тех таинственных элементов, которые разжигают во мне до страсти мой интерес к трудностям, встречаемым в моей профессии. На другой день, я получил от моего нового пациента письмо; оно заключало в себе как раз тот элемент таинственности, о котором я упомянул. Написано было вот что: «Милостивый государь, Вы у меня спрашивали вчера, не было ли со мной чего-либо необыкновенного двадцать восьмого ноября, т. е. в тот день, когда мое видение посетило меня впервые. Я ответил вам отрицательно, но сделал ошибку, которую сон нынешней ночи взял на себя исправить. Как обыкновенно, я очутился в лесу, о котором вам говорил, около шалаша из ветвей, рядом с большим дубом. Я быстро шел по аллее, когда заметил под ногами четки из красного коралла. Я их поднял и продолжал свою прогулку. Отстояв свое обычное дежурство у решетки, я проснулся без приключений. Между тем, именно двадцать восьмого ноября я, в самом деле, нашел около мыса Ферре, на песчаном взморье, четки из красного коралла». Письмо это возбудило мое любопытство. Была ли связь между необъяснимым сном и коралловыми четками? Как медик, я не находил никакой связи; как метапсихолог, я оставался в сомнении. Возобновилось привычное колебание в моих собственных мыслях, и я испытал некоторое раздвоение моей собственной личности. Одно из моих «я» пожимало плечами и насмехалось над легковерием другого «я». — Вот до чего ты дошел, — казалось, говорило оно; теперь ты веришь, будто молодому

химику достаточно найти коралловые четки, чтобы начать грезить, точно истеричка. Какое отношение можешь ты найти между этими двумя фактами? Известно ли тебе что-либо подобное в науке? Не правда ли, нет? Можешь ли ты в шариках четок найти причину, возбуждающую сновидения? Или она — в металле, который соединяет бусы? Или в медали, или в кресте, которые их украшают? Тоже нет. Перед тобой два одновременных факта, которые не имеют между собой никакой связи; в их последовательности есть только простое совпадение. — Но второе «я» защищалось от этих нападков: «Я, — отвечало оно, — не имею той же уверенности, что и ты. Я не говорю, что коралловые четки возбуждают сновидения; я ограничиваюсь сознанием, что ничего не знаю, но не утверждаю, что нет никакого соотношения между сделанной находкой и последующими сновидениями. Я не особенно доверяю своим знаниям: человеческая наука не кажется мне законченным зданием; это — еще строящийся дом; я считаю, что она мало подвинулась вперед. Ничего не могу отрицать и не признаю возможным. Ты не удивишься, услышав, что эти четки могут служить проводником туберкулеза, если на них осталась мокрота больного. Глазами, однако, ты не видишь действия, которое вызывает заразу; твоё обоняние, твой вкус, твоё осязание также не обнаруживают его. Тебе понадобились современный микроскоп и чувствительные лабораторные реакции, чтобы увидеть бесконечно малое существо, которое есть причина болезни. Уничтожь микроскоп, и бацилла Коха станет существом, для тебя недоступным: она живет в мире, в который ты не можешь проникнуть; этот мир бесконечно малых — для нас воистину иной мир, и мы можем узнать его только искусственным образом. Я спрашиваю себя, нет ли еще миров, которые закрыты для нас; еще существ, влияния которых мы не понимаем, несмотря на его реальность; еще сил, действие которых мы чувствуем только по их проявлениям. Я не посмею утверждать, что подобных миров, подобных существ, подобных сил не существует, не может существовать. Я ничего об этом не знаю. Может быть, в коралловых четках заключается некоторое

влияние, может быть — никакого. Об этом я также ничего не знаю. Я не легковверен: я только несведущ и признаюсь в этом. Может быть, когда-нибудь изобретут инструмент, который обнаружит присутствие этих неведомых существ и действие неведомых сил; тогда нам откроется возможность проникнуть в эти миры, недоступные нашим изысканиям, как мир бесконечно малых был недоступен Аристотелю и Гиппократу». Долго длился бы этот спор между моими «я», если бы я не овладел собой и не положил конец своей задумчивости. Я быстро взял стилограф и написал несколько слов Леиру, прося его прийти ко мне и принести коралловые четки. На другой день молодой ученый явился ко мне. Я тотчас же попросил его рассказать мне подробно о последнем сне и о находке четок; он рассказал мне следующее:

— Я тогда забыл сообщить вам о случае с четками, не придавая ему никакого значения, да и теперь не подумал бы о нем рассказать, если бы не их необычное появление в моем повторяющемся сновидении. Третьего дня я от вас пошел на естественный факультет и принялся за обычные занятия. День прошел без приключений и о коралловых четках я и не вспоминал, а совсем забыл о таких пустяках. В одиннадцать часов я лег и заснул без особого волнения, если не считать опасения, что мне приснится обычный сон... Так и вышло. Я увидел себя, как обыкновенно, в лесу, около шалаша из ветвей, построенного у подножия дуба.

— Вы проходите во сне по дубовому лесу?

— Нет, по сосновому; но в нем есть несколько дубов. Вид местности напоминает леса Ландов. В этом лесу есть что-то вроде дороги или просеки. Я шел довольно быстро, как вдруг внимание мое было привлечено предметом ярко-красного цвета, который валялся на земле посреди дороги. Я нагнулся, чтобы поднять его; это были коралловые четки. Я узнал четки, которые нашел на мысе Ферре, на песке; но, тогда как наяву я нашел их в футляре, мое видение показало их мне на земле, без этого ящика. А кстати, вот он.

Леир подал мне футляр из русской кожи, похожий на портмоне: в нем находились четки из красного коралла;

зерна их были круглы, цепочка была серебряная, замочек имел вид сердца. Дополнением служила серебряная медаль с изображением Лурдской Богоматери. Это был предмет благочестия без большой ценности. Я понюхал футляр: от него шел легкий запах русской кожи.

— Продолжайте ваш рассказ, — сказал я Леиру после этого.

— Во сне, я быстро иду по лесной дороге; через десять минут она выводит меня на другую, обсаженную большими деревьями; мне кажется, что я попал на большую дорогу. Пересекаю ее и прихожу к поместью, главный вход которого, — высокие ворота, окрашенные в белую краску, — всегда настезь. Я вступаю в совершенно прямую аллею, длиной от 600 до 700 метров. Эта аллея приводит меня к калитке маленького парка, обнесенного каменной стеной. В некотором отдалении, вижу большой четырехугольный дом, о котором я вам говорил. Терраса, украшенная балюстрадай, тянется вдоль первого этажа, передо мной. Тогда глаза мои устремляются на одно окно в первом этаже, последнее направо, и я долго стою, глядя на него. Я уже не пытаюсь отвести взор и терпеливо переношу эту курьезную муку, которой каждую ночь подвергает меня мое воображение. Я нахожу этот сон глупым, нелепым и злюсь на свою неподвижность перед калиткой, за которую мне нет доступа.

— А вы когда-нибудь пробовали?

— Мне кажется, что перелезть через нее слишком трудно.

— Во сне ничто не кажется невозможным.

— Простите, мое сновидение характеризуется именно полнотой моей мыслительной работы. Я знаю, что способность точной оценки вещей обыкновенно отсутствует в сновидениях. Во сне летают, ходят по воде, проделывают различные невероятные штуки. Сами образы расплывчаты, и подвижность предметов, которые нас окружают, не удивляет нас. В моем сновидении, напротив, я как будто бодрствую: я оцениваю вещи, как наяву, и не лезу через калитку прежде всего потому, что это мне кажется трудным, а еще по-

тому, что такой поступок я считаю некорректным.

— Позвольте ли вы дать вам совет?

— Да, доктор.

— Ну, так заставьте себя пожелать, сильно пожелать, проникнуть сквозь эту решетку, как сквозь предмет воображаемый. Попытайтесь ли вы сделать это?

— Непременно.

— Затем вы дадите мне отчет о событиях. Вы избавитесь от того ощущения паралича, которое вас беспокоит и, может быть, сообщите мне интересные новости.

— Хорошо.

Тут Леир простился со мной, а приход пациента-неврастеника заставил меня скоро забыть историю молодого химика. Масса подробностей, которые сообщил мне мой новый посетитель при многословном описании симптомов своей болезни, совершенно заполнила мой ум. Только вечером получил я возможность поразмыслить о странном приключении Леира. Я находил в нем теперь интерес и страстно желал узнать результат опыта, который посоветовал сделать. Мое воображение, которое отличается живостью, рисовало мне вероятный успех этой попытки: Леир пройдет, конечно, во сне сквозь заграждение, которое до сих пор считал непроходимым. Но что будет потом? Я не мог удержаться от мысли, что он подойдет ближе к окну. Попробует ли он войти в дом тем способом, который я ему указывал? Я надеялся на это, так как препятствия, которые он встречал, были только воображаемые... Все это была одна иллюзия. Молодой химик переутомился, натрудил мускулы глаз и шеи над своими ретортами и баллонами, записывая и рассматривая в микроскоп вещества, которые изучал. Это чрезмерное напряжение привело во сне к чувству парализованности, которым обычно выражается в сновидениях переутомление в состоянии бодрствования. После отдыха, все должно было скоро пройти.

Что касается приснившихся четок, то это явление можно назвать классическим: воспоминание, исчезнувшее из сознания посреди дневных забот, вновь всплывает в тишине ночи. Мой вопрос вызвал самопроизвольное появление

забытого образа; это был результат той бессознательной деятельности ума, которую теперь начинают изучать и познавать. Воспоминание появилось в конкретной и драматической форме, посреди обычной обстановки образов, которые являются в сновидении.

Вместо того, чтобы коснуться этого факта отвлеченной мыслью, Леир во сне вторично нашел и поднял коралловые четки. Он воспроизвел пережитое, приладил его к обстановке своих грез. Тут не было ничего необыкновенного.

Но наши мысли и рассуждения подобны качающемуся маятнику. Едва я успел формулировать вышеизложенное умозаключение, как мысли мои устремились к суждению противоположному. Я начал с того, что усомнился в вероятности первого вывода и мысленно произнес обычную фразу, подтверждающую невежественность людей вообще, а мою — в частности. Не остается ли некоторая частица нас самих в тех предметах, которые мы носили? Оставаясь неизвестной для нас, частица эта, тем не менее, может быть реальной. Охотничья собака улавливает испарения, которые ускользают от нас; тонкость ее обоняния открывает ей малейшие запахи, которые недоступны нашим грубым чувствам.

Однако, что же такое запах? Нечто невесомое. Никакие весы до сих пор не могли обнаружить убыли веса в частице мускуса, запах которой может наполнить целую квартиру. Эти выделения, кажется, приводят нас в соприкосновение с состоянием вещества, совершенно отличным от того, к которому мы привыкли. Имеем ли мы право предполагать, что материальные тела могут выделять одни лишь запахи? Нет ли других выделений, еще менее заметных? Не может ли жизнь, причины которой ускользают от нас, истинная сущность которой является для нас тайной, иметь влияние даже на неодушевленные предметы?

Наша собственная личность, наши мысли, чувства, словом, все, что составляет нашу индивидуальность, составляет ли неподвижный центр? Не исходит ли из нее каких-либо лучей? Было бы слишком невероятно, чтобы такой могучий источник энергии, как живое существо, производил

бы меньшее действие, чем кусок мускуса. Весьма правдоподобно, что предметы, находящиеся долгое время в соприкосновении с нами, пропитываются некоторой эссенцией, слишком тонкой, чтобы обыкновенный человек мог постоянно чувствовать ее, но ощутительной для людей с более тонкой организацией.

Кроме того, разве не проверен этот факт? При этой мысли я встал, пошел взять из моей библиотеки книгу Дентона: «The Soul of Things» («Душа предметов») и принялся читать необыкновенные факты, о которых серьезно рассказывает американский писатель. Описанный у него субъект как бы находил память у материальных предметов: на них оказывались запечатленными образы событий, происходивших вокруг, и по острию каменной стрелы он узнавал доисторического ремесленника, который ее обделывал; современный мамонту охотник, который прилаживал ее к куску дерева, появлялся в свою очередь, бродя по лесам из необыкновенных деревьев и преследуя неведомых животных, от которых он едва только начинал отличаться.

Потом я пробежал подробные отчеты об опытах, произведенных Рише, Лоджем, Ходжсоном, Миерсом и другими над госпожой Пайпер. Эти опыты, по-видимому, доказали существование особой чувствительности у этой дамы. Какая-нибудь драгоценность вызывала у нее образ тех, кто ее носил; взяв ее в руки и как бы разбирая таинственные надписи, она описывала характер и главнейшие события из жизни ее прежнего владельца. Взгляд этой женщины, казалось, пронизывал завесу, разделяющую миры.

Был ли Леир чувствителен к этим таинственным влияниям? Не действовало ли, без его ведома, на его ум нежное благовоние, которым были пропитаны коралловые четки, и не оно ли нарисовало ему в видении место, где жил тот, кто молился, перебирая их своими благочестивыми руками? Не заключается ли именно в молитве, акте, концентрирующем мысли и обнаруживающем желание, особенно сильное и энергичное влияние? Так блуждали мои мысли; я дошел до того, что стал приписывать обыкновенным четкам, которые нашел Леир, всевозможные чудесные свой-

ства и таинственную власть.

Но маятник устремился в противоположную сторону: я начал улыбаться над собственным легковерием. Несколько недовольный собой, я вышел на свою ежедневную прогулку.

II

Однако, приключению Леира было суждено, раз вмешавшись в мою жизнь, увлечь меня, против воли, к необыкновенным умозаключениям. В самом деле, на другой день мой странный пациент опять пришел ко мне; была половина восьмого утра.

— Я пришел рано, — сказал он, — потому что в четверть девятого уже должен наблюдать за практическими работами. Я позволил себе побеспокоить вас, так как приношу новую подробность, которая вас может заинтересовать. Я проник за решетку. Вы дали мне превосходный совет.

— А! — сказал я с некоторым любопытством. — Расскажите мне это.

— Вот что со мной произошло. Мое сновидение опять возобновилось нынешней ночью. Дойдя до решетки, я *пожелал* пройти ее. Я тотчас же очутился по ту сторону и не заметил, каким способом переправился через ограду. Это произошло мгновенно. Тогда я направился к дому и по хорошо содержанному парку дошел до террасы, идущей вдоль фасада дома. Я поднялся по широкой лестнице в семь ступеней. Терраса имеет около четырех метров ширины; длина ее равна приблизительно двадцать одному метру. Она обнесена каменной балюстрадой, на которой стоят вазы из разрисованного фаянса. В этих вазах, с голубыми узорами по белому фону, растет красная герань. По фасаду имеется семь окон, а с каждой стороны входной двери — по три.

Но со мной произошло что-то странное; я мог управлять собой до самой террасы без малейшего затруднения; придя же туда, оказался принужденным гулять между окном, о котором я вам так часто говорил, и дверью. Напрасно было мое твердое желание перейти эти границы; я чувствовал то непреодолимое сопротивление, с которым я теперь уже освоился. Я продолжал эту прогулку до тех пор, пока не проснулся; я сосчитал шаги, которые надо было сделать, чтобы дойти от середины террасы до конца, и это позволяет мне сообщить вам о ее размерах. Я сосчитал фаянсовые вазы, украшающие балюстраду: их восемь. На террасе были тростниковые стулья и кресла; три стула и два кресла. На одном из последних лежала книга: я хотел ее перелистать, но не смог. Рука моя не испытывала ни малейшего ощутительного сопротивления, и мне казалось, что пальцы проходят сквозь книгу. Вместе с тем, я чувствовал, что хожу по полу, оказывающему сопротивление, и наблюдал неведущность только по отношению к предметам, которых касался. Мои осязательные ощущения, однако, не вполне исчезли, так как я воспринимал очертания предметов; но они не имели для меня никакой материальной реальности, являясь как бы призрачными. Я отдал себе в этом отчет, когда беспрепятственно прошел сквозь кресло и балюстраду; миновав последнюю, я оказался висящим в воздухе; я подумал, что сейчас упаду, и внезапно проснулся: я еще дрожал. Сердце сильно стучало, и я боялся, что оно разорвется. Холодный пот выступил у меня на лбу, и я так взволновался, что мне сделалось дурно. Умоляю вас, доктор, избавьте меня от этих кошмаров, которые, в конце концов, делают меня серьезно больным.

— Не преувеличивайте. Я должен вам сказать откровенно, что не знаю никакого верного лекарства, чтобы избавить вас от такого состояния. Я мог бы попробовать давать успокоительные и наркотические средства: но не смею утверждать, что они вас вылечат. Зато могу вас уверить, что продолжительное употребление их приведет к серьезным неудобствам. Я мог бы попытаться лечить вас психотерапией; тут больше шансов на успех; но не вижу к тому пока-

заний. Мое мнение имеет два следующих основания: психотерапия не вполне безвредна; она подвергает больного некоторой опасности, особенно в случаях, подобных вашему; в самом деле, такое лечение, вместо того, чтобы уменьшить, может развить чувствительность больных к некоторым смутным впечатлениям. Лекарство, пожалуй, оказалось бы хуже болезни. Кроме того, — и здесь я перехожу ко второму основанию, — ваше состояние нисколько меня не тревожит. В вас происходит очень оригинальный и редкий физио-психический процесс, не имеющий в себе, на мой взгляд, ничего патологического. Предоставьте событиям идти своим путем, и воздержимся от вмешательства, по крайней мере, в данную минуту. Если же вы проанализируете ваш кошмар, то сами легко найдете объяснение вашему волнению.

— Каким образом?

— Вы говорили мне прежде, что ваши ощущения отличаются поразительной реальностью. Вы делаете большое различие между вашими обыкновенными снами и тем, на который теперь жалуетесь. Однако, несмотря на всю их интенсивность, ощущения, которые вы испытываете, все-таки воображаемые; в самом деле: когда вы захотели проникнуть за решетку, вы это сделали без затруднений.

— Да; но я не мог пройти границ правой части террасы.

— Подождите. Мы до этого дойдем; я говорю сейчас только об элементе воображаемом. Этот элемент существует еще в других подробностях; ваши пальцы испытали только бесконечно малое сопротивление, проникая через книгу; вы могли пройти сквозь кресло и балюстраду иплыли в воздухе после того, как миновали террасу. Не так ли?

— Да.

— Что отсюда следует? Вы испытываете сопротивление, проходя по земле; но вы этого ожидаете; сопротивление почвы есть необходимое условие нашей жизни на поверхности земли; то же можно сказать о непроницаемости материи. Вы убедились в первых ваших видениях, что решетка оказывала сопротивление?

— Да.

— Спросили ли вы себя, почему из непроницаемой, какой она была, когда бы вы ее такой считали, она сделалась легко проходимой, как только вы захотели пройти за нее?

— По совести, нет!

— Потому, что вы перестали представлять ее себе непронимой. Образ решетки в вашем сновидении имел только ту реальность, какую вы сами ему приписывали, бессознательно, инстинктивно, по привычке. Я убежден даже, что вы случайно обнаружили нематериальность книги. Припомните-ка хорошенько.

Леир подумал с минуту:

— Ваша правда, — сказал он. — Я мог трогать книгу и чувствовал, что она сопротивлялась давлению. Мои пальцы проникли сквозь нее только, когда я хотел взять ее и перелистывать. Однако, мне удалось прочесть заглавие. Это был: *«Роман бедного молодого человека»* Октава Фелье.

— Наблюдение это, сделанное вами случайно, как раз придает вашему сну настоящее его значение. Мы подошли к тем элементам, важность которых вы заметили. В обыкновенном сне вы могли бы взять книгу и перелистать ее. Этот привычный акт, этот результат повседневной деятельности мы переносим обыкновенно в сновидения. Почему же вы, напротив, проникли сквозь книгу, как будто сквозь нечто нематериальное?

— Ничего этого я не знаю!

— Не могу сказать, что знаю больше вашего; но допускаю гипотезу. Если, по какой-либо причине, вы наяву увидели бы издали какую-нибудь местность и вообразили бы себе, что по ней гуляете, то было бы понятно, что вы видели бы предметы такими, каковы они в действительности, но что вы не могли бы действовать на них, например: переставить стул, перелистать книгу. В этом случае, вы могли бы и проникнуть сквозь образ книги, балюстрады, решетки, как не имеющий никакой объективной реальности. Так и случилось: когда вы проходили сквозь балюстраду, вы должны были логически находиться еще на уровне террасы; когда же вы миновали эту последнюю, земля должна была находиться на некотором расстоянии внизу,

под вами.

— Это правда.

— В конце концов, мы пришли к тому, что вещи представляются вам так, как если бы вы могли их видеть, но видеть, как не вещественные образы. Они носят характер сонных грез или галлюцинаций, с тем ограничением, однако, что чувство осязания галлюцинирует самостоятельно, не всегда согласуясь с галлюцинациями зрения. Пример этого несоответствия между осязательными и зрительными галлюцинациями вы имеете в проницаемости балюстрады.

— Да.

— Это редкое психическое явление, и я вас прошу тщательно наблюдать его. Мне кажется, оно придаст особый характер вашему сновидению.

— Какой же?

— Я еще не знаю. Надо ждать дальнейшего. Но это еще не все. Почему не можете вы перейти границ террасы? Почему, вначале, вы не могли отвести глаз от правого окна? Есть ли связь между этими двумя обстоятельствами?

— Я не вижу никакой.

— Подумаем. Установим сначала факты: 1) вы не можете отвести глаз от окна; 2) вы можете идти к террасе, но, раз что вы на нее попали, вы можете ходить только от двери к окну и обратно. Заметьте, что речь идет о том же самом окне, не правда ли?

— Да.

— Что можно заключить отсюда?

— Что я могу совершать действия, которые меня приближают к окну или к входной двери.

— Нельзя ли вывести еще что-либо?

— Каким образом?

— Вернемся к фактам. Что притягивает вас: дверь или окно?

— Ни то, ни другое, без сомнения, так как я могу ходить от одной к другому.

— И что же?

— Не нахожу ничего более.

— Если ни дверь, ни окно сами по себе не притягивают вас и не делают неподвижным, то есть нечто другое, производящее такое действие; и это нечто находится в связи с окном и дверью.

— Это верно!

— Что же это такое?

— Без сомнения, одна из комнат. Окно указывает, какая именно, а дверь есть средство обычного доступа в дома.

— Это вполне справедливо! Я никогда не подумал обо всем этом без вас. К чему же, однако, это приводит нас?

— Вы сейчас увидите. Существует сила, которая кажется вам чуждой вам самим и которая в сновидении приближает вас к тому, что мы предполагаем определенным помещением. Надо удовлетворить требованиям этой силы, которая не руководит вами, но мешает вам удалиться от той цели, какую она вам наметила. Надо войти в комнату.

— Я последую вашему совету, но я хотел бы знать ваше мнение обо всем этом. Теперь я понимаю, почему Дюрье послал меня к вам. Я думаю, доктор, что для вас мои переживания яснее, чем вы говорите, и я хотел бы знать все, что вы думаете.

— Я вам ничего не скажу, так как, в самом деле, знаю не больше вас. Без сомнения, я могу делать предположения, но к чему они? Предпочитаю, чтобы вы наблюдали сами и самостоятельно пришли к заключениям, которые вас удовлетворят.

Леир встал, и мы вышли вместе. Было условлено, что он будет записывать свои сны каждое утро, как только проснется. Я рекомендовал ему еще раз не пропускать никаких подробностей, извиняясь за мою настойчивость.

Прошло несколько дней, а мой молодой пациент не подавал признаков жизни. Я начал удивляться его молчанию, когда, наконец, он посетил меня. Я заметил перемену в его лице: вид у него был более веселый, менее озабоченный, более уверенный.

— Мое сновидение, — сказал он мне, — приняло идиллический характер и доставляет мне теперь большое удовольствие. Я благодарен вам за то, что не принял никаких

мер для его устранения, так как был бы в отчаянии, если бы оно прекратилось. Спасибо вам, что вы давали мне советы и тем обеспечили мне восхитительное развлечение. Я хорошо знаю, что оно воображаемое и что мой собственный ум создает мне пленительную иллюзию; но в моем сновидении она имеет все свойства действительности, и я хотел бы продлить его навсегда.

— Ну, мой молодой друг, — ответил я, смеясь, — как же этот кошмар превратился в столь приятный сон?

— Самым простым манером. Я сделал то, что вы мне указали: вошел в дом, в комнату, которую освещает притягивающее окно.

В тот день, по уходе от вас, я много думал о советах, которые вы мне дали. Я ждал наступления ночи с некоторым нетерпением и, естественно, мог заснуть только очень поздно, так как был взволнован. Наконец, сон овладел мной и принес обычное видение. Во сне я совершенно ясно создал себя и очень точно помнил нашу с вами беседу. Я шел очень быстро, миновал решетку, пересек аллеи парка, взшел по лестнице на террасу и проник, без колебаний, в дом. Дверь не оказала мне сопротивления; я очутился в каких-то сенях или прихожей, где высокий камин из тесаного камня украшал заднюю стену, а направо деревянная лестница вела наверх. Вокруг сеней шла галерея, на уровне второго этажа; я поднялся по лестнице и без колебаний направился по коридору направо. С каждой стороны находились двери; я выбрал самую дальнюю, тоже направо от меня, и проник сквозь нее, даже и сам не заметив.

Я очутился в комнате молодой девушки. Эта комната была обита голубой материей и заставлена стульями, креслами, столиками, полными безделушек. Платье было разбросано в беспорядке в ногах кровати и по ближайшей мебели... В камине еще горели дрова. В комнате было темно, однако я различал мельчайшие подробности. Наиболее прелестное зрелище я увидел на кровати в стиле Людовика XV, из вызолоченного дерева, которая находилась направо от входной двери.

На ней спала молоденькая девушка; она лежала на правом боку, повернувшись ко мне лицом. Я никогда не видел такой прелести. Представьте себе свеженькое личико с нежными чертами, розовым цветом кожи, длинными темными ресницами и тонко очерченными губами, слегка открытыми над ослепительно белыми зубами. Волна темно-русых волос, связанных голубой лентой, увенчивала это прелестное личико. Вид ее доставил мне чрезвычайное удовольствие и, с тех пор как я знаю, как проникнуть в эту комнату, я провожу там во сне все ночи: сажусь в ногах кровати, смотрю на молодую девушку и испытываю очаровательно-приятное состояние, когда нахожусь около нее. Просто гляжу и не наглажусь.

Каждую ночь я вижу ее во сне. Теперь исчезли даже предварительная прогулка по лесу, решетка, терраса, входная дверь, все эти препятствия, которые останавливали меня вначале, — и я просыпаюсь прямо в комнате молодой девушки.

Я знаю расположение комнаты, знаю наизусть мебель, безделушки, книги, но больше всего восхищаюсь прелестной фигурой, которую вижу пред собой спящей, съежившись под своим одеялом, лежащей то на правом, то на левом боку, то навзничь, но всегда хорошенькую, изящную, пленительную. Я сижу около нее, смотрю, не двигаясь, следя за ритмическим движением ее дыхания, медленно поднимающего покрывала, под которыми она отдыхает; я караулю ее движения, боюсь, как бы она не раскрылась и не озябла; я бодрствую над ней с бесконечной нежностью и хотел бы, повторяю вам, чтобы мой сон не кончился никогда.

— И что же, — сказал я после некоторого колебания, — вы только смотрели... не трогая?

— Мне и в голову не пришло! — ответил Леир с наивной откровенностью.

Я улыбнулся; он покраснел, как молодая девушка. Этот большой и красивый парень, очевидно, сохранил свою нетронутость; химия имела для него меньше тайн, чем лю-

бовь, и нежные стремления его души, без сомнения, еще не ведали реального осуществления.

— Послушайте, — сказал я, улыбаясь, — ужели вам не пришло на ум поцеловать это прелестное создание?

— Право, нет.

— Преклоняюсь перед вами, мой юный Сципион!

Я подумал с минуту. Следовало ли убеждать Леира продолжать свое воображаемое приключение? Нет. Я предпочитал предоставить событиям идти своим чередом; природа сама подаст свой голос в надлежащий момент; к тому же, если неведомое влияние создало в воображении химика такие странные видения, то, вероятно, действие его не остановится на этом. Оно сумеет дать себя почувствовать и заставит осуществить то, к чему направлено.

Я так и думал, что в сновидении моего гостя должна явиться человеческая личность. Если предположения моего метапсихологического «я» были правильны, то молодой девушке, которую Леир видел в сновидении, должны были принадлежать найденные четки. Я мог легко и без всякой неловкости проверить точность этого предположения.

Вероятно, я некоторое время молчал, потому что, подняв глаза, увидел, что Леир внимательно глядит на меня и будто наблюдает за мной.

— Ваш рассказ, — сказал я ему, — становится с каждым днем интереснее. Вы говорите, что чувствуете себя превосходно подле вашей спящей красавицы. Не случилось ли вам и прежде испытывать подобное самочувствие?

— Не думаю.

— Хорошо. Я не могу дать вам никакого совета; продолжайте наблюдать и сообщать мне все перипетии вашего сновидения. Что сделали вы с четками?

— Они — в ящике моего письменного стола.

— Сегодня вечером возьмите их и положите на грудь, когда будете ложиться спать.

— Зачем вы мне это говорите? Какое странное предписание!

— Сделайте то, что я сказал, и не спрашивайте объяснения, которого я еще не могу вам дать. Ведь вы тут ничем не

рискуете!

— Ну, еще бы! — возразил, смеясь, Леир. — А все-таки очень странное предписание!

— Подождите. Увидим, что будет.

Засим мы расстались, и я пригласил Леира прийти позавтракать со мной через неделю. Тогда я надеялся иметь больше свободного времени для беседы.

III

Молодой человек аккуратно явился на свиданье. Мы позавтракали и сейчас же отправились ко мне в кабинет. Я велел принести туда чашки, в которых чернел чистый мокка, бутылки, в которых сверкали коньяк, арманьяк и красные, желтые, белые и зеленые ликеры со сложными запахами. Леир не употреблял алкогольных напитков; его профессия сделала его осторожным, и он опасался ядовитости эфиров, составляющих прелесть старых водок. Я же, хотя и врач, употребляю их и чувствую себя хорошо; я знаю, что бояться надо только излишества. Мне смешны теории моих собратьев-физиологов, которые судят о действии алкоголя, введенного в пищеварительный канал, по тем последствиям, какие получаются от непосредственного впрыскивания его в ткани. Обыкновенная вода со своими бесчисленными организмами бесконечно опаснее. Мне пришлось слишком много наблюдать неврастений, расширений желудка, гастрических лихорадок и других зол, обязанных своим происхождением продолжительному употреблению минеральных вод, чтобы не быть ревностным адептом гастрономических обычаев наших отцов и дедов. Закуривая гаванскую сигару, я изложил эти взгляды Леиру и пригласил его рассказать мне свои новые приключения во сне.

— Обстоятельства до странности усложнились, — начал тогда мой гость. — Прежде всего я, впрочем, должен сказать

вам, что понял причину, по которой вы посоветовали мне положить на грудь коралловые четки, ложась спать. Это предписание показалось мне нелепым; но ваша репутация такова, что я не решился счесть вас способным посоветовать бессмыслицу. Очевидно, у вас были серьезные основания. Когда я лег спать, то положил футляр к себе на грудь; я обвязал его ниткой и приколот булавкой к ночной рубашке. Погасив лампу, я стал ждать действия, которое произвели бы четки. Я старательно наблюдал и не имел, — должен вас в этом уверить, — никакого представления о том, что могло произойти. Каково же было мое удивление, когда мне почудилось, будто какая-то сладкая теплота разливается по мне. Причина этого ощущения заключалась, без сомнения, в футляре или в четках. Мало-помалу, эта теплота, — я чуть не сказал глупость, хотел сказать: «теплота без температуры», — между тем, это выражение прекрасно передает мое ощущение... Мало-помалу это ощущение, казалось, завладело всем моим существом.

Я купался в атмосфере, ощутительной для какого-то неизвестного чувства, скрытого во мне; я испытывал большое довольство и заметил, что это ощущение тождественно с тем, которое я переживаю во сне, когда бываю подле молодой девушки. Настолько тождественны эти два ощущения, что я без колебания приписал им общее происхождение и пришел к убеждению, что коралловые четки принадлежали молодой девушке.

Нахожу такой вывод неприемлемым, потому что это престельное создание есть плод моего воображения; но, несмотря на невероятность моей идеи, не могу от нее отказаться. Что-то восстает во мне против суждений моего разума, и я первый раз в жизни наблюдаю в себе истинный конфликт между воображением и рассудком: первое подтверждает наличность связи между коралловыми четками и молодой девушкой, которую я вижу во сне; второй сурово критикует эти полеты моей фантазии.

Я заснул довольно быстро и очутился в комнате моей незнакомки. Она спокойно спала; на дворе потеплело, и от топившегося камина в комнате, куда я попал, было жарко.

Должен сказать, что пришел к этому мнению скорее при помощи наблюдения, нежели опыта; я лично не ощущал ничего; но видел, что моей таинственной незнакомке очень жарко. Она высвободила руки и слегка откинула одеяло, так что была видна, под распахнувшейся кофточкой, нежная, отливавшая перламутром шея, на которой легкая испарина выступила крошечными каплями росы, похожими на бриллиантовую пыль.

Признаюсь вам, доктор, что суровые условия моего детства не дали мне времени насладиться обычными удовольствиями моих товарищей. Я не знал легких походов и никогда не думал о женщинах. Не знаю, у меня какое-то отвращение к банальным приключениям, и я потребую от моей будущей подруги не только того, чтобы мне одному принадлежало ее тело, но еще, чтобы она отдалась мне душою и умом. Я понимаю любовь, как окончательное слияние двух душ, символом которого является соединение их тел. Кроме того, отец мой умер, оставив мою мать без всяких средств к жизни, и мне надо было без отдыха работать, чтобы помогать ей, тем более, что она преждевременно состарилась и утратила работоспособность. Я обязан моими успехами только чувству долга и сознанию лежащей на мне ответственности; то и другое принуждало меня к непрестанному труду. Но я слишком много говорю о себе. Простите меня за это.

Я впервые очутился вблизи женщины, раскрывшиеся одежды которой позволили мне видеть прелестную шею и верхнюю часть обеих грудей с белой и прозрачной кожей, точно сотканной из лунного света. Левую руку молодая девушка распростерлась на одеяле, и кисть ее свешивалась с края кровати. Я никогда не видал более красивой руки: все та же перламутровая и прозрачная кожа. Я видел голубоватые вены, пролежавшие нежной сетью под эпидермой, видел длинные, точно точеные пальцы, которые заканчивались розовыми ногтями. Эта ручка непреодолимо влекла меня. Я стал на пол около постели и дотронулся до кончиков пальцев моей незнакомки. Я почувствовал материальное сопротивление, довольно слабое, но все же ощутитель-

ное. Я не осмелился покрепче сжать руку из боязни разбудить спавшую девушку.

Легкое прикосновение к ее теплым пальцам, показавшимся мне точно из тонкой кисеи, сотканной из паутины, доставило мне вскоре странные ощущения. Я тщательно наблюдаю за собой, согласно вашим предписаниям, и благодаря этому теперь анализирую мои впечатления, как любое вещество в лаборатории. Сначала я был поглощен созерцанием прелестного существа, которое спокойно спало передо мною, и ни о чем не думал, а только скользил взглядом по ее изящной кисти, по ее круглой руке, наполовину скрытой кружевами рукава, по ее груди, белизну которой оттеняли тонкие голубые жилки, по ее личику, которым я не уставал любоваться.

Мало-помалу, особое ощущение привлекло мое внимание. Мне показалось, что легкий электрический ток пробегает по моей руке. Ощущение было очень ясно, хотя и очень слабо. В ладони руки и в мякоти пальцев я чувствовал множество мелких уколов, как будто опирался на булавки; мне представлялось, что легкое дуновение исходит из тысячи этих маленьких проколов; в этом не было ничего тягостного.

Я чрезвычайно удивился, так как это впечатление явилось для меня совершенной новостью. Около четверти часа оно длилось без перемены, а потом стало слабее, но не прекратилось. В же время я чувствовал необыкновенную симпатию к молодой девушке, которую держал за руку. Легкий электрический ток, о котором я вам говорил, как будто шел из моей руки в руку моей соседки, и мне в самом деле казалось, будто я вливаю в нее мою собственную силу. Мне чудилось, что она становится частью меня самого.

Прошло несколько минут; упомянутое чувство симпатии все росло и становилось определеннее. К нему примешивалась глубокая нежность: мне хотелось взять на руки эту изящную спящую фигурку и качать ее, как обожаемого ребенка, хотелось ласкать ее, лелеять, покрыть ее глаза, рот, шею, руки, все ее прелестное тело страстными поцелуями. Я согласился бы умереть, лишь бы избавить ее от простой

неприятности. Сердце мое расширилось, как бы готовясь разорваться, и чувство достигло такой глубины и остроты, что я не знал, горе ли овладело мною или радость: в нем сливалось то и другое, как бы в высшем их синтезе. Я понимал сладость слез, прелесть страдания и горечь радости. Удовольствие и горе относительно и случайны. Состояние, в котором я находился, как бы соединяло их в одно общее, еще не успевшее дифференцироваться.

Мне очень трудно дать вам понятие об этом ощущении и этом чувстве, — ибо это было то и другое вместе. Я стараюсь растолковать вам, но сознаю, что словами не могу передать того, что переживал.

Это впечатление длилось несколько минут. Из этого состояния скорбного блаженства меня вывело ощущение ледяного холода. Рука, которой касались мои руки, похолодела; она показалась мне похудевшей, бескровной, прозрачной; я перевел взгляд на лицо молодой девушки: розовый оттенок ее щек исчез; он заменился бледностью, которая придавала телу моей незнакомки сходство с мраморным изваянием. Лицо стало маленьким, под глазами легли тени, щеки ввалились. Я хотел встать, позвать на помощь, разбудить молодую девушку; но не мог сделать ни одного движения. Я опять был парализован, как в моих первых странных сновидениях; потом голова моя сама собой повернулась налево, и я заметил легкий фосфорический туман, который всплывал совсем рядом со мной, как столб дрожащего дыма. Этот туман имел слегка зеленоватый оттенок и напоминал мне туманность Ориона, какой мы ее видим в телескоп. Он не имел никакой определенной формы и образовывал на уровне груди моей незнакомки пятно с изменчивыми и подвижными контурами.

Ко мне вернулась способность двигать головой, но я все еще не мог оторвать руки от рук спящей молодой девушки. Я посмотрел на нее и был поражен все возраставшими изменениями в чертах лица; ее тело как будто осело и съежилось. Глаза глубоко запали в орбиты, нос обострился и стал прозрачным; передо мною лежало будто бы восковое изображение трупа. Тогда я взглянул на светящийся туман, ко-

торый только что появился: он медленно сгущался, и блеск его ослабевал. Потом он вытянулся в вертикальном направлении и расширился.

В эту минуту с возрастающей силой возобновилось ощущение электрического тока, переходящего из моего тела в тело молодой девушки. Я почувствовал, что силы мои быстро падают, будто бы кружится голова; я закрыл глаза и тяжело опустил голову на руку; невыразимая тоска утнетала меня; сердце билось ускоренно, и мне казалось, что мое существо исчезает, что мое тело стало жидким и струей вытекает из трещины, образовавшейся у меня «под ложечкой».

Не знаю, сколько времени длился этот обморок; когда я поднял голову и опять открыл глаза, налево от меня стояла фигура. Она была похожа на спавшую девушку, разве казалась чуть-чуть повыше. Ее левая рука находилась в моих руках и как-то сливалась с той рукой, которую я уже давно сжимал в руках. Эта фигура, точная копия спавшей, стояла, закрыв глаза, и будто дремала.

Чувство нежности к моей незнакомке, которое я недавно испытал, перенеслось на ее двойника и изменилось если не по силе, то по сущности. Я уже не имел желания ласкать и лелеять предмет этой любви: передо мною было существо сильное, подобное мне и не нуждавшееся в моем покровительстве. Всякая мысль о телесной ласке исчезла совершенно и заменилась жаждой духовного единения. Мне казалось, что она была я и что я был она; что моя жизнь могла продолжаться только, если это таинственное существо соединит с ней свою до полного слияния, до окончательного тождества. В соединении моего существа с этим женским призраком мне чудилось условие сверхчеловеческого могущества, источник бесконечных, невероятных радостей, а вместе с тем — и каких-то новых, еще неведомых мне обязательств.

Мною овладело чувство всеобъемлющей любви, направленное не на какое-либо определенное существо, а на всю природу в ее целях.

Я сознавал свою тесную солидарность не только с людьми, но и со всем живущим; мое сердце томилось необъятной жалостью к бесконечным и почти всегда бесполезным усилиям живых существ, вечно стремящихся к жизни лучшей, жизни более совершенной; в глубине души я благоговел всемогущего и доброго Хозяина, который дал мне достигнуть этой высшей жизни. Я смутно сознавал реальность этого Высшего Существа и понимал, что счастье будет дано мне лишь при условии соединения моей души с душой, которую, мне казалось, что я вижу подле себя. Я понимал, что это счастье зависит от меня, но не от одного меня, и что нужно добыть существо, необходимое для дополнения моего существа. Достижение более совершенной формы существования представилось мне результатом взаимной ассимиляции, делом нашей общей воли.

Леир остановился; он изъяснялся с произвольным жаром, и рассказ его так заинтересовал меня, что я не дотронулся до моей рюмки коньяка; даже сигара моя погасла.

— Я нагоняю на вас скуку, — начал опять химик, — рассказывая вам свои метафизические грезы. Но я думал, что обязан изложить вам детально все мои впечатления.

— Вовсе не со скукой, а, напротив, с чрезвычайным интересом слушаю я ваш рассказ. Почему это так, я объясню вам впоследствии. Ваши метафизические впечатления особенно увлекательны, и я считаю их важными. Вы никогда не читали сочинений оккультистов, спиритов, теософов?

— Нет.

— Вы никогда не имели случая говорить с приверженцами подобных учений?

— Нет.

— Ваше сновидение, без сомнения, не прекратилось на этом?

— Оно продолжалось. Я уже описал вам чувства и мысли, которые овладели мною. Их новизна захватила меня, и до сих пор я еще спрашиваю себя: каково может быть их происхождение? Я находил большую прелесть в таком образе мыслей и чувствовал в себе необыкновенную энер-

гию. Я все еще стоял на коленях, но волнение мое исчезло и я испытывал ощущение такой легкости, точно превратился в парящий шар, наполненный водородом. Я плывал в эфире, я ускользнул из материального мира.

Среди моих размышлений, я заметил легкое движение руки, которую держал; в эту минуту призрак, который ступил перед моими глазами, имел для меня более реальности, чем сама молодая девушка. Я увидел, что вновь обрзовавшаяся рука отделилась от моей. Я встал и поднял глаза на видение, стоявшее прямо против меня. Это именно была та молодая девушка, которая только что спала; черты лица были те же, но более красивые, более ясные и величественные. Новое существо было одето в пеньюар из вышитой кисеи. С минуту я смотрел на этого двойника девушки и увидел, что он медленно открыл глаза, удивленно осмотрелся вокруг и наконец остановил на мне свой взгляд. Я разглядел большие темные глаза под длинными ресницами. Но они вскоре выразили испуг; призрак бросился к молодой девушке, которая с криком проснулась. Я и сам проснулся; я лежал у себя на постели, сердце мое билось, в ушах шумело, дыхание было частое. Я боялся потерять сознание. Вскоре ко мне вернулось спокойствие; часы показывали половину третьего.

Отчетливость моего сновидения была такова, что впечатление от него сохранилось на всю ночь. Напрасно я снова старался уснуть; мне пришлось встать, чтобы в работе найти умственный отдых и покой.

Я не спал также и следующую ночь; коралловые четки я положил на грудь, но ничего не вышло; сладкое ощущение, которое они давали мне, утратило свою ясность; к нему примешивалось нечто, похожее на страх.

После этой бессонной ночи я почувствовал себя усталым; на другой день мне тоже нездоровилось, и я лег рано. Я взял коралловые четки и заснул, как только улегся. Приснилось мне опять прежнее; рассказывать я вам не буду: сон был повторением только что описанного. Однако, в знакомой комнате я заметил зажженный ночник. Я опустился на колени около кровати; руки спавшей девушки были

спрятаны под одеялом, но я без труда проник сквозь одеяло и взял ее за левую руку...

Возобновилось то, что уже было: девушка приняла вид трупа, в то время как рядом со мной возникло какое-то подобие. Я испытал те же ощущения, передумал те же мысли, воспринял те же впечатления. Призрак опять открыл глаза, бросился к постели и, к величайшему моему изумлению, проник в тело молодой девушки, которая приняла свой прежний вид и проснулась с громким криком. Я, в свою очередь, проснулся, но с меньшей внезапностью, чем день назад, и уже без таких тяжелых ощущений, хотя был немного разбит. Мне удалось опять заснуть, и остальная часть ночи прошла без происшествий.

Теперь я дошел до четвертой ночи. Она была отмечена особыми подробностями. Нечего и говорить вам, что я все время ложился спать при одинаковых условиях. По-видимому, я очутился в знакомой комнате, но она была пуста; что-то потянуло меня к стене и заставило войти в соседнюю комнату; без труда я проник в нее сквозь стену. Эта стена оказалась для меня только невещественной видимостью, как те лучи солнца, которые скользят по комнате и освещают пыль, наполняющую ее.

Помещение, в которое я вошел, было довольно просторно: в нем находились две кровати. Эта комната была меблирована в стиле ампира. Обои и материя кресел показались мне цвета слоновой кости; на этом одноцветном фоне выделялись бледно-зеленые лавровые венки. На камине стояли большие часы из белого мрамора; они служили цоколем для статуи из золоченой бронзы, изображавшей Наполеона I-го верхом на лошади. Я передаю вам эти подробности, чтобы показать вам, как отчетливо я воспринимал все.

Молодая девушка спала на правой постели, левую занимала пожилая дама. Эти две кровати стояли бок о бок, под одним балдахинном. Для большей точности скажу вам, что они — из красного дерева и украшены чеканной бронзой. На спинке кровати, над подушкой, на которой покоилась моя незнакомка, я заметил медальон из золоченой

меди, изображавший колесницу Авроры.

Как я уже говорил вам, неодолимая сила толкала меня к молодой девушке. Я взял ее руку, и случилось все то, о чем я уже вам сообщал. Из тумана образовался призрак, открыл глаза и исчез в молодой девушке в ту минуту, как она с криком проснулась. Я увидел, что дама тоже проснулась, но вскоре я стал различать все неясно, и мой сон миновал.

На другой день я проснулся ничуть не утомленным.

Пятая ночь прошла не очень приятно: мне пришлось обедать у одного знакомого, который справлял «мальчишник». Пили и болтали до половины третьего ночи. Я лег очень поздно и ничего не видел во сне.

Шестая ночь началась, как четвертая. Я проснулся в комнате стиля ампира; молодая девушка и дама занимали те же места, как и за день до того.

Не буду повторять подробностей, вам известных; скажу только, что я принял решение не просыпаться, если молодая девушка выразит ужас.

Моя воля осуществилась: призрак появился гораздо скорее, чем в первый день, и через десять минут был уже готов. Он открыл глаза и бросился в молодую девушку, которая, вскрикнув, проснулась. На этот раз я не испытал ни малейшего изумления и остался в комнате. Я увидел, как прелестная незнакомка села на постели и, задышав, поднесла руку к сердцу. Пожилая дама проснулась, и я услышал разговор.

Должен вам сказать, что голоса шли как бы очень изда-лека, но доносились вполне отчетливо.

— Что с тобой опять, дитя мое? — сказала дама.

— О, мама, я видела этого человека!

— Но ведь это — кошмар, милая Люси. Твой сон произвел на тебя такое впечатление, что повторяется почти каждую ночь. Разве ты не сознаешь, что это сон? Встань и посмотри сама окна и двери.

— О, нет, мама! Я не посмею встать.

Тогда мать незнакомки нажала звонок и позвала громким голосом: «*Мария! Мария!*»

Тут я увидел, что из уборной вышла дюжая девка в шерстяной юбке и платке.

— Чего угодно? — спросила вошедшая.

— У барышни опять был кошмар; ей приснилось, что она видит перед собой смуглого человека с длинной черной бородой. Пожалуйста, поищите под кроватями, загляните за занавески, проверьте, заперты ли двери, словом, осмотрите все хорошенько.

Мария, — теперь я знал ее имя, — принялась за самые добросовестные розыски. Она прошла сквозь меня три или четыре раза, не заметив моего присутствия, которого никто не замечал. В то время, как меня искали, я смотрел на Люси. Она сидела в постели на корточках, натянув одеяло до подбородка, и вид у нее был испуганный. Я подошел к ней и мог любоваться ее большими темными глазами.

— Ты видишь, дитя мое, что твои страхи — одно воображение, — сказала мать после того, как Мария сообщила об отрицательном результате своих поисков. — Ложись и спи.

Люси ничего не сказала, и мать погасила свечу. Я продолжал видеть одинаково хорошо, и отсутствие освещения не произвело никакого осязательного влияния на мое восприятие. Без сомнения, я привык видеть в темноте, но все казалось мне освещенным бледным светом, подобным свету лунных лучей.

Люси, — я находил это имя прелестным, — Люси решилась лечь и вертелась на своей кровати; она, очевидно, не спала. Я хотел уйти от нее, но мне это не удалось; я пробовал производить различные движения, но единственно возможными оказались те, посредством которых я мог положить левую раскрытую руку на глаза молодой девушки. Я пробыл в этом положении, не двигаясь, несколько минут, и заметил вскоре, что волнение Люси утихло; глаза ее закрылись и она заснула. Тогда мне пришла в голову мысль нагнуться к ней и сказать на ухо, чтобы она не пугалась, когда увидит меня в своей комнате.

Я смотрел, как она мирно спала, когда почувствовал, что меня куда-то тянет, как бы на эластичной веревке; я по-

пробовал упираться, но ничего не вышло, и почти тотчас же очутился у себя в комнате: я проснулся. Нездоровья не ощущалось никакого.

Вчера я был очень занят весь день: мне надо было составить отчет об экспертизе по одному важному делу. Я долго толковал с моими двумя коллегами и, так как я — младший из трех, то на мою долю выпала скучная обязанность письменного изложения. Я не спал до трех часов и когда лег, то спал без сновидений.

— Вот, дорогой господин Эрто, резюме моих приключений на этой неделе.

Я поблагодарил Леира за рассказ. Я ничего не имел ему посоветовать, и мы назначили друг другу свидание через неделю, в час завтрака.

IV

Химия приучает к аккуратности: через неделю, едва пробило двенадцать, мне уже доложили о моем сотрапезнике; он выказал прекрасный аппетит и, когда мы остались одни, заговорил в следующих выражениях:

— Рассказ, который вы услышите, еще невероятнее предыдущих. Прежде, чем начать его, позвольте мне спросить у вас кое о чем.

— Спрашивайте, — сказал я.

— Как вы думаете, может ли человек находиться в двух местах одновременно?

— Сомневаюсь; однако, должен вам сказать, что жития святых изобилуют рассказами о пребывании в двух местах одновременно. Писатели-мистики называют это даром вездесущия. Примеры вы найдете в биографиях святого Альфонса Лигурийского и святого Франциска Ксавье. Но, может быть, это — не более, как легенды!

— Такие примеры есть только в житиях святых?

— Приводятся и другие случаи; но я не хотел бы знакомить вас с этой специальной литературой: боюсь невольно помешать естественному ходу ваших переживаний. Когда у вас все окончится, я поделюсь с вами моими знаниями по этому вопросу. Если хотите моего совета, то скажу вам: предоставьте событиям идти своим чередом. Явления будут иметь более значения, если ничто постороннее не повлияет на работу вашего воображения.

— Понимаю ваше желание; но в то же время я слишком заинтересован тем, что со мной происходит. Выслушайте меня, и вы скажете мне, возможно ли, чтобы виденное мной было лишь сном.

В прошлый раз я рано лег спать. Накануне я засиделся и за обедом уже дремал. В сновидении я вернулся в комнату молодой девушки. Избавляю вас от подробностей, вам уже известных; скажу только, что призрак образовался в течение нескольких минут; увидев его совсем готовым, я встал и сел в другом конце комнаты. Призрак открыл глаза и увидел меня; я заметил в нем менее волнения и успел сказать: «Барышня, не бойтесь: я не желаю вам зла».

Тогда он ответил мне.

— Что же он ответил вам? — спросил я с невольной живостью.

— Он мне сказал уже не тем далеким голосом, каким говорили все, виденные мною в прежних снах, а звуком ясным и живым: «Что делаете вы здесь, милостивый государь?» Вид призрака был немного испуганный и он вел себя так, как будто в самом деле был молодой девушкой, увидевшей у себя в комнате мужчину в неурочный час.

Я поспешил успокоить мою странную собеседницу, и мне пришлось на ум пробудить ее любопытство. Мне говорили, что это — лучшее средство заставить себя слушать, когда обращаешься к женщине. Я не двинулся со стула и сказал призраку: «Сударыня, я вам скажу самую невероятную вещь из всех, вами слышанных. В эту минуту я сплю в Бордо, у себя дома, на бульваре Кодерана, в доме № 532, и в то же время нахожусь здесь. Я этого совсем не понимаю».

Чтобы вам понять мое душевное состояние, доктор, надо припомнить, что я говорил вам о любопытном чувстве привязанности, духовной любви, которое питал к возникшему передо мной существу. Я горячо желал разговаривать с ним и, говоря немного наугад, старался его не испугать и не расстроить.

Мои слова не подействовали: девица-призрак оставалась неподвижной, смотрела испуганно и робко молчала. Вдруг в моем уме само собой возникло и почти автоматически оформилось следующее:

— Впрочем, и сами вы, — сказал я призраку, — в таком же положении, как и я. Не пугайтесь, слышите? Не бойтесь ничего. Во сне нас влечет друг к другу или, вернее, ваша душа влечет к себе мою в то время, как мое тело спит дома, как труп. Уже давно я почти каждую ночь прихожу в вашу комнату. Вы заметили меня только в четыре последние посещения, потому что вам только недавно удалось впасть в то же состояние, в каком нахожусь я. Это — необыкновенное состояние, достигнуть которого дано не всем; вам оно выпало на долю, поэтому благодарите Бога за этот драгоценный дар. Чтобы немедленно убедиться в истине моих слов, посмотрите сейчас на вашу кровать: вы увидите там ваше спящее тело. Не пугайтесь его бледности и мертвого вида: тела, покинутые душами, всегда бывают такими.

«Душа» или «тень» Люси обернулась к постели, и у нее вырвалось восклицание; потом она нагнулась к тому, что я, для сокращения речи, назову телом.

— Сейчас я вам покажу, — прибавил я, — что оба мы находимся в состоянии духов, заключенных в почти невещественные оболочки. Позвольте мне подойти к вам. Разрешаете ли подать вам руку?

Тень выпрямилась и жестом выразила согласие. Ощущение электрического тока, о котором я уже говорил вам, сейчас же появилось. Мне показалось, что тень ощутила почти аналогичное, потому что она быстро выпустила мою руку, но почти тотчас опять взяла ее.

— Мы можем, — сказал я ей, — проникать сквозь все вещественные препятствия. Хотите пойти со мной в какое-

нибудь другое помещение? В комнату вашей матери?

— Хочу!

— Заставьте себя пожелать следовать за мной и знайте, что материальные предметы уже не имеют осязательной реальности. Они будут иметь только те свойства, какие оставит им ваше воображение. Мы пойдем на высоте одного метра над полом.

Немедленно обе наши тени поднялись и скользнули к стене, сквозь которую они легко проникли; мы очутились в соседней комнате. Дама, которую я уже видел, спала на одной из кроватей; на другой лежал мужчина лет шестидесяти. Он читал газету, несмотря на поздний час; это было «Свободное слово». Я посмотрел на этого человека, которого видел первый раз; он имел вид юриста старого порядка: бритые губы и подбородок, длинные бакенбарды, строгий вид. Это был, очевидно, человек упрямый и своевольный; очерк его сжатых губ, выпуклость лба, угловатость подбородка — все свидетельствовало об этом с первого взгляда.

— Мой отец и моя мать! — сказала Тень.

— Они не могут ни видеть, ни слышать вас. Попробуйте разбудить вашу мать или заставить вашего отца заметить вас!

Тень подлетела к своему отцу и обняла его, целуя в лоб; тот как будто и не заметил.

— Папа! Папа! разве ты меня не видишь? Разве не слышишь меня? — кричала моя спутница, но без успеха. Она попробовала потрясти отца за руку, но ей казалось, что она ничего не тронула, и ее пальцы проникли сквозь руку, которую она схватила, точно сквозь легкий пар.

— Это невероятно! — сказала тогда она, возвращаясь ко мне. — Не можете ли вы мне это объяснить?

— Теперь я знаю не более, чем вы, — ответил я.

— Я очень взволнована тем, что со мной происходит, — возразила она. — Я не могу оставаться здесь, будучи, как сейчас, невидимой для моих родителей. Мне страшно. Вернемся в мою комнату.

Она инстинктивно взяла меня за руку, и я провел ее сквозь стену, через середину каминов, устроенных в связи; она не почувствовала жара от огня. В комнате молодой девушки мы сели друг против друга.

— Какое необыкновенное приключение! — вскричала Тень, глядя на себя после того, как посмотрела на спящую девушку. — Нет сомнения, что я вижу сон.

— Как и я,—прибавил я.

Тут я почувствовал, что какая-то слабость овладела мной: меня влекло вон из комнаты. Я едва успел сказать призраку: «Мне надо уходить. Завтра я опять приду. Вы не боитесь?..»

— Нет. Приходите.

— Прощайте. До свидания.

— До завтра.

И я проснулся у себя дома.

Результатом моих необычайных сновидений, доктор, было то, что я стал находить ночи бесконечно более приятными, чем дни. Теперь мне все хочется лечь в постель, и я ложусь до смешного рано.

На другой день, продолжая мое сновидение, я опять очутился около спящей девушки: Тень уже почти совсем образовалась и, через четыре или пять минут, открыла глаза и заговорила со мной.

— Как, вы уже здесь? — сказала она.

— Только что явился. Вы были в процессе возникновения.

— Вы видели, как я возникла? — спросила она.

— Да.

— Как же это?

Я должен был рассказать ей подробно, как она сгущалась на моих глазах. Она внимательно слушала мой рассказ, который прерывала восклицаниями. Когда же я кончил, заговорила она:

— Я очень хотела бы видеть нечто подобное.

— Может быть, вы могли бы видеть мое возникновение, если я сгущаюсь так, как вы.

— Как это, должно быть, любопытно!

— Это чрезвычайно любопытно: но так как я еще ничего не знаю о необыкновенном мире, в котором мы с вами живем, то не лучше ли подождать, пока мы с ним не освоимся, а потом уже производить опыты?

— Вы думаете?

— Да, я так думаю.

Некоторое время мы хранили молчание, разглядывая друг друга. Тень была, как я уже вам сказал, точной копией молодой девушки. Ростом она была повыше, по крайней мере, на три или четыре сантиметра. Я уже описал вам мою незнакомку, и бесполезно повторять ее портрет; только скажу вам, что у нее темные, влажные, глубокие глаза, которые освещаются взглядом ясным, как свет: выражение лица обыкновенно спокойное и величественное; она кажется живой, умной, доброй; чем больше я ее вижу, тем сильнее к ней привязываюсь. Все качества, которыми я наделял идеальную женщину, назначенную для моей будущей любви, соединились в ней. Я страстно влюблен в нее; но эта любовь нелепая, так как предмет ее есть плод моего воображения и не имеет ничего материального. Она обитает в сфере духа, и я пытался в прошлый раз дать вам понять те чувства, которые я испытываю в присутствии моей грезы.

Разговор возобновила она:

— Как пришло вам на мысль явиться ко мне?

— Я этого не знаю.

— Когда явились вы в первый раз?

— 28 числа прошедшего ноября я начал приближаться к вам. Я очутился у решетки, сквозь которую проник лишь через несколько дней. Потом я добрался до вашего дома и, наконец, до вашей комнаты. В течение нескольких ночей я видел вас спящей.

Тогда я рассказал Тени во всех подробностях, при каких обстоятельствах я увидел ее возникновение, а также о ее испуге, когда она заметила меня, и о постепенном приручении.

— Теперь вы больше не боитесь меня, — сказал я, смеясь.

— Нет, — отвечала она, тоже со смехом. — Какая стран-

ная ваша история!

— Вернее: н а ш а и с т о р и я!

— Да, наша. Но одна вещь остается для меня необъяснимой: что вас привлекло именно к моей комнате и к моей особе?

Я тотчас же интуитивно постиг, что коралловые четки должны быть не чужды нашему приключению.

Ваша настойчивость, доктор, когда вы советовали мне положить их на грудь, засыпая, и аналогия между ощущениями, которые доставляют мне они, с теми, какие я переживаю при незнакомке, вдруг просветили меня.

— Не потеряли ли вы коралловых четок? — сказал я Тени.

— Да.

— Когда?

— 27 минувшего ноября в Аркашоне, на мысе Ферре или на взморье, между этими двумя местностями.

— Я был в этом уверен! Я нашел их 28 ноября на взморье, у мыса Ферре. В тот же вечер я начал грезить...

— Что хотите вы сказать?

— Я хочу сказать, что с 28 ноября я начал видеть сон, который длится каждую ночь, так как я прихожу к вам во сне.

— Во сне? Следовательно, совершенно так же, как я! Это поразительно!..

Я должен был повторить рассказ о сновидениях, вам известный; он, по-видимому, очень заинтересовал ее; она задавала мне разные вопросы о парке, дороге, о шалаше из веток.

— В этот шалаш я часто приходила молиться по четкам, — сказала она доверчиво. — Но как объясняете вы то, что находка четок привела вас сюда?

— Предполагаю, что между этим предметом, который вы долго носили, и вами самой существует род таинственной связи. Испытываете ли вы какое-нибудь ощущение, когда берете меня за руку?

Я протянул Тени руку, и она вложила свою руку в мою.

— Испытываете ли вы какое-нибудь ощущение?

— Да, — ответила она. — Мне кажется, точно легкий тепловатый пар проникает в руку и распространяется по всему телу. Это можно бы назвать мелкими булавочными уколами.

— Нет ли еще чего-либо?

Она выдернула у меня руку с несколько смущенным выражением.

— Да, есть нечто другое, — сказала она.

— Что же это?

— Я не сумею этого растолковать, — ответила она с некоторым колебанием... — Скажите сначала то, что вы хотели мне сообщить.

— Ну, так, когда я подаю вам руку, то чувствую ощущение тепловатого пара или электрического тока, о котором вы говорите; но я ощущаю еще нечто другое; это — очень приятное ощущение, род блаженства, которое сопровождается... как бы это выразить?... особым чувством. Я испытываю то же ощущение и то же чувство, когда прикасаюсь к коралловым четкам. Мне кажется, что они пропитаны той же эфирной эссенцией. Вот почему я ассоциирую с вашей личностью четки, которые я нашел.

Моя собеседница, казалось, подумала с минуту.

— Значит, мы оба грезим?

— Без сомнения.

— И мы видим один и тот же сон?

— Не знаю. Возможно, что грежу я один, и что ваш образ, ваш голос, все необыкновенные обстоятельства моего сна суть только плоды моего воображения.

Тень начала смеяться:

— Вы думаете, что я — только иллюзия?

— Почему вы хотите быть чем-то другим? Я лег спать вчера вечером. Я заснул, как обыкновенно, и вижу необычайный сон; вот и все.

— Но я? Уверяю вас, что я жива и вполне реальна. Вы очень смешите меня, считая меня иллюзией и привидением!

Она встала, подошла ко мне и с некоторой силой надавила рукой на мое плечо. Движение ее было внезапно и

заставило меня согнуть колени.

— Думаете ли вы, — сказала она, — что призрак может иметь такую силу, какую проявила я?

— Нет, если только мое ощущение и мое движение сами не привиделись мне во сне.

Мое упорство, должно быть, рассердило ее; она крепко уцепилась за руку, и я проснулся на своей кровати; сердце сильно билось, и я испытывал до некоторой степени ту тоску, о которой вам говорил. Была четверть четвертого. Я опять заснул, и остаток ночи прошел без приключений.

Вы понимаете, насколько мои сны сделались интересны. Не могу вам выразить, до какой степени они мне кажутся реальными. Это чувство реальности таково, что я спрашиваю себя, не переносится ли моя душа, мой ум, словом — частица меня самого, в дом, который где-нибудь существует, и к девушке, действительной живущей. Вот почему в начале рассказа я поставил вам вопрос, на который вы не захотели дать точного ответа.

Следующая ночь только усилила это впечатление. Во сне я сразу очутился в комнате молодой девушки; Тень сидела в кресле у камина и как будто ждала меня. Она встретила меня по-приятельски и протянула мне руку.

— Здравствуйте, иллюзия! — сказала она весело. — Я начинаю думать, как и вы, что я грежу и что ваш визит — продолжение моего воображения.

— Мы не имеем никакого средства удостовериться в нашей реальности или призрачности.

— Я рассказала маме мой вчерашний и позавчерашний сны. Она сказала, что я с ума сошла; однако, очень удивилась, когда я упомянула, что папа читал «Свободное слово», пока она спала. Она передала это отцу, и тот не менее удивился. Я сказала ему, что трясла его за руку и звала его громким голосом; он, как и мама, сказал, что я сошла с ума и что мне все приснилось. Я уже не решусь рассказывать им о моих снах.

— Я рассказал о своих одному доктору. Он находит их очень интересными.

— Я не соврал, доктор? — спросил Леир, прерывая себя.

— Конечно, нет, — ответил я. — Вы сказали только правду. Но продолжайте ваш рассказ.

— Тень спросила у меня фамилию доктора, который пользуется моим доверием; я назвал вас.

— Доктор Эрто? Тот, который занимается нервными болезнями?

— Да.

— Что он вам сказал? Вы, должно быть, сочли себя больным, если обратились к нему?

— Конечно. Меня очень встревожило чувство парализованности, которое я испытал во время первых сновидений. Он меня успокоил и не прописал никакого лекарства, а просто дал несколько советов.

— Какие же?

— Например, чтобы я не считал решетку непроницаемой, а пожелал проникнуть за нее. Я употребил его способ, чтобы проникнуть сквозь двери и стены. Вы также испробовали его третьего дня!

— Это правда. Но кто вы? День за днем я вижу вас в моей комнате и все не знаю, кто мой посетитель.

Леир хотел пропустить в своем рассказе все подробно, касающиеся его самого. Я просил его не делать этого и не пропускать ничего. Он обратился к своим запискам, которыми потом руководился и я при записывании излагаемого, почти не делая в них изменений, и продолжал:

— Я повторю вам наш разговор полностью, так как таково ваше желание. Но перед тем, позвольте мне описать тогдашнее состояние моего духа; оно объяснит вам, как я мог решиться на такую откровенность.

При этих словах Леир остановился и начал смеяться.

— Видите, как я отдаюсь своей мечте! Я не могу убедить себя, что моя собеседница — лицо воображаемое, и, в противность разуму, чувствую себя так, как если бы действительно открыл свое сердце молодой женщине.

— Меня ничто не удивляет, господин Леир; вы узнаете в один прекрасный день то, что знаю я, и поймете тогда, какую ценность имеете для меня ваши наблюдения. Продол-

жайте, прошу вас, и не пропускайте ни малейшей подробности.

— Слушаю-с. Тень спрашивала сведений обо мне. Я ответил приблизительно следующее: меня зовут — Антон Леир; мне 28 лет. Мой отец владел одним из лучших виноградников в Медоке. Он верил в выгодность своего дела и вложил в него все свои сбережения. В этом он последовал примеру моего деда. Судьба, очень щедрая к Жиронде в продолжение двадцати лет, с 1880 года подтвердила свою репутацию непостоянной. Занесенная из Америки филлоксера напала на виноградники; сырость, гниль, червяк и грибок-цвель довершили ее работу. Культура винограда становилась все убыточнее. В то же время, цены понизились: нашлись недобросовестные торговцы, которые начали продавать южные и алжирские вина, смешанные с испанским, выдавая их за наши. Прежние громадные барыши сменились сначала ничтожными, а затем и убытком. Состояние моего отца заключалось в недвижности; ежегодные затраты на возделывание винограда поглощали более ста тысяч франков, выручка же далеко не достигала этой цифры; отец воображал сначала, что это — временный кризис, и не захотел продать ни одного из своих участков, а предпочитал заниматься. В 1888 году, когда мне было 12 лет, его долги по закладным достигли 400 тысяч франков. По смерти деда недвижимость была оценена более чем в 1600000 франков; но стоимость ее значительно уменьшилась; отец попробовал продолжать займы, но не нашел займодавцев. Он хотел продать часть своих земель, но ему предложили цену, которую он счел неприемлемой. Пять лет я был свидетелем его борьбы с разорением, которое он упорно старался предотвратить. Это были тяжелые годы, и я до сих пор еще страдаю при воспоминании о них.

Наступило неизбежное: наши имения были проданы с публичного торга, и выручки не хватило на удовлетворение кредиторов. Мать моя отдала свои личные средства на уплату долгов отца. Последний недолго прожил после разорения; горе и волнения надорвали ему сердце; он умер от грудной жабы, оставив мать и меня в полнейшей нищете.

Я замолчал, подавленный кошмаром этих ужасных воспоминаний. Я не могу предаваться им без глубокого волнения. Рассказывая Тени об этой печальной поре моей жизни, припоминая горе отца, его страдания, тяжесть его последних минут, отчаяние, выражавшееся на его измученном лице при последних приступах недуга, я утратил самообладание и почувствовал, что глаза мои полны слезами. Желая скрыть волнение, я оперся локтями на колени и закрыл руками лицо. Возможно, что тому странному состоянию, которое теперь мне свойственно во сне и не может быть названо ни радостью, ни горем, присуща особая чувствительность; но должен сказать вам, что никогда не бывал так расстроган воспоминаниями о печальном закате дней моего отца. Я не испытывал никакого горя при мысли о собственных неудачах; но память о страданиях родителей меня терзала. Я не мог говорить; сдерживаемые рыдания душили меня. Несколько минут я просидел, закрыв лицо, глотая слезы, стараясь победить волнение; но это мне не удавалось.

Вдруг я почувствовал, что две теплых, милых руки медленно отнимают мои руки от лица; я поднял голову и, сквозь влажный туман, застилавший мне глаза, увидел Тень передо мной на коленях: она взяла мои руки и, нежно сжимая их, говорила с бесконечной мягкостью:

— Не плачьте! — Между тем, ее собственные глаза были мокры от слез; но сквозь них сиял ее взор, такой милый, такой благосклонный, такой сострадательный, что я почувствовал, как сердце растет у меня в груди. Сам не зная о чем и как будто находя в слезах удовольствие, я зарыдал и проснулся: я действительно плакал, как дитя.

Следующая ночь опять провела меня в голубую комнату; Тень была уже налицо; молодая девушка спала на постели с тем же восковым видом и съеженным телом, так поразившим меня, когда я увидел это зрелище в первый раз. Но я не думал о молодой девушке; я пошел к Тени, которая сидела у камина; она протянула мне руку и пожатие ее смутило меня. В нем не было ничего, а вместе с тем было многое. Хотя наше рукопожатие продолжалось только

одно мгновение, но его было достаточно, чтобы передать целый мир впечатлений.

— Вы внезапно исчезли вчера, господин Леир, в самый интересный момент вашей биографии.

Мне показалось, что розовый свет освещал ее улыбающееся лицо, когда она произносила эти слова.

— Я сгораю желанием узнать конец вашей истории.

— Продолжение весьма ординарно, — сказал я. — Когда мой отец умер, я только что сдал бакалаврский экзамен. Я рано понял, что мне необходимо работать. Один друг моей семьи, профессор естественного факультета, взял меня к себе и выказал много доброты и заботливости. Ему удалось дать мне маленькое местечко в своей лаборатории; я достал несколько уроков и всего добывал около 150 франков в месяц: на них я содержал мою мать. Я много трудился, уверяю вас, — сказал я Тени.

Я опять увидел в милых глазах тот же взгляд, добрый, сочувственный и нежный. Этот взгляд подкрепил меня, и очевидный интерес, с которым Тень относилась к рассказу, дал мне храбрость продолжать.

— Жить было можно, — без сомнения, трудно, но можно, — сказал я. — Мне удалось выдержать магистерский экзамен. Я достиг того, что сделался главным заведующим в лаборатории Дюрье.

— Какого Дюрье? Директора лаборатории по виноделию?

— Того самого. Что же сказать вам еще? Я написал несколько сочинений, которые, благодаря моему учителю, были одобрены более, чем по достоинству. Я с успехом выдержал докторский экзамен и, может быть, когда-нибудь стану профессором в университете.

— В этом заключается ваше честолюбие?

— Да.

Тень задумалась. Я не решался прервать ее размышлений, так как мне слишком приятно было на нее смотреть. Она была все в той же одежде: ее белая шея была открыта, и у самого начала ее, налево, я заметил черное пятнышко, точно нарочно тут помещенное, чтобы оттенить белизну ко-

жи. Широкие рукава кончались на локте и выказывали прелестные руки, округлые запястья и очень маленькие кисти с тонкими пальцами. Мне видны были тонкие ножки с узкими удлинненными ступнями в голубых шелковых чулках и в маленьких атласных туфлях. Я любовался и тонкой круглой талией, красивыми очертаниями бедер, грудью, которая гармонично-выпуклой линией обозначалась под слегка вырезанным корсажем. Но если фигура была так красива, то что сказать вам про лицо? Представьте себе овальное личико, прямой и тонкий носик с маленькими, тонкими, узкими ноздрями, точно перламутровыми, крошечный рот, пухлые губы, превосходные зубы, волосы светло-каштанового цвета и глаза. Никогда, доктор, я не видел глаз таких прозрачных, таких глубоких, таких кротких! Мне кажется, что я никогда не устану любоваться их ясным взором.

Я улыбнулся воодушевлению молодого химика; он сейчас же заметил это и сказал:

— Вы должны считать меня глупым, не правда ли?

— Вовсе нет, вовсе нет, мой молодой друг.

— Конечно. Я сам считаю себя совершенным дураком, потому что, сколько ни рассуждаю, сколько ни твержу себе, что все это вижу во сне, я не могу отделаться от сладкого волнения при мысли о моем призраке. Но я напрасно задерживаю вас: уже три часа и, может быть, у вас есть еще дела?

— Я свободен до четырех. Если у вас есть время, продолжайте рассказывать лишь о вашем сне. Вы остановились на том моменте когда, окончив рассказ о вашей жизни, вы погрузились в созерцание призрака, описанного мне вами.

— После довольно долгого молчания, моя собеседница спросила о подробностях моей теперешней жизни, о моих ежедневных занятиях, о работах, меня занимающих.

— Моя жизнь очень проста, — отвечал я ей. — В восемь часов утра я иду обыкновенно в лабораторию. Я наблюдаю за студентами, занимаюсь с некоторыми из них. В полдень я иду завтракать к матери, здоровье которой очень слабо. Несмотря на силу ее духа, она никогда не могла утешиться

в смерти моего отца; она страдает также от бедности, заменившей нашу былую роскошь. Без четверти в два я направляюсь опять в университет и ухожу оттуда довольно поздно. Я возвращаюсь домой и обедаю вдвоем с матерью; потом болтаю с ней или читаю ей что-нибудь до десяти часов; тогда она ложится спать, в то время как я еще занимаюсь до полуночи.

— А во время отпуска?

— Я ни разу не брал его с тех пор, как умер мой отец.

— Несомненно, вы — превосходный сын, — сказала мне Тень. — Бог благословит ваше мужество и вашу сыновнюю любовь. Скажите теперь, что делаете вы интересного? Расскажите, какие исследования вы производите.

— Я наведу скуку на вас, прелестная мечта, — ответил я печально. — Какой интерес можете вы найти в моих химических анализах?

— Не думайте, что я совершенная невежда. Я имею высший диплом и немного знаю химию. В какой области работаете вы по преимуществу?

— Я изыскиваю практический способ удалить из вина сернистую кислоту или, по крайней мере, избыток этой кислоты. Вам известно, что большая часть сернистой кислоты, получающейся от пропитывания бочек серой и от сбраживания, превращается в серную кислоту и сернокислые соли. Я хотел бы найти вещество, могущее заменить серную кислоту.

— Вы рассчитываете на успех?

— Надеюсь. Я сделал множество опытов, которые обещают удачу. Если мне посчастливится, тогда я, пожалуй, верну моей матери былой достаток.

— Хочу, чтобы ваши желания исполнились, — сказала мне Тень серьезным тоном.

Наш разговор принял вскоре более интимный характер: мы поговорили о нашем странном ночном существовании, об удовольствии, которое нам доставляют беседы в ночной тиши. Я заметил, что Тень, по-видимому, так же рада меня видеть, как я сам бываю счастлив, приходя к ней. Я имел большое желание спросить, как ее зовут, но не по-

смел. У меня было какое-то безотчетное отвращение к расспрашиванию: мне казалось, что расспросы разобьют мое хрупкое счастье.

— Какая жалость, что все это — лишь сон! — сказал я, вздыхая. — Как жаль, моя прелестная иллюзия, что вы — не живое существо!

Тень грациозно скрестила ноги, закинула руки за голову и весело откинулась назад, заливаясь смехом.

— Как мне вас жаль, о, трудолюбивый призрак! Что могу я сделать, чтобы убедить вас в моей реальности? — Говоря это, она встала и направилась к столу из розового дерева, на котором лежали бумаги. Я хотел пойти за ней, но почувствовал, что на меня напало невыносимое оцепенение и, когда сознание опять вернулось ко мне, я лежал у себя на постели; был уже совсем день; моя мать стояла около меня.

— Как ты долго спал сегодня, дитя мое, — сказала она мне. — Не болен ли ты?

Я успокоил мать и едва успел одеться, чтобы не опоздать в университет. Там меня ожидала настоящая каторга. Дюрье поручил мне работу очень важную и хорошо оплачиваемую, но которую требовалось окончить в сорок восемь часов. Мне пришлось провести в лаборатории две ночи в понедельник и во вторник. Я подбодрял себя кофеем, успел окончить к сроку порученный мне длинный анализ и был счастлив похвалами, которые тем заслужил. Вчера я лег спать в пять часов пополудни: пообедал наспех и заснул как сурок.

— Я очнулся в голубой комнате; там никого не было. Я стал бродить по большому дому, сошел вниз, обошел гостиные, столовую. Везде было пусто. Я слышал шум только в том направлении, где предполагал кухню. Я опять вернулся в голубую комнату и сел в кресло, в котором провел последние ночи. Я начал размышлять о моем странном сневидении, и размышления эти только усилили мое недоумение.

— Сообщите мне эти размышления, — попросил я Леира.

— Вот они. Я ощущал некоторую, очень приятную теплоту и испытывал то спокойствие, то благополучие, которое всегда чувствую около молодой девушки и Тени, столь на нее похожей, а также, хотя и в меньшей степени, от прикосновения к коралловым четкам. Не бывает состояния, когда бы мой ум был более ясен, мысли более отчетливы, память более тверда.

Я начал анализировать свои умственные способности: прежде всего память. Я без запинки ответил себе отрывки XI песни Одиссеи, которые заучил в классе риторики. Я был поражен аналогией между моим состоянием и состоянием теней, описанных Гомером. Я повторил слова, которыми Улисс обменивается со своей матерью: он пробует обнять ее, она же исчезает, как тень или как сновидение, и говорит ему, что «таково состояние умерших, когда их сила лишена мяса и костей, сожженных на погребальном костре, когда душа покинула их побелевшие кости; тогда душа порхает, как греза».

На этой мысли я остановился надолго: никогда я не находил столько истины и столько прелести в стихах старого греческого поэта. Потом я продолжал экзаменовать себя: попробовал вспомнить сложные химические формулы; они сами собой восставали в моей памяти. Окончив это, я захотел проанализировать свое положение.

В каком состоянии находился я?

По-видимому, в обыкновенном состоянии моего ума; мне только казалось, что я потерял свое материальное тело. Временно я оставил в стороне эту сторону вопроса, предоставляя себе позже разобрать ее. Итак, по моему рассуждению, я находился в полном обладании всеми моими способностями.

С 28 ноября я живу в мире фантастическом. Создан ли этот мир моей фантазией?

Сначала я должен был допустить, что не имею никакого средства убедиться в верности моих рассуждений. Если все это — только одна видимость, то и моя логика могла быть такой же. Я мог вообразить, что точно повторил стихи Гомера, что правильно вспомнил химические формулы: в

действительности, все это могло мне присниться, и во сне я мог удовольствоваться знанием неполным или простым пустословием, чепухой, имеющей ценность только в сновидении.

Этот вывод не обескуражил меня. Если все это — мой сон, то он, действительно, необычен. Почти каждую ночь я прихожу в определенное место; я дошел до того, что знаю голубую комнату лучше собственной. Все подробности поразительны по реальности.

Не смея вам сказать об этом, я, однако, прочел все книги о сновидениях, какие только мог достать. Мне известны все характерные отличия сна от бодрствования: ослабление внимания, воли, суждения, способности абстрагировать; объективация умственных образов; нелогичное их ассоциирование; понижение самосознания. Я поочередно перечислил перечисленное.

Внимание легко сосредоточивалось на любом предмете. Сам тот факт, что я занят был самоанализом, доказывал это. Воля не потерпела ни малейшего изменения, равно как и рассудок. Способен ли я абстрагировать? Я вспомнил о геометрических теоремах и умственно проделал доказательства трех случаев равенства треугольников, исполнив это без всякого затруднения. Потом я стал думать о различных предметах: о лошади, о собаке, о кошке; эти образы оставались субъективными и предо мной не появлялось ни одного из животных, вызванных моим воображением. Я попробовал увидеть крылатую лошадь, комбинировать самые неподходящие образы: но нелогичность их была мне очевидна; я ясно понимал и чувствовал активность моего самосознания. Итак, мое состояние не имело характера сновидения.

Да, повторял я, это — не сон; но все мои рассуждения могут быть ошибочными, все выводы могут быть иллюзорными, и я прекрасно могу не замечать этого.

Я встал и ощупал себя; я отчетливо чувствовал все давления, которые сам производил на своей руке; я дернул себя за усы и ощутил соответствующую боль. Таким образом, моя чувствительность сохранилась в сфере моего лич-

ного воздействия на самого себя. Я знал, что это же можно было сказать и о Тени: она казалась мне существом материальным.

Я припомнил восхитительную сцену, когда испытал прелесть ее доброты; тогда я почувствовал, как ее ручки отвели мои руки от лица; прикосновение ее пальчиков было вполне реально.

Совсем иное происходило по отношению к неодушевленным предметам. Я воспринимал только их форму и цвет; для меня они были невесомы.

Это обстоятельство показалось мне решающим. Я слишком привык рассматривать вещество, как нечто непроницаемое и прочное, чтобы не принимать за иллюзию всего, что противоречит этому понятию. Итак, размышления мои привели меня к тому выводу, что судьба посылает мне необычные сны; однако, удовлетворенным я себя не чувствовал и, против воли, все еще сомневался.

— Ну! — сказал я себе наконец и встал. — Вот сейчас пройду сквозь стену, среди камина в огне: если я — не жертва иллюзии, то не проникну сквозь стену и не перенесу огня. — Я нагнулся и положил руку на раскаленные уголья: ощутилась легкая, чуть заметная теплота.

— Сон! Сон! Иллюзия все это! — печально повторял я, выпрямляясь и сожалея, что прелестная «Тень», столь дорогая мне, была лишь обманчивой- химерой.

Я бросил взгляд на стенные часы и невольно вскрикнул: к подставке был прислонен лист почтовой бумаги; то была изящная голубовато-серая бумага с переплетенными, светло-золотыми инициалами Л. Ф. Я с удивлением прочел следующие строки:

«Я ждала *иллюзию* вчера и третьего дня. Еду обедать к соседям и вернусь к одиннадцати часам. Люси».

Эта записка убедила меня в нереальности моих ощущений. Она была так заметна, что я не мог представить себе, как это я сразу не увидел ее; она слишком соответствовала моим тайным мыслям, и потому я решил, что ее создало мое собственное воображение. «Вот обычный ход возникновения снов! — подумал я. — Мне было неприятно отсут-

ствие “Тени” и я бессознательно подобрал объяснение этому отсутствию и приготавливаю будущее появление моей незнакомки».

Немного спустя, я услышал отдаленный грохот. Он быстро приближался. Я услышал шум кареты, остановившийся у крыльца. До меня достигли звуки нескольких голосов; мне показалось, будто открылись и закрылись двери, будто зашуршала материя, и вскоре в комнату вошла хорошенькая молодая девушка. Она бросила быстрый взгляд вокруг себя, направилась к камину, взяла прочитанный мной листок и бросила его в огонь.

Она села в кресло, на котором был я; у меня получилось впечатление, будто она провалилась сквозь меня; в то же время я, однако, почувствовал легкое, едва заметное давление. Девушка, очевидно, не замечала моего присутствия. Сопровождавшая ее горничная разула ее, растегнула ей лиф, юбку, расшнуровала корсет и вышла. Девушка стояла передо мной в коротенькой юбочке; я видел ее изящные ножки, крепкие плечи и молочно-белую шею. Она накинула пеньюар и ушла в свою уборную; туда я не посмел за ней последовать. Я даже не повернул головы, когда она вернулась в комнату и, помолившись, легла спать.

Скрип матраца, шорох поднятых одеял известили меня, наконец, что она легла в постель. Я обернулся и подошел к ней; она лежала на правом боку, опершись головой на правую, свесив левую руку. Вы никогда не видали ничего столь изящного, доктор! Волосы, связанные широкой лентой, спустились с ее затылка густой косой; задумчивые глаза как бы изучали комнату.

— Вы здесь, Леир? — сказала она вполголоса.

— Да, конечно! — вскрикнул я. — Я здесь, подле вас. — Я опустился на колени, припав губами к прелестной ручке, которая свешивалась с кровати. Люси не проявила никакого впечатления: она меня не слышала, не видела, не чувствовала моих поцелуев.

Я вспомнил о том, что уже делал: я положил руку на ее лоб; она скоро заснула и быстро обрисовался призрак, рождающийся из голубоватого пара, выходившего из того мес-

та ее тела, где полагается быть желудку. По прошествии двух или трех минут Тень была готова и казалась живой; я все продолжал стоять на коленях с рукой, протянутой ко лбу Люси.

— Что вы делаете? — сказала Тень.

— Я старался облегчить ваше возникновение, — ответил я, вставая.

— Где были вы вчера и третьего дня? Я прождала вас всю ночь.

— Мне надо было сделать очень нужный и сложный химический анализ. За ним я провел дни и ночи после нашего последнего свидания.

— Вы не спали шестьдесят часов? — сострадательно сказала Тень.

— Я сплю сейчас.

— Все та ж мысль! Я хотела бы, в таком случае, чтобы вы объяснили мне, как это я вижу свое тело спящим и в то же время сама бодрствую рядом с ним?

— Очень просто! Мне снится, будто я вас вижу, слышу, говорю с вами, вижу ваше тело; вся эта цепь ощущений есть только действие моего воображения.

Тень пожала плечами.

— Вы ничего не нашли на камине? — спросила она.

— Нашел. Там была от вас записка. Вы мне писали, что ждали меня два дня, что обедаете у одного из ваших соседей и что вернетесь в одиннадцать часов. Вы подписались: Люси.

— Так меня зовут.

— Я знаю. Я слышал раз, что ваша мать назвала вас так.

— Как можете вы серьезно думать, что мы грезим, раз вы прочли записку, оставленную для вас? Я знаю наверно, что написала ее перед отъездом. Вы ее прочли и повторили то, что я написала. Это для меня — убедительный факт.

— О, нет! Если вы грезите, то мне очень естественно знать все, что вы знаете, так как, по моей гипотезе, я — только создание вашего воображения.

— Я в восторге от вас! — сказала Тень, хохоча от души.
— Вы сами причисляете себя к разряду призраков и фан-

тасмагорий. Это, без сомнения, торжество логики!

Я в свою очередь рассмеялся.

— Садитесь, мечта, — сказала она, — и расскажите мне о ваших химических трудах. Что было у вас такого спешного, чтобы пропустить ваш ежедневный визит?

— Вы пожалели о моем отсутствии? — спросил я неловко.

— Ну да. Я начинаю привыкать к вашим посещениям; мне их доставало вчера и третьего дня. Но расскажите, что вы должны были делать такого важного?

Я колебался, доктор, открыть Тени тайну поспешно произведенного мной анализа; здесь затронуты значительные интересы, и нескромность могла бы иметь очень важные последствия. Однако, мое колебание показалось мне смешным: ведь и Тень-то создана лишь моим же воображением! Сообщить ей мой секрет значило: сказать его себе же самому. Однако, противореча себе самому, я обратился к призраку с речью, которая мне казалась необыкновенной и непроизвольной.

— Вы спрашиваете у меня тайну. Чтобы сказать ее вам, я должен быть уверен, что вы — надежный, преданный, непоколебимо-верный друг, так как я вверяю вам свою честь.

Я говорил серьезно, не отдавая себе отчета в произносимых словах. С удивлением я заметил, что выразил мысли, которые не признавал своими. Впечатление, произведенное этими словами на Тень, изумило меня не менее.

— Я буду таким другом, — ответила она серьезно.

— Знаете ли вы, к чему это может вас обязывать? Готовы ли вы к роли подруги, поверенной моих надежд и неудач? Жизнь моя была несладка; судьба не улыбалась мне в молодости; в детстве она дала мне вкусить от даров своих лишь затем, чтобы потом сильнее дать почувствовать лишения. Я буду делить с вами больше забот, чем радостей, и вряд ли могу предложить вам счастье.

Она подумала с минуту, скрестив ноги, опершись головой на руку.

— Я согласна, — сказала она просто и протянула мне руку. Я взял и крепко пожал ее; потом я поднял взор на ее

лицо, и наши взгляды встретились; я был растроган и смутно сознавал важность сказанного, а также и то решающее влияние, которое оно должно иметь на мою жизнь. Во взгляде Тени мне почудилось необычная глубина.

Тогда я сказал ей, продолжая крепко сжимать ее руку, что мне был поручен длинный и сложный анализ. Его надо было произвести над промышленным продуктом, добытым новыми способами, позволяющими продавать его дешево. Общество, которое вело переговоры относительно покупки секрета, не хотело кончать, не уверившись в тождественности продуктов, полученных новым и прежним способами. На размышление ему было дано всего три дня, так как к изобретателю уже подсылала одна крупная немецкая компания. Необходимый анализ пытались поручить Дюрье; он отговорился трудностью произвести все нужные операции в течение сорока восьми часов и был так любезен, что указал на меня, как на единственного химика, способного на такой фокус. Я сумел это выполнить благодаря одному маленькому открытию, сделанному мной; оно позволяет осуществить в 24 часа некоторые операции, требующие обыкновенно нескольких дней. Административный совет щедро вознаграждал меня за мою работу.

Я рассказал Тени все, до мельчайших подробностей; анализ дал мне понятие о том, в чем может состоять новый способ производства; открыть это было возможно лишь при помощи метода, лично мною придуманного. Я подробно описал этот метод в моем докладе и сообщил административному совету, что опубликование его позволило бы открыть секрет изобретателя. Я прибавил, что поэтому воздержусь от его разглашения и ограничусь только тем, ради своевременности заявки, что пошлю его в запечатанном конверте в Академию Наук.

— С вашей стороны это очень великодушно, — сказала Тень с нежным рукопожатием.

— Как же быть? Не мог же я обмануть моих доверителей! Они истратят громадную сумму на покупку способа, который, как мне кажется, патента не получит. Им, конечно, нежелательно, чтобы он стал общеизвестным; а если я

сообщу о своем методе восстановления, то всякий химик, который применит его при анализе продукта фабрик этого общества, откроет способ его изготовления. Я думаю даже, что невозможно избежать этого досадного открытия; рано или поздно, через полгода или через десять лет, оно будет сделано. Общество знает это и должно устроиться так, чтобы покрыть все свои издержки прибылью двух первых лет. Третий год и последующие дадут громадные барыши. Можно много получить, но есть риск.

— Итак, мой бедный призрак, вы могли бы обеспечить себе много денег, если бы вы захотели продать или погрозили бы продать ваш способ? Однако, несмотря на вашу бедность, вас не соблазнило это?

— Честное слово, нет!

— Я очень этому рада, — сказал призрак, снова благосклонно пожимая мне руку.

— Я сказал вам, кто я, — начал я после некоторого молчания, — а вы не оказали мне того же доверия. Вы знаете все мои тайны, даже те, которых я не должен бы вам открывать, если бы вы не были для меня дороже меня самого. Не спрашивая ваших, не могу ли я просить вас сказать мне, кто вы?

— Я? Я — Люси Франшар; мне двадцать два года; мой отец — бывший председатель Сенского суда; он вышел в отставку до моего рождения, когда франкмасоны сделались нашими господами. Мы живем в этом имении; мы проводим месяц в Париже, месяц в Бордо, месяц на морских купаньях или в Люшоне. С сентября до мая мы очень редко отлучаемся из замка Бализак.

— Так называется ваше поместье?

— Да. Моя жизнь очень спокойна, очень однообразна. При мне еще находится моя воспитательница; ей я обязана тем, что знаю немного языки — французский, английский, немецкий. Она выучила меня искусству мазать жалкие цветы на фарфоре; я посредственно играю на рояле. Я еще провожу с ней целые дни и стараюсь достигнуть уровня, до которого она возвысилась.

— Так она очень ученая?

— Она очень знающая и добрая. Это — поверенная моих тайн.

— Рассказали вы ей свои сны?

— Нет. Она имеет склонность к мистицизму, и я не хотела рассказывать ей о событиях, которым она придала бы преувеличенную важность. Отец и мать так насмешливо приняли мой рассказ о ваших первых появлениях, что я замолчала.

— Однако, если это — не сон! — произнес я после некоторого молчания. — Но как увериться в этом? Вы говорите, что живете в замке Бализак. Скажите ваш точный адрес.

— Люси Франшар в замке Бализак, община Бализак, Жиронда.

— Мой обыкновенный адрес: Антон Леир, заведующий лабораторией органической химии Естественного факультета, Бордо.

— Почему вы интересуетесь нашими адресами? — спросила Тень.

— Мне пришлось в голову произвести опыт. Хотите помочь мне?

— Скажите сначала, что вы хотите делать.

— Я напишу вам в письме, что нашел ваши четки и готов предоставить их в ваше распоряжение в случае, если вы их, действительно, потеряли. Если вы будете помнить о нашем общем сне, ответьте мне, прося прислать их, и прибавьте несколько слов, напоминающих о доверии, которое я вам оказал.

— Хорошо.

После этого мы начали болтать: Тень заставила меня рассказать подробно о событиях, последовавших за смертью моего отца и, казалось, бессознательно искала случая выразить мне свою симпатию и расположение. Я находился бы еще подле нее, если бы ощущения оцепенелости и притяжения, о которых я вам уже говорил, не вызвали пробуждения.

— Написали вы условленное письмо? — с живостью спросил я у Леира.

— Нет, доктор; я очень хотел бы написать его, но мне стыдно самого себя.

— Надо написать.

Я дал бумаги своему пациенту, и он тут же написал следующее письмо:

«Милостивая Государыня,

28-го ноября я нашел коралловые четки у моря, на мысе Ферре. Меня заверили, что они принадлежат вам. В случае, если это указание верно, будьте добры, известите меня, и я пришлю вам четки».

Он хотел подписать, но я удержал его за руку:

— Если вы хотите, чтобы опыт был доказателен, не пишите ни вашего имени, ни адреса; никто, кроме нас двоих, не знает, что вы отправили письмо; если вы получите ответ, мы будем иметь интересное подтверждение.

— Вы думаете, значит, что я не грезил? — сказал Леир дрожащим голосом.

— Я ничего не знаю. Я стараюсь разобраться. Подождем событий.

Я позвонил лакею и велел сейчас же отнести письмо на почту. Леир смотрел на меня в каком-то оцепенении.

— Вы не решились бы послать этого письма, мой друг, если бы я предоставил вам заботу о его отправке. У вас явились бы новые сомнения, новые колебания, новые возражения, и стыд перед собой удержал бы вас.

— Может быть, это и правда! — ответил Леир, прощаясь со мной.

— Вы получите ответ послезавтра. Могу я просить вас уведомить меня о нем?

— Я так и хотел сделать, — ответил химик.

На третий день, в два часа, мне передали его карточку. Я прервал консультацию и принял его в особой комнате; лицо его сияло. Не говоря ни слова, он протянул мне конверт из толстой бумаги с почтовым штемпелем Бализака. На обратной стороне конверта, на его выступе, были напечатаны английским курсивом золотые инициалы — Л. Ф.

Я возвратил ему конверт, но он не взял, пока я не прочел вложенной в него записки.

Я вынул карточку того же цвета, с теми же инициалами, и прочел на ней следующие слова, написанные продолговатым почерком:

«Девушка Люси Франшар благодарит г-на Антона Леира за сообщение. Коралловые четки были потеряны г-жой Франшар 28-го минувшего ноября на мысе Ферре. Она позволяет себе приветствовать г-на Леира, р а б о т ы и б е с к о р ы с т и е которого ей известны; она надеется, что не всегда он будет посылать з а п е ч а т а н н ы е к о н в е р т ы в Академию Наук».

Рука молодого человека дрожала, когда я возвращал ему драгоценное послание. Я заметил тогда, что он так взволнован, что не может произнести ни слова.

— Не давайте воли воображению, — сказал я, дружески хлопая его по плечу. — Требуйте от жизни только возможного, не слишком полагайтесь на будущее, не создавайте себе химер.

— Спасибо за советы, господин Эрто, — ответил он печально.

— Продолжались ли ваши видения в две последние ночи?

— Да. Мы говорили о моих проектах будущего; Тень все так же благосклонна и нежна; но мне кажется, что она избегает говорить о себе. Я узнал, что она получила мое письмо и ответила на него. Теперь я уверен, что не грезил, а был объектом необъяснимого для меня явления. Моя незнакомка, без сомнения, существует; я могу видеть ее иначе, чем во сне. Завтра еду в Бализак. Я знаю, что она должна быть у обедни в 9 часов. Я там буду. Я вас оставляю: знаю, что вы заняты.

— До свидания, — сказал я дружески и грустно. — Да хранит вас Бог!

На другой день было воскресенье. После завтрака я сидел в кабинете, так как это — моя любимая комната. Я сор-

тировал документы, предназначенные для одного обширного труда, который имелся у меня в виду, как вдруг вошел Леир. Лицо его было бледно, расстроенный вид говорил о глубочайшем отчаянии; глаза были красны.

— Она выходит замуж! — сказал он просто.

Я ничего не ответил, а посадил его около себя и дружески взял за руку. Он долго просидел неподвижно, сжав руки на ручках кресла, с осунувшимся лицом, устремив взгляд на огонь.

Я предпочел бы увидеть менее безмолвное отчаяние; я боялся всего, так как знал насколько слезы, крики, слова облегчают все наши горести. Те же, кто хранит мрачное молчание, кто замирает в неподвижности, чаще всего решаются на самые отчаянные поступки. Я так хорошо угадал направление, какое приняли мысли Леира, что сказал ему мягко:

— У вас есть мать, мой друг.

Догадка оказалась верной. Он долго смотрел на меня и ответил:

— Ваша правда. У нее никого нет, кроме меня.

Я ничего не прибавил и закурил папиросу, глядя на несчастного молодого человека, страдающего от сердечной раны. Мы просидели вместе более получаса, не говоря ни слова; потом в дверь постучали. Лакей подал мне телеграмму.

Я раскрыл ее: она была от одного из моих коллег.

«Жду вас с пятичасовым поездом в Лактон. Переночуете в замке Бализак, куда вас просят пожаловать, бросив все ваши дела».

Это было странное стечение обстоятельств. Что я узнаю там?

— Меня спешно вызывают, — сказал я Леиру. — Оставайтесь здесь, сколько хотите. Посмотрите на меня теперь.

И в то время, как молодой человек пристально смотрел мне в лицо своими большими, черными глазами, я сказал ему с намерением, которое он понял:

— В тот момент, когда положение кажется наиболее отчаянным, оно разрешается к лучшему. Доверяйте мне. Я вынужден вас покинуть; не предпринимайте ничего, прежде чем опять свидитесь со мною.

И я уехал.

Доктор Дюссирон ждал меня в Лангоне: автомобиль-лимузин, на дверях которого переплетались Ф. под баронской короной, увез меня в замок Бализак.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Доктор Дюссирон — бодрый, умный, скептический старик, превосходный врач и пользуется во всем Базадском округе заслуженной известностью. Его лицо всем знакомо; в своей легкой повозочке, везомой быстрой лошадью, он попадает на всех дорогах той местности, и всякий с удовольствием приветствует этого веселого старца с живыми глазами и седыми усами. В семьдесят два года старый доктор сохранил всю энергию и весь энтузиазм своей молодости. В защиту своих политических мнений он влагает невообразимый жар; он ищет прений, вызывает на спор, и запас возражений у него неисчерпаем. Его убеждения, — если можно употребить это выражение для обозначения мнений доктора Дюссилона, — ограничиваются политическими верованиями. Он — ярый реакционер; однако, даже противники ценят и любят его за добрейшее сердце, неутомимую услужливость и действительную самоотверженность. Не может быть более яростного, но в то же время более симпатичного противника; нет более верного друга. Его ненависть к республике не относится к республиканцам или же распространяется на них лишь формально и чисто теоретически: в самом деле, многие из его лучших друзей находятся в числе этой «ужасной черни».

Помимо политических убеждений, д-р Дюссирон придерживается скептицизма. Он любит священников так же, как ненавидит республиканцев; религия ему кажется необходимой уздой и утешением, но только для других. Даже его профессия не внушает ему никакого доверия: он любит уверять, будто его больные выздоравливают без его вмешательства, что, пожалуй, и неверно, так как деятельный, любопытный и даже проницательный ум старого доктора всегда следит за своевременными способами лечения и за новейшими средствами; благодаря своей громадной опытности, он быстро постигает, что из них следует пускать в дело и чего надо избегать.

В разговоре он чрезвычайно забавен. Речь его отличается красочной живостью; в смелых и умышленно-вульгарных, но живописных выражениях он одним резким штрихом рисует людей и предметы.

— Здравствуйте, дорогой друг, — сказал он, пожимая мне руку. — Я телеграфировал вам, чтобы сообщить о необыкновенном казусе, который вполне по вашей части.

— Расскажите мне о нем поскорее, дорогой коллега: он, действительно, должен быть необыкновенным, раз это говорите вы, так как вас не легко удивить.

— Однако, я сбит с толку, — ответил он, садясь со мной в автомобиль. — Вот в чем дело. Я везу вас в замок Бализак, к барону Франшару, прокурору в отставке. Франшар — превосходный человек: портрет его хорошо бы повесить между Людовиком-Филиппом и Гизо. Он принадлежит к старинной судейской семье; его отец имел значение при июльском правительстве. Мой пациент имеет хорошие средства и проводит три четверти года в своем замке Бализак с женой и дочерью. Он — в стороне от всякого прогресса и даже несколько «бурбон». Да, впрочем, вы сами увидите. Жена его безлична: прекрасная мать семейства, но умственно очень ограниченная; у нее больше доброты, чем ума. Дочь прелестна, и как раз она заболела. Я очень люблю эту девочку, которую я принимал при рождении, и боюсь, что старый дурак Франшар делает глупости по отношению к ней. М-лле Франшар должна скоро выйти замуж. Она — невеста одного из соседей, Делиля, молодого человека хорошего образа мыслей и с хорошим состоянием; воспитывали его отцы-иезуиты. Он — человек приличный и ведет себя сообразно своему званию: охотится, ходит к обедне, причащается время от времени и каждый день читает «Gaulois». Для старого Франшара Делиль, очевидно, — идеальный зять. Этот брак устраивает отец Фюрстер, старый иезуит, хитрый, как обезьяна. Делиля рассчитывают провести в областной Совет. Он, конечно, будет выбран, если женится на Люси. Затем его выставят кандидатом в депутаты. Но это — плохой выбор, так как от Делиля пахнет попом за десять шагов. Тогда уж все равно, что выбрать отца Фюрстера!.. Но это вас не интересует!.. Итак, Люси через неделю должна выйти замуж за Делиля!

— Люси, — сказал я, — это — m-lle Франшар, ваша больная?

— Да. Она не возражала против этого брака и, по-видимому, согласилась на него добровольно; но сегодня утром, приходя от обедни, вдруг попросила отца позволить ей уйти в монастырь. Папаша Франшар опешил. Никогда Люси не проявляла ни малейшей склонности к монашеству. Он побранил ее и отказался нарушить данное слово, уничтожить принятые на себя обязательства. Он потребовал у нее объяснений по поводу ее неожиданного поведения и запоздалого сопротивления. В ответ на это она рассказала фантастическую историю: во сне ее навещает молодой человек; этот человек существует; она его видела сегодня утром в церкви; коралловые четки играют во всем этом непонятную для меня роль; но Люси утверждает, что молодой человек, ей сшившийся, избран Пресвятою Девою ей в женихи; что, если она не может выйти за него, то посвятит себя Богу. Она настойчиво старалась уговорить отца. Старик принял самый суровый вид и, ответив ей, что родители лучше знают нужды детей, чем сами дети, наотрез отказался верить, чтобы Пресвятая Дева была замешана в это дело. Потоки слез, обморок и так далее! Послали за мной, и я нахожу бедную Люси в бреду при 40 градусах. Я сейчас же позвал вас, потому что очень люблю эту девочку и еще потому, что считаю ее приключения подлежащими вашей специальной компетенции. Так как я ничего не понимаю в этих проклятых нервных припадках, то предпочел дожидаться вашего приезда, чем наделать без вас глупостей.

Я выслушал рассказ Дюссилона с большим вниманием. По необыкновенной случайности, в моих руках оказывались оба конца таинственной нити, соединявшей Леира и m-lle Франшар. Я не высказал, конечно, того, что знал от моего пациента, а ограничился тем, что задал товарищу несколько вопросов. Я узнал от него, что m-lle Франшар не была или до сих пор не казалась особой романтической. Она отличалась впечатлительностью, большой чувствительностью, даже некоторой возбудимостью; но никогда не страдала нервными болезнями. Ее предки были здоровы и умственно, и физически; однако, один из двоюродных дедов находился в близких отношениях с Делезом, Пуисегюром,

дю Поте и со всеми магнетизерами, славившимися от 1810 до 1860 года; он придерживался их учения.

В личном прошлом у молодой девушки не оказывалось никакого изъяна. Она перенесла корь и скарлатину; но эти болезни протекли доброкачественно. Здоровье у нее было превосходное, аппетит — нормальный, спала она хорошо и только довольно часто страдала мигренью.

С умственной точки зрения она была нормальна; серьезная, сдержанная, она посещала церковь и была примером благочестия. Вот все, что мог мне рассказать Дюссирон во время нашего краткого переезда, так как скоро я увидел решетку, парк, террасу и большой четырехугольный дом, который так подробно описал мне Леир. Мы подъезжали, и Франшар, услышав звуки нашего рожка, вышел встретить нас на крыльцо.

Я не мог удержаться от улыбки, увидев его; наружность его точно отвечала описанию, сделанному Дюссираном. «Барон» Франшар был среднего роста, немного толст; седые волосы были зачесаны в хохолок на темени; он носил короткие бакенбарды, а губа его была тщательно выбрита. На нем был черный сюртук и серые брюки. Его сжатые губы, угловатый подбородок, выступающие надбровные дуги и густые брови указывали на упорство; а его взгляд без выражения не обнаруживал ума, который мог бы сдерживать это свойство.

Он встретил нас вежливо и торжественно.

— Добро пожаловать в мой дом, господин доктор, — сказал он, протягивая мне руку. — Я сожалею, что честь познакомиться с вами выпала мне на долю благодаря столь печальным обстоятельствам. Потрудитесь войти в мое жилище.

Я ответил кратко и последовал за Франшаром в сени, которые узнал по описанию Леира. Дом имел важный вид, и внутренним устройством слегка напоминал английские постройки начала эпохи Виктории. Я не успел рассмотреть обширную переднюю, лестницу, галерею, которые узнавал; лакей взял у меня шляпу и пальто, и я вошел с хозяином в комнату строгого стиля, всю уставленную высокими биб-

лиотечными шкафами. Я и Дюссирон были церемонно приглашены присесть, а хозяин дома, заняв место между нами на вращающемся кресле, которое он повернул к камину, обратился ко мне со следующими словами:

— Доктор Дюссирон должен был сообщить вам причины, из-за которых мы обращаемся к вашим знаниям. М-лле Франшар, моя дочь, находится в сильнейшей лихорадке и непрерывном бреде. Мой друг Дюссирон признал, что ваши советы необходимы в данном случае. Прошу извинения за причиненное вам большое беспокойство.

— Я только исполняю обязанность моей профессии, сударь, — ответил я. — Будьте добры ознакомить меня с обстоятельствами, при которых проявилась болезнь м-лле Франшар.

— М-лле Франшар, — торжественно начал хозяин, — отправилась с нами сегодня утром к обедне. Она обнаруживала прекрасное расположение духа, и здоровье ее казалось цветущим. После обедни я остановился на несколько минут на площади, разговаривая с некоторыми лицами. Когда я присоединился к баронессе и дочери в ландо, которое отвозило нас, то увидел значительную перемену во внешнем виде м-лле Франшар. Она была молчалива и озабочена. Я воздержался от всякого вмешательства. По приезде сюда, она попросила меня переговорить с ней.

Чтобы вы могли понять дальнейшее, господин доктор, мне необходимо уведомить вас об одном особом обстоятельстве. Моя дочь просватана за одного из наших соседей, господина Делиля, молодого человека прекрасной фамилии, правнука графа Делиля, бывшего хранителем печати в царствование Людовика-Филиппа. Узы давнишней дружбы соединяют эту семью с моей. М-лле Франшар не возражала на предложение господина Делиля, который, казалось, нравился ей.

Как же я был удивлен, когда моя дочь, позвав меня в библиотеку, где мы сейчас находимся, бросилась мне на шею и просила меня, выказывая самое сильное волнение, отложить ее свадьбу! Она хотела подумать, находила себя чересчур молодой, немного неопытной и слишком мало

знающей жизнь, чтобы связывать себя окончательно. Я ответил ей, как и был обязан, что ее колебания запоздали, что господин Делиль уже получил наше согласие и что ничто не может заставить меня изменить данному слову. Я прибавил еще, что ее счастье мне так же дорого, как ей самой, и что выбор, сделанный мною, мне кажется, обеспечивает будущее.

К моему возрастающему удивлению, m-lle Франшар настаивала; а моя дочь — самое послушное дитя на свете: она никогда не противоречит ни мне, ни матери. Я захотел узнать причину перемены в ее настроении; она сказала, что Святая Дева не хочет, чтобы она выходила за Делиля, а Сама выбрала ей мужа. Мне показалось, что моя дочь сошла с ума, и я высказал ей, может быть, немного легкомысленно, — в чем я себя и обвиняю, — что Святая Дева никогда не занимается этими вещами, что наша религия приказывает детям повиноваться своим родителям, а, следовательно, Святая Дева не могла бы толкать ее на неповиновение мне. Горе m-lle Франшар выразилось более бурно...

Рассказ Франшара был прерван появлением госпожи Франшар, женщины сорока пяти или пятидесяти лет, правильные черты лица которой носили следы полуувядшей красоты. Госпожа Франшар казалась безличной, незначительной, но взгляд ее выражал кротость и доброту. Франшар встал, я сделал то же, и он представил меня с соблюдением всех формальностей.

— Господин доктор Эрто, — баронесса Франшар!

Когда хозяйка села, хозяин продолжал:

— Волнение m-lle Франшар показалось мне необъяснимым. Я кратко посоветовал ей успокоиться и привести мне доводы, на которых основывается ее необыкновенное мнение. Тогда она сказала мне, что каждую ночь во сне видит молодого человека, которого нам и назвала; что она научилась уважать этого, по ее словам, достойного молодого человека; что она не придавала значения этому сну и не думала, чтобы молодой человек мог действительно существовать до тех пор, пока, назначив ему во сне свидание в церкви, она не увидела его сегодня утром выходящим от

обедни; что она думала над этой странной встречей и увидела в ней вмешательство Пресвятой Девы.

Я ответил дочери, что она была обманута неким совпадением и что неблагоприятно руководствоваться в своих поступках снами. Может быть, я говорил с непривычной строгостью; может быть, высказал слишком живо мое неудовольствие; как бы там ни было, m-lle Франшар встала, и вдруг я увидел, что она зашаталась и упала без чувств. Ее отнесли в ее комнату; но она выходила из обморока только для того, чтобы произносить несвязные речи. Она обращается к Пресвятой Деве, которую, как ей кажется, она видит, говорит о четках, о господине Леире, о его посещениях, и просит у Святой Девы прощения в том, что должна ее слушаться.

— Теперь посмотрим больную, — сказал я по окончании этого длинного рассказа.

Госпожа Франшар повела нас. Мы пошли путем, знакомым мне со слов Леира, и попали в ту комнату, которую он описывал мне с такой необыкновенной точностью. Молодая девушка лежала в постели; лицо ее было очень красно; глаза блестели, и она говорила сама с собой. У нее были все симптомы мистического бреда.

— Прости, Пресвятая Богородица! Прости! — говорила она ежеминутно. Эти слова постоянно повторялись среди отрывистых фраз, произносимых ею и обращаемых к Пресвятой Деве. Я внимательно наблюдал за больной; у нее, очевидно, был острый бред с систематическими галлюцинациями. Я не заметил ни одной конвульсии; слова, произносимые ею, казалось, выражали сущность ее бредовых видений: Пресвятая Дева упрекала ее в том, что она не сохранила себя для избранного Ею жениха, а молодая девушка у Нее просила прощения за свое неповиновение. Время от времени она обращалась к Леиру так, как будто любила его и была принуждена отказать ему. О Леире в бреде упоминалось лишь изредка, как будто по поводу слов, которые девушка, галлюцинируя, влагала в уста Пресвятой Девы; очевидно, роль его была второстепенная, а главная — принадлежала Богородице.

Отсутствие конвульсий успокоило меня; очевидно, не предвиделось ничего опасного; однако, я не был окончательно в том уверен.

Подробный осмотр больной, которая в беспамятстве допустила его, не обратив на нас ни малейшего внимания, не обнаружил никакого органического расстройства; я удалился в соседнюю комнату с доктором Дюссироном и высказал ему мое мнение. Я предполагал психический шок, отразившийся непосредственно на вазомоторной системе и тем приведший к аутоинтоксикации. Ночью я намерен был оставить больную в покое по причине, которую считал себя обязанным скрыть от своего скептического собрата.

Дюссирон не совсем был согласен с моей выжидательной тактикой и уступил мне с неохотой. Чтоб убедить его в ненужности немедленного врачебного вмешательства, мне пришлось сказать ему, что такие расстройства психического происхождения часто проходят сами собой, и даже намекнуть на истерию, что и рассеяло его последние сомнения. Я уверил его, что буду пристально наблюдать за m-lle Франшар и приму энергичные меры, если через несколько часов не наступит самопроизвольного улучшения, мной ожидаемого.

Едва было окончено наше совещание, как раздался звонок к обеду. Меня отвели в предназначенную мне комнату. Слегка оправив одежду, я скоро вышел к хозяину, а госпожа Франшар осталась у дочери.

— Мы ждем священника, — сказал мне Франшар, — он сейчас явится.

Я попросил позволения осмотреть картины, украшавшие стены обширной комнаты, в которой мы находились: это была большая квадратная гостиная, с мебелью из красного дерева, обитой красной камкой; на камине стояли огромные часы из белого мрамора, украшенные золоченой бронзой и увенчанные фигурами Телемака и Ментора из того же металла. Мое внимание привлекли прекрасные картины и, в том числе два превосходных портрета Энгра, изображавшие знаменитых лиц семьи: генерального прокурора Парижского суда, барона Франшара, и его жену. Их по-

томок передавал мне подробности их биографии, когда вошел священник.

Аббат Жогá совсем не являлся классическим типом деревенского священника. Это был человек лет шестидесяти, высокого роста, чрезвычайной худобы; его аскетическая фигура, проникновенный взгляд, даже лоб, казавшийся особенно высоким от лысины, которая занимала почти всю голову, свидетельствовали об уме и умственной работе. По какому странному стечению обстоятельств этот священнослужитель, производивший впечатление мистика, попал в сельские попы? Это задача, которую я не стану разрешать. Аббат Жогá не был на дурном счету у епископа; его правоверие не внушало сомнения; но его репутация мистика и иллюмината немного пугала его начальство. Кардинал совершенно верно назвал его «бенедиктинцем XIV-го века, нечаянно зашедшим в XX-й век». Так как он не просил повышения, никто и не думал о переводе его на высшую должность, и аббат Жогá так привык к своему домику, обвитому виноградными лозами, к своей деревне, затерянной в сосновом лесу, и к своим наивным прихожанам, что ему и в голову не приходило расставаться с ними.

Я почувствовал симпатию к этому священнику, лицо которого заинтересовало меня. Пожав руку господину Франшару, он очень просто подошел ко мне и спросил, я ли, действительно, доктор Эрто. На мой утвердительный ответ он сказал, что рад со мной познакомиться, так как читал мои книги о мистических явлениях, и тут же хотел завязать со мной разговор. Барон Франшар, очевидно, мало интересуясь мистикой, попытался вновь привлечь мое внимание продолжением рассказов о замечательных членах своей семьи; но священник все возвращался к своей теме.

Торжественный, в старомодном черном фраке дворецкий положил конец моему неловкому положению, распахнув двери столовой:

— Господин барон, пожалуйста кушать! — сказал он важно.

Франшар извинился за свою жену, «баронессу Франшар», как он называл ее, и повел нас в столовую. Доктор

Дюссирон, имеющий обыкновение всюду запаздывать, присоединился к нам уже там.

— Здравствуйте, аббат, — фамильярно сказал он священнику. — Вот вы и сошлись с Эрто! С ним уж найдете о чем поговорить! Он прочел Рюисбрука, Толера, святую Терезу, святую Марию Агрета...

— Она еще не причислена к святым, доктор, — тихо сказал аббат Жога.

— Но будет, черт возьми! — возразил доктор, смеясь. — Однако, прежде чем сесть на ваших коньков, дайте уйти нам с бароном. А то вы нас уморите.

— Как здоровье m-lle Франшар? — спросил у меня священник, немного смущенный резкостью доктора.

— Сейчас я не вижу ничего опасного, — ответил я, — но все же положение больной довольно серьезно и требует внимания.

Начался бесконечный провинциальный обед. Только Франшар и доктор Дюссирон оказали ему честь. Я, по обыкновению, мало ел и умеренно пил превосходные вина, которыми мой коллега угощался без колебания. Я заметил, что кушанья подаются в изобилии и прекрасно приготовленными и что погреб у барона Франшара первоклассный. Аббат Жога ел только овощи и пил воду. Его умеренность навлекла на него насмешки доктора Дюссилона, который стал обвинять его в богохульстве, якобы выражаемом в пренебрежении драгоценными дарами Божьими, и в ереси — за отсутствие уважения к изобретению патриарха Ноя, то есть за предпочтение воды вину.

— Между тем, во что угодно было преосуществиться Иисусу Христу, господин аббат? Разве в воду? Нет, не правда ли? Ведь не воду вы льете в ваши сосуды?

Такова была тема, которую с обычным жаром развивал доктор Дюссирон. Аббат Жога, как видно, был привычен к поддразниваниям моего коллеги и добродушно принимал их, но не делал никаких возражений.

Франшар говорил мало и лишь время от времени изрекал что-нибудь в таком роде:

— Это — икем 1869 года, купленный моим отцом у покойного маркиза де Люр-Салюс. Это — гирод 1874 года, бочку которого мне удалось достать. Этот бекас хорошо изжарен.

Кстати, этот бекас подал повод к целой церемонии, главную роль в которой играл мой коллега. Он стал приправлять жаркое на базадский манер, положив в него множество припасов: пряностей, муската, перца, рома и бекасиные потроха. Мы хранили молитвенное молчание, пока Дюссирон священнодействовал с серьезностью, какая была бы уместна разве при лапаротомии. Франшар удостоил одобрить результат.

— Я никого не знаю, доктор, кому бы удавалось жаркое так хорошо, как вам.

— Я изучаю это искусство уже пятьдесят лет, барон, и хотел бы делать его еще лучше. Попробуйте, коллега, — сказал он мне, видя, что я отказался от кушанья, — попробуйте, или вы оскорбите меня. *Invidia medicorum pessima**, как говорит аббат; не забывайте этого.

Я должен был уступить и нашел жаркое превкусным.

— Вас, аббат, я не буду уговаривать. В следующий раз, как вы будете у меня обедать, я сам сварю вам латук на воде и гороховый кисель.

— Сколько слов расточаете вы, мой бедный Дюссирон, — сказал аббат, смеясь. — Какой страшный отчет придется вам отдать Богу!

— Ну! Что может Бог сказать грешнику, раз он — добрый католик!

Тут разговор перешел на политику: аббат Жога и я не приняли в нем участия. Барон Франшар в тоне надгробных речей оплакивал ослепление Франции, которая «идет к своей гибели».

Его волновала участь гонимых конгрегаций:

— Ограбив их, начнут грабить и нас! Этот народ, покинутый Богом, от которого он отступился, обречен на гибель. Когда поколеблены семья и собственность, эти две ос-

* Зависть врача — наихудшая (лат.) (Прим. ред.).

новы социального строя, тогда все здание рушится, погребая под своими развалинами деятелей, ответственных за его разрушение.

Дюссирон подавал реплики барону; но, тогда как последний придавал своим жалобам неопределенный, общий характер, доктор обращал внимание на лиц, стоящих во главе управления, и осыпал их своими сарказмами. Меня удивляло, что образованные люди, принадлежащие к так называемому правящему классу, так мало знакомы с эволюцией своего отечества. Однако, я не высказал своего впечатления, а ограничился ролью слушателя, заинтересовавшись беседой с точки зрения психологической. Франшар застыл на Луи-Филиппе, а доктор Дюссирон — на второй империи. Аббат Жога казался погруженным в свои размышления и, видимо, не слушал диалога своих соседей.

Достаточно пробрав франкмасонов и евреев, Франшар встал, и мы перешли в библиотеку, где на столе, в чистейшем стиле 1830-х годов, оказались чашки, в которые цедился кофе сквозь серебряные фильтры. Наш хозяин стал угощать, предложил нам выбор из многочисленных ликеров и возобновил с Дюссионом разговор, который, казалось, имел одинаковую прелесть для них обоих. Тогда аббат Жога подошел ко мне.

Он не пил кофе, не знал употребления ликеров и никогда не курил. Он отказался от сигары, предложенной мной, но заявил, что табачный дым его не беспокоит.

Достойный пастырь явно искал случая поговорить со мной; после долгого раздумья, он внезапно и как бы с усилием сказал мне:

— Что думаете вы, на самом деле, о состоянии m-lle Франшар, господин Эрто?

— Я сказал вам как раз то, что думаю, аббат.

— Известны ли вам обстоятельства, при которых обнаружился ее бред?

— Да, вкратце.

— Сказано ли вам, что она постоянно видела во сне молодого человека, что она заметила этого молодого человека сегодня утром у обедни, что она просила отца отменить

или отложить ее свадьбу с господином Делилем и заболела вслед за отказом отца?

Я не ответил священнику. Я знал об этом в качестве врача и считал обязанностью хранить профессиональную тайну. Аббат, без сомнения, понял это, так как прибавил:

— Извините меня за нескромность: я очень привязан к m-lle Франшар, которую я крестил, и состояние ее здоровья чрезвычайно меня заботит.

Сделав паузу, он продолжал:

— Я боюсь... То есть сомневаюсь... Или, скорее, я... Ах! Послушайте! — сказал наконец добряк. — Избавьте меня от околичностей... Я в них не силен и не похож на дипломата. Я знаю, что господин Франшар говорил вам о странном сновидении дочери: он не придает ему никакого значения; но он не знает всего.

Знаете ли, как начались сновидения m-lle Франшар? Эта девочка, — прибавил аббат с забавным замешательством, — рассказала мне свою историю. Не на исповеди, разумеется; но она знает, что я верю в вещи, в которые обыкновенно не верят. Она откровенна со мной. Она сказала мне, что потеряла коралловые четки, которые я привез ей из Рима. Эти четки освящены нашим святым отцом, папой Львом XIII; m-lle Франшар имеет очень нежную и очень чувствительную душу; она очень правдива и добра. Я привык ее видеть с этими четками в руках, и она объяснила мне сама, почему я теперь уже не вижу их.

Я не придавал большого значения этому сообщению, в котором увидел только проявление деликатности этой девочки, но вдруг, на днях, она зашла ко мне в ризницу. Она просила у меня совета. Сначала я сказал, что не могу давать ей советов иначе, как на исповеди, и что она должна обратиться к своей матери; она ответила, что говорила уже родителям о том, что хочет мне поведать, но что ее рассказ был дурно принят, что ее сочли за сумасшедшую и что она более не решится подвергать себя насмешкам отца. Мое любопытство, — признаюсь в этом, господин Эрто, — мое любопытство проснулось. Я разрешил Люси Франшар говорить. Она рассказала мне самую необыкновенную исто-

рию, какую только можно себе представить; да, кстати, она сказала мне, что вам все это известно, и потому я так прямо говорю с вами.

— М-лле Франшар сказала вам, будто ей известно, что я знаю об этой истории? — спросил я с удивлением.

— Да, господин Эрто. Вы сейчас узнаете, как, если позволите мне говорить. Я не могу при посторонних говорить о том, что имею открыть вам. Вы знаете господина Леира?

— Да.

— М-лле Франшар сказала мне, что господин Леир все рассказал вам.

— Не в том дело, господин аббат. Приступим скорее к интересующему нас пункту.

Аббат посмотрел на меня с довольно загадочным выражением, улыбнулся и начал подробный рассказ о странных свиданиях m-лле Франшар и Леира. Все вполне совпадало с тем, что мне говорил молодой человек.

— Я счел себя обязанным, — сказал священник, кончая, — в интересах самой девицы Франшар, сообщить вам о том, что она говорила мне: будто бы Леир во время их духовных бесед высказал к вам безграничное доверие; его, очевидно, теперь разделяет и бедная девочка. Она знает, что вы, до некоторой степени, являетесь духовным руководителем ее друга, и единственно ради ее блага я совершаю ту нескромность, в которой признаю себя виновным; я буду просить прощения у Пресвятой Девы и у Господа, если неосознанно впадаю в ошибку.

Я молчал, сосредоточенно обдумывая все слышанное. Оказалось, что Леир был откровеннее со своим призраком, чем признавался мне, и я подозревал, что духовные беседы, о которых упомянул священник, перешли за пределы обыкновенной сентиментальности. Аббат Жога перестал обращать на меня внимание и казался погруженным в глубокую задумчивость; взгляд его светлых и живых глаз был устремлен куда-то вдаль; вероятно, его мучила боязнь возможной ошибки, потому что вскоре он заговорил, обращаясь к Пресвятой Деве.

— Пресвятая Матерь Божия, — произносил он тихим голосом, глядя вдаль и сложив руки, — Пресвятая Матерь Божия, я думаю, что повинуюсь Тебе. Не ты ли этими освященными четками таинственно связала две избранных души? Допустишь ли Ты слепоте человеческой разрушить дело Твоего Божественного Сына? Не Его ли Божественное Провидение предназначило друг для друга эти два существа? Без сомнения, Ты хотела наградить девушку за благочестие, а юношу — за добродетель; но, может быть, Ты обратила взоры именно на ученого, чтобы превратить его в поборника Твоей церкви в такую пору, когда враги нападают на нее всего сильнее!

Он замолчал и, казалось, произносил краткую молитву, которую с жаром закончил вслух следующими словами:

— Господи, да будет Твоя святая воля! Аминь!

Мой разговор с аббатом Жога и странный монолог старого священника осветили характер m-lle Франшар совершенно новым для меня светом. Девушка не только сообщила о пережитом священнику-мистику, но, конечно, открыла ему на исповеди свои самые сокровенные мысли; и мне показалось ясным происхождение ее бреда. M-lle Франшар, вероятно, была умна, чувствительна и склонна к мечтательности. Священник, очевидно, сильно влиял на направление ее мыслей, будучи верующим, искренним и убежденным; его простые, но полные горячей веры слова даже на меня производили впечатление; он был менее опытен в распознавании людей, чем в богословских науках, и оказался бы более на месте на университетской или семинарской кафедре, чем в деревенском приходе; там он мог бы оказать неоспоримую пользу, здесь — впадать в опасные ошибки. Он был подобен маякам: их свет ослепляет тех, кто находится вблизи, зато приводит в гавань тех, кто от них далеко. Они полезны только при условии быть помещенными на высоте.

Мистицизм аббата Жога развился в деревенском уединении, среди глубокого покоя обширных ландских лесов, подобных соборам, где вместо колонн — высокие стволы

больших сосен, вместо органа — непрерывный шепот ветра среди ветвей с иглоподобными листьями. Священник нашел в молодой девушке душу, расположенную к продолжительным грезам; он, без сомнения, толкнул ее на путь мистицизма, размышления и созерцания. Пресвятая Дева, без сомнения, была излюбленным объектом молитв его духовной дочери: так объяснял я себе ход бреда больной. Ее необыкновенные сновидения, как видно, показались ее духовнику делом Пресвятой Девы: разве не коралловые четки вызвали их? Могло ли быть не божественным влияние этого предмета благочестия, освященного святой рукой величайшего из современных пап? Соединяя, таким образом, во сне души молодых людей, Пресвятая Дева выказывала свое особое к ним участие и этим ясно выразила, что желает их союза.

Это же раскрыло мне и смысл галлюцинаций m-lle Франшар: оказываясь принуждаемой поступать наперекор тому, что ей представлялось волей Пресвятой Девы, бедная девочка жаловалась и просила прощения: ясно, что в ее верующей, правдивой и слабой душе должна была происходить жестокая борьба, на которую болезненно реагировал ее неустойчивый мозг.

Все эти соображения роились в моей голове в продолжение краткой мысленной молитвы аббата Жога. Окончив ее, он как бы очнулся и покраснел, увидев, что мой взгляд устремлен на его глаза.

— Я должен казаться вам очень странным, — сказал он с замешательством. — Я — старый священник, не знаю светского обращения и манер.

— Вы — хороший человек, господин аббат; а Бог, если Он существует, должен судить нас только по намерениям. Может быть, вы были неосторожны в глазах людей и, особенно, врачей. Те, кто насадил желудь в поле, а пшеницу посеял в лесу, ответственны за ваши заблуждения. Будьте спокойны. Я покидаю вас, так как хочу побыть в эту ночь при больной; надеюсь, что произойдет спасительный кризис. Скажите мне все-таки еще одно, потому что мне важно это знать: что, Франшар благочестив?

— Да, господин доктор; но боюсь, что его благочестие подобно благочестию большинства людей его круга. Форма для них важнее сущности. Они воображают, что можно удовлетворить Бога, ходя к обедне, но не чувствуя себя обязанными молиться. Их тела в церкви, а души отсутствуют. Бог же не смотрит на тела!

— Можно ли надеяться, что страх за здоровье дочери и существование некоторой скрытой таинственной силы, как, например, вмешательство, приписываемое вами Пресвятой Деве, побудят его отложить свадьбу m-lle Франшар?

— Барон не верит в чудесные вмешательства, которые идут вразрез с его желаниями. Бог представляется ему чересчур рассудительным, чтобы не быть всегда одного мнения с ним. Пресвятую Деву он считает слишком мудрой, чтобы поддерживать молодых девушек, противящихся воле отцов. Увы! Ум у барона в таком же состоянии, как у большинства людей. Они измеряют бесконечную Премудрость своими собственными узкими, скудными мыслями, не имеющими никакого отношения к всеобъемлющим предначертаниям Божиим. Преходящее берется судить о Вечном! Нет, нет, барону недоступны глубокие мысли, идущие от Бога и могущие тронуть только души, избранные Его благодатью. Боязнь за здоровье дочери скорее на него подействует; но он уступит только наружно, примет вид человека, приведенного в отчаяние; скажет, что жертвует своей честью ради каприза больной, добрым именем своих предков — ради фантазий выродившейся их внучки; его доброта будет тяжелее его гнева, и я уверен, что m-lle Франшар покорится очень скоро.

— Значит, ничего не поделаешь?

— Я боюсь, что так!

— А г-жа Франшар?

— Баронесса очень кротка, добра, очень набожна. Она любит дочь и хотела бы видеть ее счастливой; но подчинится воле мужа. Она слаба и лишена энергии.

— Благодарю вас, господин аббат. Партия кажется проигранной; но я все-таки надеюсь.

— Да услышит вас Бог, сударь! — сказал священник, набожно перекрестясь.

Я простился с Франшаром и с доктором Дюссироном, которые не обратили никакого внимания на мой разговор со священником. Оба реакционера увлекались порицанием правительства и палат; они подзадоривали друг друга, и это облегчало им пищеварение. Приверженцы старины любят оппозицию такого рода. Их деятельность выражается в том, чтобы во время выборов записаться в какой-нибудь парижский комитет, который опубликует их имена и расшвыряет их деньги; ругать в частных беседах всех, кто стоит у власти, и поддерживать газеты с допотопным направлением. Но жить современной, народной жизнью, понимать нужды нашей эпохи и стараться удовлетворить их, не разрушая строя, дающего безопасность обществу, отдавать себе отчет в необходимых поправках и неотложных реформах, — все это менее интересно для них, чем автомобильная гонка. Консервативная партия во Франции утратила понятие о своей исторической роли и, по-видимому, старается поддерживать лишь идеи, наиболее справедливо осужденные.

Слушая бесполезную критику хозяина и моего коллеги, я не мог удержаться от этих размышлений, хотя не интересуюсь политикой. Я расстался с ними и пошел в комнату больной. Было десять часов вечера.

М-ле Франшар оказалась в том же положении. Жар не уменьшался; я измерил температуру: 39,8. Больная продолжала свой монолог, но яснее выражала господствующую идею: не переставала просить прощения у Пресвятой Девы. Г-жа Франшар, сидевшая подле дочери, молча плакала.

Я велел поставить кресло подле кровати и сел напротив больной. Выслав горничную с предупреждением, что она должна быть готова явиться по первому же зову, я остался наедине с госпожой Франшар.

— Успокойтесь, сударыня, — сказал я ей. — Дочери вашей не хуже. Я считаю это хорошим знаком.

— Ах, доктор! Если бы вы были правы!

— Надеюсь, что скоро наступит успокоение. Не хочу еще предписывать никакого лечения: из этого вы видите, какие у меня серьезные основания надеяться на улучшения. Тем временем, я хотел бы узнать еще некоторые подробности о припадке вашей дочери. Была ли она взволнована, увидев Леира в церкви?

— Нет. Мы заметили этого господина, уже выходя от обедни. Люси остановилась, увидев его, и просто сказала мне: «О! мама! Вот господин, которого я вижу во сне». Этот молодой человек поклонился нам, и Люси ответила ему поклоном. С той самой минуты дочь моя сильно задумалась. Она не приняла участия в нашем разговоре во время возвращения в замок; дома она попросила отца отложить ее свадьбу, результат чего вам известен. Я сожалею, что смеялась над кошмаром бедной девочки. Я спугнула ее доверчивость и помешала ей быть откровенной. Милая бедняжка! — сказала госпожа Франшар, лаская свою дочь.

— На основании всего слышанного, мне кажется, что м-лле Франшар приписывает свои сны вмешательству Пресвятой Девы?

— Да, доктор.

— Она воображает, что принуждена выбирать между долгом дочернего повиновения и покорностью Пресвятой Деве?

— Да.

— Она очень богомольна?

— Богомольна? Нет. Она молится, аккуратно ходит со мной к обедне по воскресеньям и четвергам, иногда сопровождает меня к вечерне. Впрочем, она особенно почитает Пресвятую Деву и не пропускает ни одной службы в месяц Марии.

— Продолжительны ли ее молитвы?

— Нет.

— Была ли у нее привычка предаваться благочестивым размышлениям?

— Да, доктор. Она ежедневно удалялась для того на полчаса в свою комнату. Я знаю, что обычным сюжетом своих размышлений она выбирала жизнь Пресвятой Девы.

— Господин Франшар и вы сами, сударыня, никогда не возражали против подобного обыкновения?

— Да нет же, милостивый государь: это делалось по совету духовника. Какие могли быть у нас основания для возражений?

Я не противоречил. Госпожа Франшар не поняла бы моих медицинских оснований: она не могла бы уловить косвенную связь, существовавшую между бредом ее дочери и этими набожными размышлениями. Было бы, пожалуй, неловко задевать ее религиозное чувство. Поэтому я не дал ей ответа, а продолжал спрашивать сам:

— Что думаете вы о бреде m-lle Франшар? Верите ли вы, чтобы, в самом деле, Богородица посылала ей видения?

— Не знаю, доктор, — ответила моя собеседница с колебанием. — Мне кажется, трудно увидеть во всем этом влияние дьявола. Бог слишком благ и справедлив, чтобы позволить искустителю уловлять в свои сети столь невинные души, как душа моей дочери. Но что думаете об этом вы сами, доктор?

Сознаюсь, что мой ответ был не чужд лицемерия. Я хотел внушить госпоже Франшар доверие и не стал излагать ей теорий, несогласных с учением церкви. Скрывая свое профессиональное неверие, я невинно ответил:

— Я мало сведущ в этих вопросах; но аббат Жога выразил мнение, что события, вызванные, без сомнения, находкой освященных четок, вряд ли могут быть приписаны дьяволу. Он готов скорее видеть здесь вмешательство Пресвятой Девы, которую ваша дочь особенно почитает.

Тут я заметил, что затронул чувствительную струнку. Как многие католички, г-жа Франшар к искреннему благочестию примешивала массу предрассудков. В религии она не видела различия между формой и сущностью, верила в то, что коричневый наплечник обеспечивает безболезненную смерть, что молитва или пожертвование св. Антонию Падуанскому способствует отысканию потерянных вещей и что шнурок от св. Иосифа помогает при родах, так же твердо, как в воплощение и искупление, в непорочное зачатие и непогрешимость папы.

— Итак, вы сами, господин Эрто, недалеко от мысли о вмешательстве Провидения?

— Это кажется мне возможным, сударыня, — отвечал я, краснея за свою ложь. — Без сомнения, я не могу определенно высказаться, вследствие недостаточности моих богословских познаний, для суждения об интересующих нас обстоятельствах. Как бы то ни было, я убежден, что случай тут ни при чем, да и дьявол — тоже.

— Если это не дьявол и не случай, то, значит, Провидение, — сказала госпожа Франшар. — Таково, действительно, мнение нашего священника, а он — святой человек, — прибавила она с убеждением.

— Сию минуту мы вернемся к этому разговору, — снова начал я, посмотрев на больную. — Кризис, который я предвижу, мне кажется близким, и необходимо наблюдать за состоянием m-lle Франшар. Не беспокойтесь ни в каком случае, ни в каком случае: понимаете? — сказал я с ударением. — Доверьтесь мне.

Я заметил, что m-lle Франшар стала спокойнее; лицо ее сделалось менее красным; слова произносились реже; глаза закрывались. Я в первый раз внимательно посмотрел на нее. Да, это была та молодая девушка, которую описывал Леир: с правильными чертами лица, с тонким носом, маленьким ртом, длинными каштановыми волосами и темно-золотистыми глазами, выражение которых, без сомнения, изменилось от лихорадки; однако взгляд их не утратил кротости.

Больная засыпала; глаза ее наконец закрылись, дыхание сделалось правильным, и жар начал спадать. Когда я увидел, что она уже спит, то вернулся к прерванному разговору.

— Причины, подававшие мне надежду на спасительный кризис, я считаю нужным вам сообщить, сударыня; но прошу никому не открывать их в настоящее время. Я думал, что ночь принесет вашей дочери обычное видение. Если я не ошибся, вы сейчас увидите, что она побледнеет и осунется. Не тревожьтесь этим. Тщательно избегайте всякого проявления волнения, всякого шума, всякого поступка, мо-

гущего вызвать внезапное пробуждение: в этом случае я не отвечаю за выздоровление m-lle Франшар. Будьте спокойны, беседуйте со мной, терпеливо ждите пробуждения вашей дочери, и все пойдет хорошо. Я должен все-таки предупредить вас, что больная будет слышать наш разговор и запомнит его. Вы увидите, что я буду, может быть, с жаром, который вас поразит, выражать мою симпатию делу Пресвятой Девы: не изумляйтесь. Не знаю, занята ли Богородица нашими делами; если — да, Она простит меня, скептика, старающегося извлечь терапевтическую пользу из Ее вмешательства. Словом, — сохраняйте хладнокровие и не волнуйтесь ничем. Будем же терпеливо ждать.

Я снова принялся наблюдать за больной, между тем как госпожа Франшар молча начала перебирать четки. Что я скажу? Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что в эту минуту применяю к медицине мистику, точно так, как аббат Жога применяет ее к религии; только не имею и того оправдания, что верю. Я покраснел бы, если бы доктор Дюссирон мог увидеть мой способ лечения: к счастью, он спал крепким сном.

Я постарался привести в порядок свои мысли и, прежде всего, взялся за факты, которые казались мне установленными.

Первым было: тесное мысленное общение между Леиром и m-lle Франшар. Оба их мозга проявляли способность так влиять друг на друга, что образы, запечатленные в одном, могли быть доступными другому. Я отлично знал, что этого нельзя было утверждать без оговорок: например, каким образом Леир ничего не узнал об обручении m-lle Франшар? Это можно было объяснить только передачей мыслей по произволу, причем те мысли, которые не были переданы добровольно, оставались неизвестными.

Но тут я наталкивался на другое затруднение: если образы местности, жилища, мебели, правильно воспринятые Леиром, были заимствованы из сознания m-lle Франшар, то эта передача мыслей и образов, очевидно, не могла быть добровольной; нельзя было думать, будто m-lle Франшар,

не зная Леира, сознательно передала ему образы леса, шалаша, решетки, парка, террасы и замка.

Итак, я приходил к полному противоречию. Оно исчезало только при допущении, что молодые люди жили действительной, но бестелесной жизнью. Александрийская философия всегда меня интересовала, и я невольно вспомнил следующие слова Прокла: «Психея — существо бесплотное и отделимое от тела». Я знал, как александрийцы были сведущи в необыкновенных явлениях жизни психической, и имел тайную склонность к их учению.

Если дух может отделяться от тела, как учил Прокл, то возможно ли, чтобы Леир и m-lle Франшар осуществили это? Таинственно влекомая к этой девушке, душа молодого человека не нарушила ли связь с телом, чтобы приблизиться к той, которая бессознательно звала ее? Значит, есть доля правды в теориях богословов, теософов и спиритов? Подобное мнение поддерживал отец Серафим в своем этюде о раздвоении; я знал, что его развивали в своих книгах ученики Блаватской и Аллана Кардека. «Линча шарира» одних и «дух» других может путешествовать без материального тела и производит это во время сна. Но что было во всем этом серьезного? По правде сказать, ничего. Нельзя было указать ни на одно правильно веденное наблюдение. В данный же момент, наоборот, приходилось наблюдать необыкновенный случай, но, при наличии факта, отсутствовало его объяснение. Тем не менее, факт казался мне достоверным. Дело шло так, словно Леир и m-lle Франшар жили бесплотной жизнью и могли видеть и слышать, как реальные существа. На этих фактах я основывал надежду на излечение больной.

Я решил говорить с госпожой Франшар таким образом, чтобы меня поняли больная девушка и, может быть, Леир. Первая телесно присутствует здесь в каталептическом состоянии; мои слова достигнут ее ушей и удержатся, по крайней мере, в подсознательной области ее психики. Если Леир тоже услышит мои речи или если m-lle Франшар телепатически передаст ему их, то и он поймет их. Мне хотелось придать надежды и мужества этим двум существам, дать

им знать, что я — их союзник и буду служить им по мере сил. Я хотел также приготовить их к испытанию: к браку m-лле Франшар, которого не видел возможности избежать, принимая в расчет упрямство и гордость отца. В то же время, я хотел показать им, что разлука их может не быть окончательной, и внушить им некоторую надежду на будущее, хотя сам не имел никакой.

Для этого мне оставалось одно средство: воздействие на мозг молодой девушки именно в том направлении, куда мистицизм увлек ее воображение. Надо было сделать вид, будто я верю, что все устроила Богородица и что она доведет свое предприятие до конца, несмотря на неблагоприятные условия. Поступая таким образом, я надеялся исполнить свою обязанность врача тела и души: то есть вылечить m-лле Франшар и утешить Леира, отчаяние которого я предвидел.

Около половины двенадцатого я заметил, что больная побледнела и приняла мертвенный вид, описанный мне молодым человеком. Тогда я нарушил молчание, длившееся уже около часа, и самым естественным тоном сказал госпоже Франшар:

— Я обдумал все это, сударыня, и убежден, что Божественное Провидение сумеет осуществить свои предначертания, как бы им не препятствовали люди. Впрочем, единственной помехой может быть несогласие вашего супруга, так как он дал слово за себя и за дочь, сдержать которое считает вопросом чести. Как вы думаете, однако, нельзя ли ему доказать преувеличенность его мнений? Такие обещания всегда бывают условны и даются в виду согласия наиболее заинтересованного лица. Последнее, вплоть до окончательного *да*, всегда может вернуть себе свободу.

— Ах, доктор, невозможно будет убедить моего мужа. Он не допустит давать себе советов, не потерпит, чтобы кто-нибудь предписывал ему образ действий или учил его, чего требует его честь и что запрещает.

— Однако, сударыня, если здоровье его дочери в опасности?

Глаза госпожи Франшар наполнились слезами:

— Люси должна очень сильно хворать, чтобы отец отложил ее свадьбу. Я сомневаюсь, чтобы он когда-либо отказал ее жениху; я уверена, что он не даст согласия ни на какой иной брак. Итак, мое единственное дитя обречено на безбрачие и на одиночество, когда не станет ее отца и меня.

— Но вы сами, сударыня, вы, я думаю, не будете противиться тому, что, по мнению аббата, является волей Пресвятой Девы?

— Я, доктор? Конечно, нет! Кроме того, я всегда предоставила бы моей дочери свободу выйти замуж по своему выбору. Мать слишком хорошо знает, к чему обязывает брак, чтобы навязывать дочери какого-либо жениха.

Это наивное рассуждение заставило меня задуматься. Франшар, должно быть, не всегда бывал нежным, и я подозревал в его грубой, мещанской, ограниченной душе отсутствие добродушия и снисходительности. Госпожа Франшар вряд ли когда либо жила по-своему: вернее, что муж поработал ее.

Я попробовал все-таки подбить ее к бунту.

— Нельзя ли вступить к вам, сударыня? Вы имеете право голоса в этом деле, и мне кажется, что ваш супруг не отказался бы выслушать вас?

— Вы его совсем не знаете, доктор; он сделает все по-своему!

Госпожа Франшар сейчас же заметила, что сурово судит о муже в присутствии чужого; она поспешила прибавить:

— Я хочу сказать: он сделает то, что считает своим долгом. Я достаточно знаю его убеждения, чтобы не иметь никакого сомнения в твердости его решения. Он довольно ясно высказался в разговоре с дочерью.

— Разве он не послушает и священника?

— Не более, чем меня. Мой муж запросто принят у архиепископа и слишком часто слышал, как его высокопреосвященство смеется над идеями нашего батюшки, находя их немного наивными; поэтому он и сам не особенно полагается на здравый смысл аббата Жога, особенно в мирских вопросах. Наш батюшка очень строг к себе самому, но

до смешного снисходителен к ошибкам других. Он милосерд и добр даже к девушкам-матерям! Он помогает им воспитывать их незаконных детей! Для моего мужа, который очень строг, особенно в сфере общественных приличий и добрых нравов, он не может служить авторитетом: муж часто порицал батюшку за терпимость.

— Это очень досадно, потому что я высоко ценю этого превосходного человека. Я сам поговорю с господином бароном.

— Неужели вы на это отважитесь, доктор?!.. — сказала госпожа Франшар, дрожа. — Вы сильно рассердите моего мужа.

— Мне бесконечно жаль, если так, сударыня; но я до конца исполню мой долг врача.

— Вы не переубедите его.

— Тем хуже, сударыня.

Тут я перешел на торжественный тон и прибавил:

— Я прекрасно вижу, что этот брак состоится; упрямство господина Франшара сделает его неизбежным; но он недолго продержится. Божественная воля, — продолжал я не без стыда, так как признавал, что пускаюсь на дипломатические уловки, — Божественная воля сумеет одержать верх. Ясно, что вам придется перенести тяжелые испытания; они будут тем тяжелее, чем сильнее будет сопротивление сверхъестественным путям Божиим. Однако, воля Божия осуществится.

Моя речь, по-видимому, произвела сильное впечатление на госпожу Франшар; она с изумлением посмотрела на меня, а потом, видя, что я умолк, опять принялась молиться по четкам. Я вновь отдался своим размышлениям, рассматривая хорошенькую восковую фигурку, неподвижно лежавшую передо мной. Какая тайна совершалась в эту минуту? Мне хотелось уметь видеть незримое, чтобы проникнуть за пределы здешнего мира, в то четвертое измерение, в котором астроном Цёльнер искал объяснения необъяснимого! Мои мысли неслись скачками, без контроля, населяя это столь далекое и, вместе с тем, столь близкое к нам пространство существами, бытия которых мы и не подо-

зреваем. Не здесь ли следует искать гениев, фей, джиннов, пери, кобольдов, зеленоволосых ундин, легких сильфов, пламенных саламандр и тяжеловесных гномов? Не туда ли скрылись, испугавшись возраставшего и нечестивого неверия людей, влюбленные нимфы, веселые фавны, подруги деревьев — дриады, козлоногие сатиры? И мои грезы длились, вызывая образы этих благодетельных или злых существ, живущих в областях, запретных для тела, но открытых для души.

В моей памяти всплывали волшебные рассказы, которые я так любил читать. Без сомнения, говорил я себе, некоторые осмелились проникнуть за преграду, разделяющую материальный мир от мира духовного. Это рассказано в повести о бароне де Коаразе, которому служил домовый. Особенно любовь является магнитом, который влечет к смертным эти таинственные существа. Народные легенды богаты рассказами о чудесных союзах; фея Мелюзина вышла замуж за Люзиньяна, который лишился ее из-за своего любопытства. Граф д'Оржевиле был любим феей; ревнивая графиня подстерегла своего мужа и застала его спящим с женщиной необычайной красоты; величественная прелесть любовницы мужа поразила графиню, и она не осмелилась разбудить ее, а только бросила свою вуаль на постель, на которой покоились любовники. Проснувшись, фея увидела вуаль и сказала графу, что отныне она уже не может ему являться. Бенедикт Бернский, Кардан, дон Диго Лопес, Магдалина де ла Круа, испанская игуменья, и многие другие были избраны сверхъестественными существами в любовники или любовницы.

Так вились мои грезы, снисходя к народной фантазии, скрытый символизм которой мне нравился. Эти идеальные любовники и любовницы изображают собой, конечно, стремление человека выйти за пределы обыденной жизни. Но его хрупкое счастье покоится на иллюзии: оно исчезает тотчас, как только пробуждается его любознательность. Это всегдашняя история Эроса и Психеи.

Вдруг моя милая больная взволновалась. Я поднял глаза; m-lle Франшар только что сделала легкое движение.

Она вздохнула, тихо подняла веки и устремила на меня кроткий взгляд своих темных глаз. Я улыбнулся ей, и она в ответ улыбнулась трогательно-грустно.

— Это вы, господин Эрто? — сказала она. — Я очень рада вас видеть. Мне теперь гораздо лучше.

Я взял ее руку; кожа была довольно свежа; пульс бился более нормально.

— Ну, вот, барышня, вы и вне опасности; теперь надо спать. Я опять навещу вас завтра утром, перед отъездом.

— Побудьте еще минуту, доктор; я хочу сказать, как я вам благодарна.

— Благодарны за что, дитя мое?

— За то, что вы сказали сейчас.

— Вы слышали? Значит, вы притворялись спящей?

— Нет, доктор, вы хорошо знаете, каким образом я слышала вас. Я опять имела видение, мама, — сказала она матери, — и тебя тоже благодарю. — Она выпрямилась, склонила свою головку в светлом сиянии взбившихся волос и нежно поцеловала мать.

— Милая, бедная мама! Я полагаюсь на Пресвятую Деву. Я чувствую, что должна повиноваться отцу, и подчинюсь ему, если он потребует; но Пресвятая Дева придет ко мне на помощь, все равно, буду ли я жива, чтобы благословлять ее, или умру и уйду к Ней.

— Не говори пустяков, моя милая, и не раскрывайся.

Госпожа Франшар тихонько отстранила свою дочь, оправила ей подушки, старательно подоткнула одеяло.

— Теперь спи, как велел доктор.

— Да мне не хочется спать, мама! Я хочу рассказать тебе, что было. Мне хочется, чтоб слышал господин Эрто.

— Ну, барышня, я позволю вам говорить лишь с условием, что вы заснете сейчас же, как только кончите. Скажите мне сначала, откуда вы узнали мою фамилию?

— Я знаю ее уже давно; но сейчас мой обычный посетитель сказал мне, что это именно вы сидите у моей постели.

— Ну хорошо, расскажите нам, что вы оба делали!

— Мой гость был очень печален. Это он усыпил и успокоил меня. Когда я покинула мое тело, то почувствовала

себя восхитительно, но потом чуть не заплакала, увидев, какой он грустный. Чтобы утешить, я его поцеловала.

— Дочь моя! Что это ты говоришь? — сконфуженно сказала госпожа Франшар.

— Правду, мама. Я поцеловала его и просила не отчаиваться. В эту минуту господин Эрто начал говорить с тобой; мы слушали, и его слова ободрили нас. Я поняла, что он говорит правду и что напрасно я усомнилась в Пресвятой Деве; как послушная дочь, я предоставлю себя Ее покровительству.

— А что говорили вы потом, в то время, как я сидел молча? — сказал я, лукаво улыбаясь.

M-lle Франшар слегка покраснела, взглянула мне в лицо и просто ответила:

— Я утешала и ободряла моего друга: он не разделяет ни моей веры, ни моих взглядов на мои обязанности. Теперь я знаю, где найти силу, которая мне понадобится, не для того, чтобы противиться отцу, так как это было бы грехом, но чтобы предаться воле Божьей, не потеряв веры в его благость.

— Вы — хорошая христианка, — ответил я.

Встав, я положил руку ей на лоб и сказал дружеским тоном:

— Теперь спите, и никогда не теряйте надежды.

Я простился с госпожой Франшар, посоветовав ей отдохнуть, и пошел спать. Спалось плохо. Я тщетно пытался уяснить себе те действительно необыкновенные явления, которые мне пришлось наблюдать. Впечатление было слишком свежо, сложно и полно драматизма, чтобы я мог отнестись к нему вполне трезво. Затем я подумал о том, что можно будет сказать Франшару с целью поколебать его, и не нашел ни одного довода, способного сломить его упорство. Я почувствовал, что моя попытка будет бесполезна, но все же остался при своем намерении. Я решил, что буду говорить как можно сдержаннее и рискну на предсказание. Ведь я хорошо понимал, что могу предсказывать наверняка: жених, Делиль, был человек светский, тихого и любезного нрава, ограниченного ума, слабой воли; так описывал мне его

Дюссирон, хороший знаток характеров. Если видения m-lle Франшар не прекратятся после венчания, то роль мужа окажется довольно мудреной. Я не мог не рассмеяться при мысли о его вероятных бедствиях...

Было другое основание надеяться. Люси казалась очень чистосердечной: вполне вероятно, что у нее с женихом будет откровенное объяснение перед свадьбой. Тогда, может быть, Делиль откажется от своих прав на руку моей маленькой пациентки.

Такова была двойственная задача, которая заняла мой ум в эту бессонную ночь. В пять часов утра, раздраженный невозможностью от нее отвлечься, я встал, чтобы подышать холодным воздухом в парке и прогулкой успокоить возбуждение моих нервных центров. Я быстро оделся, сошел вниз, загремел задвижками и замками, запиравшими крепкую дверь «замка», и вышел. Ночь была ясная; луна блестела на западе; в ее лучах сверкал иней на ветках деревьев и на траве луга. Шум шагов привлек мое внимание: черная фигура приблизилась ко мне, и я узнал аббата Жюга.

— Я так и думал, что встречу вас, — сказал он мне. — Вы, так же как и я, должны были не спать и испытывать потребность пройтись. Как себя чувствует m-lle Франшар?

— Я покинул ее несколько часов назад. Она совершенно поправилась. Может быть, день или два будет головная боль и усталость, а потом все пройдет.

— Я много молил за нее Пресвятую Деву, — сказал священник. — Она стоит того, чтобы быть счастливой.

— Она завоевала мою симпатию, господин аббат. Я говорил в ее пользу госпоже Франшар так, как стали бы говорить вы сами. Пожалуй, не обошлось без лицемерия, так как я ссылался на Матерь Божию, не имея на то никакого права. Пресвятая Дева, если она существует, вряд ли могла выбрать в свои уполномоченные такого неверующего, как я.

— Не говорите так, господин Эрто, — тихо произнес аббат. — Вы сами сказали мне, что Бог судит нас по намерениям, а не по делам. Это — Отец снисходительный и доб-

рый; наши собственные милосердие и доброта, какими бы великими мы их себе ни представляли, не могут дать понятия об его бесконечном милосердии и безграничной доброте. Он простит вас, человека доброго, так как прощает даже злых. Они злы по неведению. Бог дал вам миссию здесь, на земле, и не смотрит на ваши мнения или верования; вы — дитя Его, как все люди и как все живущее. Он просветит вас своею благодатью, когда пробьет ваш час.

— Аминь, батюшка, — смеясь, ответил я: мне показалось, что добрый священник проповедует ересь, называя Бога отцом всего живущего.

Аббат Жога, казалось, угадал мысль, потому что сказал:

— Св. Франциск Ассизский называл волка своим братом и молился вместе с птицами. Но я пришел не для того, чтобы читать вам проповедь. Я смотрю на вас, как на поборника за Пресвятую Деву, и пришел узнать, что вы сделали и что рассчитываете сделать для торжества Ее предначертаний.

— Я очень боюсь, что Пресвятая Дева не восторжествует сразу, господин аббат. Госпожа Франшар — на нашей стороне, но она даже не попытается противоречить мужу. М-лле Франшар выкажет мистическую покорность воле Божией, и если, как я надеюсь, она сделает положение своего мужа невыносимым, то будьте уверены, что не нарочно. Я думаю, что завел в ней одну пружинку, которая будет действовать сама по себе.

— Что вы хотите сказать?

— Не знаю, поймете ли вы меня, господин аббат, потому что, для выяснения моей мысли, мне придется затронуть область, совершенно чуждую вашим познаниям.

— Все-таки скажите, доктор!

— Если так, то скажу, но под печатью тайны, как на исповеди, мой дорогой аббат, — и, быстрыми шагами расхаживая с аббатом по безмолвным аллеям парка, я изложил ему следующее:

— М-лле Франшар — чрезвычайно чувствительная натура. У нее — нервная система редкой утонченности, и я уверен, что она представляет собой тип выше среднего. Через

пятьсот или тысячу лет, если наша цивилизация не погибнет от какого-нибудь кризиса, подобные нервные системы будут более многочисленны. Число их будет возрастать по мере приближения человечества к совершенству, так как прогресс обуславливается непрерывным совершенствованием спинномозгового аппарата человека. Через тысячу или через десять тысяч лет, — я не знаю, — но несомненно, что со временем люди будут более чувствительны и более впечатлительны. Это не доставит им страданий, ибо человечество станет лучше: оно будет снисходительнее, терпимее и кротче; уважение к свободе каждого возрастет.

Теперь совсем не так: у человека всегда непреодолимое влечение подчинять других своей воле. Мы считаем необходимым заставлять других исполнять то, что нам кажется добром. Мы хотим обязать людей стать добродетельными и наказываем престаупающих наш социальный катехизис, то есть свод законов. Я не критикую, господин аббат, а лишь констатирую факты. Но, не правда ли, вы согласитесь со мной, что у нас есть известные догматы и что мы наказываем тех, кто их нарушает? Мы заключаем в тюрьму жену, обманывающую своего мужа без оплаченного согласия последнего; туда же сажаем, без различия, убийцу, двоеженца и торговца контрабандными спичками.

Добрый священник вздохнул; я же продолжал так:

— Возвращаюсь к моей первоначальной теме: людям с нервной системой, чересчур утонченной, приходится плохо в среде современного человечества. Это самое относится к девице Франшар. Такие люди страдают гораздо более других; их расстраивают неприятности, незаметные для так называемого среднего человека; необходимое условие их изощренной чувствительности — неустойчивое равновесие их нервов, — легко нарушается; поэтому врачам простительно считать больными эти образчики опередившей нас эволюции. Девять десятых моих коллег диагностировали бы истерию у нашей милой девицы, которая совершенно свободна от этого неопределенного и малоизученного невроза.

Вот на конституциональных особенностях темперамента m-lle Франшар я и построил мой план! Натуры, подоб-

ные ей, очевидно, весьма сложны: одно из самых любопытных свойств, ими проявляемых, есть раздвоение умственной деятельности. У них, в некотором роде, два тока интеллектуальной жизни; один связан с их нормальным личным сознанием, другой остается ему как бы чуждым. Это похоже на те реки, которые текут как бы двумя этажами: частью на поверхности, частью под землей.

Натуры, о которых я говорю, представляют еще одну особенность: они способны интегрироваться с той или другой из этих умственных жизней. Я хочу сказать, что их сознание может слить воедино оба тока, о которых я говорил. Это бывает редко в личном сознании; соединение происходит обыкновенно в том токе скрытой умственной жизни, который представляет нам общее, безличное сознание, подсознание.

Это обширное сознание относится к личному так, как озеро — к океану. Между ними происходит непрерывный обмен. Как вода из озера вливается в море реками и возвращается обратно в виде туч, дождей и потоков, так и психические акты общего сознания могут появляться в личном сознании под чрезвычайно различными формами, обыкновенно — в виде побуждений и внушений; даже чаще всего побуждение осуществляется, внушенный поступок исполняется под влиянием непреодолимой силы, которой личное сознание подчиняется, не понимая ее. Моя речь должна казаться вам неясной?

— Предмет труден, но я все-таки слежу за вашей мыслью.

— Я имел намерение посеять в уме m-lle Франшар семена безропотности и надежды. Между нами, сам я не очень-то надеюсь. Знаю, что первое время брака будет тяжело для ее мужа; но совместная жизнь, общественные приличия, чувство долга, все эти условия приучат m-lle Франшар к супружеству. Заставив ее подсознание выслушать слова надежды, говоря с твердостью и авторитетно, я сделал ей некоторое косвенное внушение. При ее пробуждении я заметил, что достиг своей цели. Она покорится отцу, если понадобится, но будет надеяться. Я хотел бы иметь такой

же успех и у Леира. Как-то перенесет он предстоящее ему жестокое испытание?!

— Уповаю на Пресвятую Деву, доктор,— возразил аббат, полный слепой веры. — Она испытывает этих молодых людей, чтобы они приобрели новые заслуги и чтобы сделались более достойными радостей, которые им готовит Ее благодать.

— Надеюсь, что m-lle Франшар застрахована от возможности морального кризиса. Может быть, она не будет так индифферентна, как я предполагаю; может быть, она выкажет мужу сопротивление, которое, будучи пассивным и бессознательным, тем не менее останется непреодолимым. Если, как я предвижу, ее экстазы или, скорее, *трансы* возобновятся, Делиль всегда будет иметь перед собой лишь труп. Предчувствую большие осложнения с этой стороны, и если Франшар будет упорствовать, то доставит себе много неприятных минут.

Это пассивное сопротивление есть та пружина, которая, по моему расчету, должна прийти в действие сама. Но все же мне хотелось бы всеми мерами предотвратить брак, который, без сомнения, будет несчастлив или же лишен всяких радостей, что, пожалуй, еще хуже. Я поговорю с Франшаром, но прежде хотел бы узнать побольше о Делиле и об обстоятельствах, приведших к его сватовству. Говорят, что тут не обошлось без вмешательства отца Фюрстера?

Добрый аббат вздрогнул. Он остановился и посмотрел во все стороны. Луна спустилась к горизонту и косыми лучами освещала окрестность. Все в природе было тихо и молчаливо. Священник взял меня за руку и, крупно шагая, увлек на уединенную лужайку; остановился он только, когда мы очутились посередине луга. Тогда он сказал, понизив голос:

— Вас не обманули. Господин Делиль — человек из лучшего общества. Он воспитывался у преподобных отцов-иезуитов и, хотя не был блестящим учеником, однако выдержал бакалаврский экзамен и получил диплом лиценциата прав. Для проформы, он числится при Базадском суде, но никогда там не выступает. Часть года он проводит в Пари-

же и Ницце, а с июля до января живет в своем имении Лаферьер. Его очень любит все соседство: он приветлив, услужлив и щедр. Его семья еще издавна связана дружбой с семьей барона Франшара, но никто не помышлял о браке между m-lle Франшар и господином Делилем. И понятно: у него была связь, ни для кого не составлявшая тайны, исключая, может быть, невесты. Несколько месяцев тому назад, господин Делиль разошелся с госпожой Лидией д'Аррецо.

— С итальянской певицей?

— Да.

— Черт возьми! Да ведь она прелестна!

— Немного спустя, преподобный отец Фюрстер приехал в Лаферьер. Там он пробыл три недели. Я знаю, что он побывал у большинства окрестных священников. Перед отъездом, он лично начал с бароном переговоры относительно брака его дочери с господином Делилем.

— Но какую выгоду находит отец Фюрстер в этом сватовстве?

Очевидно, бедный священник очень боялся отца Фюрстера, потому что он отвечал еще тише:

— Преподобный отец Фюрстер — человек обширного ума и редкой энергии. Он горит желанием вырвать наше отечество у людей, которые направляют его теперь на путь религиозных гонений. Я думаю, что отец Фюрстер хотел бы толкнуть Делиля в политику. Женитьба этого молодого человека на m-lle Франшар создаст ему обширные связи среди всей местной аристократии. Господин Франшар очень уважаем в округе; он дает бесплатные советы крестьянам, примиряет враждующих, щедро помогает несчастным. Его жена и дочь очень любимы; они умеют благотворить, не оскорбляя, и дают не только деньги, но еще личный труд и искреннее сочувствие, что очень трогает наших крестьян. Расчет отца Фюрстера верен. Женившись на Люси Франшар, Делиль почти единогласно пройдет на местных выборах и будет иметь много шансов попасть в палату.

Я более не расспрашивал и был благодарен священнику, подавившему свой страх, чтобы открыть мне планы

деятельного иезуита. Ловкий монах готовил католический реванш; с помощью своих братьев, он должен был постараться найти в каждом округе серьезного кандидата, расположенного употребить все усилия, чтобы подготовить свое избрание. Участие отца Фюрстера в брачной комбинации не предвещало нам ничего доброго. Надо было ожидать, что он всячески постарается поставить на своем, имея в виду благо церкви.

Эти несчастные монахи никогда не переменят своего образа действий и не поймут, что сами создают себе непопулярность. Теперь они увлекают к гибели вместе с собой и сам католицизм; они не могут понять, что коллективный организм подобен организму живому: чтобы существовать, ему нужно обладать гибкостью и способностью приспосабливаться. Необходимо уметь меняться сообразно с изменениями среды, в которой живешь. Европа в XX веке уже не та, что в XVI-м.

Мы продолжали гулять молча; на востоке заря окрасила небо розоватым светом; холод усилился; кое-какие птицы начинали петь, и легкий ветерок шевелил ветви больших деревьев, сдувая с листьев белые крупинки инея.

Аббат Жога первым прервал молчание.

— Мне интересно знать ваше мнение, — сказал он, — об истинной сущности сновидения, по-видимому, соединившего m-lle Франшар с господином Леиром.

— Не могу вам сказать ничего определенного. Наиболее приемлемой кажется мне гипотеза о передаче мыслей и образов; но и она не удовлетворяет меня.

— Почему?

— По двум причинам: или передача эта произвольна, и тогда остаются необъяснимыми первые сны господина Леира, в то время неизвестного девице Франшар; или же она непроизвольна, но тогда как же Леир сразу не узнал, что m-lle Франшар — невеста Делиля? Если мозг молодой девушки был открыт для Леира и последний мог черпать оттуда образы и воспоминания как из собственного, то необъяснимо, как ускользнуло от него такое важное обстоятельство.

— Значит, вы не верите, что души этих молодых людей могли на короткое время покидать их тела?

— Уж очень трудно мне допустить это!

— Но вы, конечно, признаете, что такое предположение, если оно верно, объяснит нам все? Леир и m-lle Франшар вступили в духовное общение; они беседовали, как два разговаривающие между собою лица. Предметы вещественные воспринимались их духовным взором, равно как и звуки — их духовным слухом; но их невещественные души не останавливались ни перед каким препятствием и без труда мгновенно переносились на далекие расстояния.

После этого аббат в длинной речи попытался объяснить мне чудо раздвоения личности: он указал на святого Антония Падуанского, который в 1225 году проповедовал в Монпелье и в то же время пел за обедней у себя в монастыре; на св. Франциска Ксавье, св. Мартина Поррского, Анджело Акрийского, Иосифа Копертинского, особенно же остановился на св. Лидвине: она каждую ночь совершала духовное паломничество по святым местам. В этом случае, действительное перемещение духовного тела было доказано: при ее пробуждении находили на физическом ее теле следы царапин, полученных духовным телом от придорожных терний и колючек. Затем он привел историю ночных путешествий испанки Марии д'Агреда, отправлявшейся в Южную Америку для проповедования истинной веры индейцам.

— Эти случаи, — сказал он, кончая, — похожи на происшествие с m-lle Франшар. Подобные чудеса воспрещены демонам, которые не могут мгновенно переносить с места на место. По крайней мере, таково мнение ученых богословов, и для меня это — один из доводов в пользу вмешательства Пресвятой Девы в жизнь моей юной духовной дочери.

Аббат говорил с жаром и с поразительной уверенностью; его мысль свободно работала в области мистики, а его кроткая и ясная душа черпала оттуда свою крепкую веру и тайну своей великодушной доброты. Мне казалось бы дурным смутить его хоть малейшим сомнением.

— Вы можете быть и правы, мой дорогой аббат. Мистика глубже жизни проникла в таинственные явления метапсихики. Но идемте завтракать.

Мы направились к кухне, где уже начались ежедневные хлопоты, и я велел подать себе громадную чашку кофе с молоком. Аббат Жога не захотел разговеться, так как в восемь часов должен был служить обедню. Вскоре он со мной расстался, обещавши в недалгом будущем навестить меня.

Бесцеремонно греясь у огня из виноградных лоз, трещавших в огромном камине, я выкурил папиросу и подумал о том, что мне сказал священник.

В половине восьмого мне пришли сказать, что m-lle Франшар проснулась; я отправился к ней и нашел ее более здоровой, чем смел надеяться. Ощущалась тяжесть в голове, но лихорадки уже не было. Госпожа Франшар вполне заслуженно отдыхала; следовательно, я был один с молодой девицей. Я ждал каких-нибудь признаний, но напрасно: она еще раз поблагодарила меня, повторила, что возлагает надежду на Пресвятую Деву, и не упоминала о господине Леире.

Я расстался с нею не без тревоги. M-lle Франшар любопытным образом соединяла в себе покорность матери с упорством отца. Ее воспитание и религиозные чувства имели такое влияние на ход ее нормального мышления, что повиновение отцу должно было казаться ей неизбежным. Но что происходило в подсознательной сфере ее духа?

Мне было ясно, что под видимой оболочкой покорности, спокойствия и уважения приличий, красивая девушка таила страсти более глубокие, без сомнения, неведомые ее сознанию. Эта скрытая личность, служившая для нормальной источником психической деятельности, казалась мне более своевольной. Я не сомневался в грядущем конфликте между этими личностями, и не мог предвидеть, чем он окончится, потому что не знал сил, которые могла пустить в ход бессознательная воля девушки.

Мой ум был занят этими мыслями, когда я шел в библиотеку к господину Франшару. Я сказал ему, что, прежде чем проститься, хотел бы с ним поговорить. Он согласился

и, предвидя содержание моей речи, принял вид еще более важный и торжественный, чем обыкновенно. Он уже более не тревожился за дочь; быстрое выздоровление молодой больной для него явилось доказательством того, что болезнь — пустячная: он не мог понять ее потенциальной опасности.

— М-лле Франшар поправились, барон. — Титул его в моих устах был следствием желания подольститься.

— Я знаю, доктор, и благодарю вас за труды.

— Тем не менее, позвольте мне обратить ваше внимание на опасность всякого нравственного давления на вашу дочь. По темпераменту, м-лле Франшар — особа очень нервная, очень чувствительная и очень впечатлительная. Вы сами видели, с какой силой действуют на нее волнения. Как врач, я обязан указать вам на это обстоятельство, заслуживающее самого серьезного внимания.

— Я очень благодарен вам, доктор, за заботу о здоровье м-лле Франшар. Будьте уверены, что я приму в расчет ваше мнение, решая будущность моей дочери.

Франшар хотел закрыть мне рот. Ошибиться было невозможно; но я не был расположен сдаться так скоро. Я поблагодарил Франшара с самым любезным видом и чуть не улыбнулся при виде его изумленной физиономии: он намеревался держать меня на расстоянии, я же притворился, будто понял наоборот!

— Я очень польщен, господин барон, значением, которое вы придаете моему мнению. Знаю, что вы — прекрасный отец и не станете заглушать голоса вашего сердца. Но я хотел сказать не только то, что теперь явился удобный случай для пересмотра проектов касательно м-лле Франшар, а еще уяснить вашей предусмотрительности и заботливости те последствия, какие мог бы иметь сам брак.

Господин Франшар, очевидно, выйдя из терпения, величественно ответил мне:

— Я уже предвидел, взвесил и обсудил эти последствия, милостивый государь. Они могут быть лишь благоприятными для моей дочери. Будьте уверены, что отец м-лле Франшар желает только счастья своему дитяти. Я принял

сделанное ей предложение лишь только потому, что вижу в нем все гарантии благополучия. В семьях, где уважаются традиции, как в семье m-lle Франшар, о партиях судят не единственно с точки зрения ребяческих желаний молодой девушки; задача эта шире и сложнее. Наши фамилии, в своей совокупности, составляют оплот национальной силы: для блага страны необходимо, чтобы союз между ними становился все крепче. Эта необходимость теперь чувствительнее, чем когда-либо: наши обязанности стали многочисленнее и тяжелее. Надо, сударь, принадлежать к этим семьям, чтобы понимать, как широки их обязательства и каких жертв требует их положение.

Барон Франшар, правнук члена конвента, разговаривал точно герцог и пэр! Я был убежден, что он, попросту сказать, дошел до этого не сам. Здесь пахло отцом Фюрстером!

— Я не имею чести, подобно вам, барон, принадлежать к фамилии, прославившейся заслугами перед Францией, — произнося это, я имел серьезный вид, — но верьте, что я понимаю те неизбежности, на которые вы намекнули. Именно забота о них и руководит мною. Вы ошибаетесь относительно смысла моих речей. Они имеют двойную цель: первая — привлечь ваше внимание к необходимой осторожности, которой требует здоровье вашей дочери, а вторая касается единственно вашей семьи.

Я заметил, что Франшар не предвидел такого ответа. Однако тревоги нарушило торжественное выражение его лица.

— Предположим, что свадьба совершилась, — продолжал я. — Уверены ли вы, что болезнь m-lle Франшар не возобновится? Я имею в виду немедленные последствия свадьбы.

Я должен был дать это пояснение ради уверенности, что меня поняли; Франшар встревожился еще более; его большие глаза навывкате округлились, глядя на меня.

— Предположите, что во время событий, на которые я намекаю, произойдет нервный припадок; предположите, что m-lle Франшар впадет в каталептическое состояние, в

котором я видел ее вчера; подумайте, что будет позван врач. Знаете ли вы, что он скажет молодому супругу?

Всякая торжественность исчезла с лица моего собеседника. Он не предвидел такого аргумента и не знал, что ответить. Может быть, он еще недостаточно ясно понимал, что я хотел сказать? Я счел себя обязанным дойти до конца.

— Врач скажет, барон, что m-lle Франшар страдает тяжелой формой истерии.

Это слово поразило моего хозяина. Оно вызвало в его уме не представление о многообразном неврозе, а то особое понятие, которое с ним связывает публика.

— Моя дочь! истеричка! — пробормотал он.

— Это скажут почти все врачи. Мое личное мнение совершенно иное, барон; но в этом я являюсь пока исключением среди медицинского мира. Большинство из моих коллег скажет Делилю: «Ваша жена страдает сильной истерией». Некоторые из них посоветуют специальное лечение в психиатрической больнице.

Теперь в смущенных чертах барона Франшара выражался ужас. Я видел, что сказанного достаточно, и поднялся, прибавив в заключение:

— Врач, призванный просвещать тех, кто обращается к его знаниям, несет обязанности, часто тягостные. Я сейчас выполнил одну из них и прошу извинить мою необходимую откровенность. Знаю, что вы — человек осторожный и разумный. Достаточно направить на данный пункт ваше внимание, чтобы вы пришли к зрело обдуманному решению. Прощайте, барон; примите мою благодарность за оказанный мне любезный прием.

Но барон уж не хотел отпустить меня. Он тяжело вздохнул и сказал:

— Останьтесь еще на несколько минут, доктор. Вы меня очень напугали. Люси — истеричка! Какой скандал! Боже мой! Какой скандал!

— Я не сказал, что m-lle Франшар страдает истерией; правда, большая часть моих коллег поставила бы такой диагноз.

— Можно ли ее вылечить?

— Ее нечего лечить от болезни, которой у ней нет. Достаточно только не ставить ее в такое положение, которое неизбежно приведет к нервному припадку.

— Так вы уверены, доктор, что у нее будут новые припадки, если она выйдет замуж?

— Нет, сударь, я в этом не уверен. Я только считаю это весьма вероятным. Повторяю вам, ваша дочь чрезвычайно впечатлительна и чувствительна.

Франшар как будто успокоился.

— Нет ли какого-либо средства излечить эту чрезмерную впечатлительность?

— Никакого. Это — дело времени, физической гигиены, душевного покоя и материнства; но материнства желанного, а не навязанного. Бром и успокоительные могут подействовать лишь временно, и употребление их, в конце концов, ухудшило бы состояние вашей дочери вместо того, чтобы помочь. Подумайте обо всем, что я имел честь изложить вам, и позвольте проститься с вами.

Я предоставил Франшару раздумывать, а сам вернулся к доктору Дюссирону. Охоты к разговору у меня не было, и мой коллега, отпустив несколько дружеских шуток насчет моей молчаливости, не стал мешать моим размышлениям, как только увидел, что они серьезны.

— Прощайте, Эрто, — сказал он при расставании. — Вы подпали под обаяние Люси Франшар, и судьба этой девочки вас тревожит. Болван-отец принесет ее в жертву своим кумирам, будьте в этом уверены, и забудьте о ней. Мало ли что нам приходится видеть, — прибавил он со своей обычной философией.

Я не разделял его скептицизма. Я привязался к Леиру и действительно подпал под обаяние m-lle Франшар. Я хотел, чтобы они дали друг другу счастье и напрягал свой ум, отыскивая комбинацию, при которой стал бы возможным их союз.

Около полудня ко мне пришел господин Леир; я сообщил ему успокоительное известие; он был к нему подготовлен своим последним сновидением. Он так передал мне мой разговор с госпожой Франшар, как будто при нем при-

существовал. Я, смеясь, упрекнул его в отсутствии полной откровенности, и ему пришлось признаться, что во время их «духовных свиданий», — употребляя выражение аббата Жога, — он сообщил m-lle Франшар о моем участии в их деле. Но визит его имел определенную цель. Он получил от господина Франшара письмо, в котором тот просил его вернуть найденные им четки, за что заранее благодарил его с преувеличенной вежливостью.

— Напишите Франшару, что вы отдали четки мне, — сказал я, — и дайте их мне: я беру на себя доставить их по принадлежности.

Леир, начинавший выказывать слепое ко мне доверие, тотчас же отдал мне коралловые четки. Я запаковал их и отправил аббату Жога, настоятельно прося его отдать их только самой m-lle Франшар.

Я постарался, насколько возможно, утешить Леира, который сильно приуныл.

— Надо быть бодрее, — говорил я. — Все пойдет хорошо. Я не вижу возможности избежать свадьбы m-lle Франшар с Делилем; мне хочется даже, чтобы эта свадьба состоялась скорее, так как я вижу в ней предварительное условие вашего будущего счастья. Предоставьте событиям идти своим путем. Я требую от вас только двух вещей: первая — усердно работать и сделать свое положение насколько возможно блестящим. Постарайтесь привести к удачному концу ваши изыскания относительно замены сернистой кислоты веществом эквивалентным, но более легко выделяемым; посмотрите, не может ли ваше знание химии помочь вам открыть производство, полезное для компании капиталистов, которая с вами уже советовалась. Сделайте что-нибудь выдающееся. Вторая вещь, которой я требую, — следующая: сообщайте мне подробно обо всех ваших сновидениях. Я говорю только о тех, которые этого стоят. Окажите мне одолжение: подробно записывать каждое утро сон предшествующей ночи. Впоследствии мне понадобится этот очень подробный отчет; я воспользуюсь им, чтобы постоять за вас. Ожидайте с надеждой дальнейших событий.

Моя уверенность как будто произвела впечатление на Леира. На другой день я получил от него только записочку: он сообщал, что его сношения прекратились с тех пор, как он отдал коралловые четки. В письме госпожи Франшар заключалось известие, что свадьба ее дочери отложена до пятнадцатого марта. Я начинал надеяться, что господин Франшар стал помягче, как вдруг 29-го февраля получил письмо от аббата Жога. Добрый священник предварял меня о своем посещении на завтра и просил меня сохранить его в тайне.

Весть о таком таинственном визите возбудила во мне любопытство, и дни 27-го и 28-го февраля показались мне необычайно длинными. Наконец, наступил вечер; я долго ждал аббата Жога, прежде чем сесть за стол: он явился только в половине девятого, уверяя, что уже пообедал.

Я тотчас утащил его в кабинет и там, закрыв двери и окна, предложил ему высказаться.

— Я привез вам много новостей, доктор. Из них первая: брак неотложно назначен на 15-е марта. И этим мы обязаны преподобному отцу Фюрстеру, — тут священник вздохнул. — Боюсь, что временные выгоды церкви помрачили идею ее духовных интересов в уме этого достойного и ученого священнослужителя. Его намерения, конечно, превосходны, так как Бог имеет в нем усерднейшего слугу; но я очень боюсь, как бы, сам того не зная, он не стал противником Пресвятой Девы.

Я перебил доброго аббата, опасаясь, чтобы он не пустился в мистические диссертации на свою любимую тему; а мне хотелось поскорее узнать факты.

— Оставим это, дорогой и достойный друг, — сказал я. — Святая Дева достаточно могущественна, чтобы не нуждаться в нашей помощи. Передайте мне факты, одни только факты. Их мы должны принять в соображение.

— Хорошо, доктор. Через несколько дней после вашего отъезда из Бализака, m-lle Франшар пришла ко мне и сообщила, с просьбой передать это вам, что имела с господином Делилем объяснение, в котором высказала свое нежелание немедленного брака. Очень подробно рассказав свои

сны, она призналась жениху в своем предпочтении к господину Леиру и в своем желании выйти за него, если отец не будет ничего иметь против. Господин Делиль, раздосадованный и обиженный, не стал разубеждать m-lle Франшар, он только просил не отвергать окончательно план, который дорог его сердцу, и умолял ее позволить ему хлопотать лишь об отсрочке до 15-го марта. На этом молодые люди покончили, и сам господин Делиль предложил барону отсрочить свадьбу, на что без труда получил согласие. Тем временем, я получил четки и отдал их лично m-lle Франшар.

Все казалось благополучным, как вдруг, тому несколько дней, в Лаферьер прибыл преподобный отец Фюрстер. Не знаю, что он мог сказать своему воспитаннику, но догадываюсь. Поведение господина Делиля изменилось: он стал настойчивее. Очевидно, произошло совещание между ним, бароном и преподобным отцом Фюрстером. Последствием было то, что отец призвал m-lle Франшар и объявил ей о невозможности откладывать свадьбу далее 15-го марта. Девушка ничего не ответила и покорилась воле отца, но вторично обратилась к жениху; последний выказал большое смущение, заговорил о своей любви, о своем доверии к будущей жене, о невозможности придавать значение снам, о разнице социального положения между господином Леиром и дочерью барона Франшара. Он намекнул на патристический долг, на необходимость сплотить силы консерваторов для борьбы с безбожием и анархией. Мне кажется, он говорил так, как будто будущность Франции и церкви зависит от его брака с m-lle Франшар.

Умненькая девочка поняла, откуда взялись эти аргументы. Она смело напала на отца Фюрстера. Я был свидетелем их беседы, так как не захотел оставить ее одну в столь тягостном положении. Отец Фюрстер был очень благосклонен, но не поощрил m-lle Франшар оказывать неповиновение родителям. Он объяснил ей, что дьявол соблазняет ее своими кознями.

Я попробовал возражать, сослался на Суареца и на аббата Рибе, доказывая ученому иезуиту, что моментальное

перемещение г-на Леира не может быть приписано сатане, так как превышает его могущество, и напомнил, что видения возникли вследствие нахождения освященных четок.

Этим я навлек на себя выговор, от которого дрожу доселе. Отец Фюрстер ответил мне с великою кротостью, что он в отчаянии от невозможности разделять мое мнение, но что он уже говорил об этом случае Его Преосвященству; кардинал встревожен тем, что один из подчиненных ему священников вмешивается в дела, посторонние его служению; он услышал с огорчением, что я приписываю Пресвятой Деве некое чудесное вмешательство и хотел бы знать, докладывал ли я об этом факте моему духовному начальству, прежде чем руководствоваться в моем поведении столь поспешно составленным и, пожалуй, неосновательным мнением. Отец Фюрстер заявил мне даже, что Его Преосвященство думало перевести меня в другой приход, что и было бы исполнено, если бы не горячее заступничество самого отца Фюрстера.

Я почувствовал скрытую угрозу и замолчал, господин доктор, потому что я стар и хочу умереть там, где уже прожил тридцать пять лет. Преподобный отец Фюрстер не злоупотребил своим торжеством; он просто сказал m-lle Франшар, что Пресвятая Дева не может требовать от благочестивой девушки неповиновения родителям, и потом упомянул о религии, о покорности воле Божией, о крестах и испытаниях, которые в сей временной жизни следует переносить с радостью, чтобы обеспечить себе блаженство в жизни вечной.

Уходя, он увел меня с собой и убеждал меня придерживаться нейтралитета, подтвердив еще раз, что Его Преосвященство недовольно мною.

Все это, господин доктор, поручила мне передать вам m-lle Франшар. Она просила сказать вам, что не поколеблется в своей надежде на Пресвятую Деву при каких угодно обстоятельствах.

Я поблагодарил аббата и обещал ему хранить тайну, так как понимал величину его риска. Монашеские ордена

теперь влиятельнее в Ватикане, чем когда-либо, и просто-му священнику опасно противоречить им.

Мне предстояло бороться с монахами! И меня бесила мысль, что первые ставки будут проиграны. Обращаться к отцу Фюрстеру я считал бесполезным, так как знал репутацию этого иезуита, энергичного, умного и ловкого, но извращенного монашеским воспитанием. Я не имел против него оружия, не мог предложить ему никакого выкупа. Нужно было найти способ победить его в борьбе или подкупить его обещанием выгод. Итак, я двинулся в поход не без надежды на успех; но я знал, что опоздаю: нечего было и мечтать о нападении, прежде чем будут в готовности мои орудия борьбы; торопливость не привела бы ни к чему и только уничтожила бы возможность победы в будущем.

Оставалось терпеливо ждать; но настроение у меня сделалось собачье. Утешило меня только одно: я встретил моего старого приятеля, профессора Дюрье, который, разумеется, заговорил о Леире. Последний продолжал свои исследования о сернистой кислоте и не нашел еще ничего определенного, зато открыл новое упрощение в способе фабрикации того продукта, анализ которого был поручен ему компанией капиталистов.

Эта компания купила монополию открытия и вручила Леиру очень значительную сумму; она хотела окончательно взять молодого химика к себе на службу и предложила ему большое жалованье; но Дюрье, желая удержать своего блестящего ученика при университете, дал ему совет отказаться от этого предложения. Сам он выступил посредником и создал следующую комбинацию: он уговорил компанию капиталистов основать кафедру промышленной химии, с условием, чтобы эта кафедра была занята господином Леиром; последний же, со своей стороны, обязывался предоставлять в исключительное пользование этой компании все открытия, какие мог сделать.

Независимость и богатство казались мне более желательными для моего молодого пациента. Дюрье, всю жизнь связанный с университетом, находил, что честолюбие химика скорее удовлетворится кафедрой, хотя и не казенной,

а основанной на частные средства. Переговоры еще не были окончены, но успех их не внушал сомнений.

Дюрье сообщил мне, что Леир ходит мрачный и молчаливый, выказывает равнодушие к своим успехам, но вид имеет решительный; что он работает по восемнадцати часов в сутки, выходит из лаборатории, лишь падая от усталости и, как будто, совсем не спит. Я просил приятеля серьезно понаблюдать за молодым человеком и предостеречь его от переутомления. Мы расстались после того, как Дюрье выразил мнение о кратковременности любовных печалей, в которые он не верил. Я же имел иное мнение о постоянстве его ученика.

Беспокоясь о том, как он проведет день свадьбы своей возлюбленной, я пригласил его к себе на завтрак. Приглашение это распространялось и на мать его; но последняя уклонилась, предчувствуя, что сыну приятнее будет побыть со мной наедине. В противность всем ожиданиям, господин Леир явился почти веселым. Я понял это, когда он показал мне коробочку, заключающую в себе коралловые четки и клочок синей бумаги со словами: «На вечную память от Люси». Бодрость вернулась к Леиру; он стал разговорчивее, ел и пил без колебаний, а после завтрака уснул в кресле. Бедный парень провел столько бессонных ночей, что я запер дверь моего кабинета и дал ему спать до семи часов вечера, сам усевшись писать рядом с ним. Я заметил, что он принял тот вид трупа, который был мне знаком по наблюдениям над Люси Франшар, и стал ждать новых известий. Действительно, как только он проснулся, то первым долгом сказал:

— Доктор, ведь я ее видел! И, хотя она не спала, но тоже видела меня и говорила со мной.

— Что же она вам сказала?

— Что уже обвенчана, но не теряет надежды. Они уехали нынче вечером в Гранаду с семичасовым курьерским поездом.

Неделю я пробыл без известий о господине Леире. Я не тревожился, но мое спокойствие вскоре было нарушено. Подобно громовому удару, разразилась катастрофа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Двадцать четвертого марта, утром, Дюрье прибежал за мной: его ученик был серьезно ранен. Предполагалось, что он пытался лишить себя жизни. Взволнованный до крайности, в туфлях и рабочей куртке, я вскочил в извозничью карету, захватив хирургический набор и перевязочный материал. Когда я пришел к Леиру, то увидел его мать, рыдавшую на коленях у его постели: молодой человек был бледен, как воск; простыни и его рубашка были залиты кровью, которая текла из широкой раны, зиявшей на груди. Он был без сознания.

Дюрье распорядился вскипятить воду, принести перекиси водорода, словом — все приготовить для подачи первой помощи. Дрожа, я обмыл рану. Она находилась на уровне левой подключичной впадины, в месте, особенно опасном по причине проходящих здесь больших сосудов: подключичных артерии и вены. Я установил, что рана была нанесена кинжалом или ножом; она была косая: изнутри наружу и снизу вверх. Я увидел, что она была не сквозная; лезвие скользнуло по грудинно-ключичному апоневрозу и попортило только фасцию поверхностного мускула большой грудной мышцы. Открывшееся сильное кровотечение, на мой взгляд, произошло от рассечения нескольких ветвей подкрыльцовой артерии. Я тотчас же успокоил госпозу Леир и Дюрье; рана, казалось, не угрожала жизни молодого человека. Для большей верности я пригласил профессора Вильнева, одного из наших знаменитых хирургов; он подтвердил мой диагноз.

— Кто ранил этого молодого человека? — спросил он.

— Он сам, без сомнения, — ответил я.

— Этого не может быть, — возразил Вильнев. — Если бы удар был нанесен собственной рукой больного, рана не могла бы иметь такого косвенного, восходящего наружу направления, какое мы видим. Этот удар был нанесен другим лицом. Тот, кто ударил, стоял перед раненым, несколько направо.

— Это невозможно, доктор, — ответила госпожа Леир. — Мой сын вчера вечером лег в девять часов; он не выходил из комнаты; никто не входил в квартиру, которую я

сама заботливо заперла. Сегодня утром, когда я отперла служанке, засовы еще были задвинуты изнутри.

— Я могу сказать только одно, сударыня, — заметил Вильнев, — раненый не сам себя ударил.

Я понимал рассуждение Вильнева. Оно было вполне правильным. Если бы Леир ранил себя сам, направление раны было бы перпендикулярное или косое снаружи внутрь и сверху вниз; вряд ли можно было предположить, чтобы раненый заранее и преднамеренно изучил движение, нужное для симуляции раны, полученной от руки другого.

— Где нож? — спросил Вильнев.

— Его не нашли, — ответила госпожа Леир.

— Странно! — заметил хирург, перевязывая Леира во время разговора. — Пошлите за литром сыворотки, Эрто; а пока я вбрызну ему эфира и кофеина.

Через полчаса инъекция была произведена. Леир открыл глаза, но не выказывал признаков сознания. Напрасно Вильнев его спрашивал; он не мог добиться ответа. Раненый находился в состоянии полного и ничем не объяснимого помрачения рассудка.

— Я встречал такой глубокий шок только при больших травмах, — сказал хирург. — Надо подождать, пока Леир будет в состоянии сообщить нам о случившемся. Старайтесь не утомлять его, — сказал он госпоже Леир.

Мы ушли; раненый остался под присмотром матери и сиделки. Вильнев еще раз успокоил нас: чересчур обильное кровотечение и упорная умственная атония были единственными тревожными симптомами.

— Меня удивляет наличность такой потери крови, — сказал он. — Рассеченные сосуды — довольно малого калибра и обыкновенно закрываются сами. У господина же Леира вовсе не образовалось сгустков: очевидно, кровь долгое время не свертывалась. Не гемофил ли этот молодой человек?

— Нет, — сказал Дюрье, — ему нередко приходилось делать себе порезы, и количество вытекавшей крови было нормально.

— Любопытная вещь! Это кровотечение меня немного смущает. Я нахожу также, что состояние шока, в котором мы видели раненого, гораздо тяжелее, чем полагается по кровотечению и ране. Ну, все это, конечно, выяснится! Но какой черт его ранил? Если мать не ошибается, он пришел домой уже раненым; однако, и этого допустить невозможно, потому что повсюду остались бы следы крови. Надо думать, что убийца пробрался в комнату Леира без ведома его матери. Может быть, какая-нибудь ревнивая любовница?

— Нет, — сказал Дюрье, — у Леира не было любовниц.

— Как вы можете знать, дружище? — заметил хирург, уже потерявший счет своим любовным приключениям. — Женщины, когда ревнуют, являются воплощенными дьяволами!

В то время, как мы собирались уйти, кто-то позвонил. Минуту спустя горничная вернулась со смущенным видом:

— Господин Дюрье, — сказала она, — это — полицейский комиссар.

— Недоставало еще этого! Вильнев и вы, Эрто, оставайтесь; не оставляйте меня одного с комиссаром.

Последний скоро вошел. Это был человек лет пятидесяти, с манерами офицера в штатском. Его сопровождали два надзирателя.

— Извините меня за посещение, господа, — сказал он, — но весь квартал в волнении. Говорят, что господин Леир убит или сам лишил себя жизни. Как в том, так и в другом случае я должен приступить к дознанию.

Вильнев взял на себя сообщить комиссару все, что мы знали; Дюрье и я подтвердили рассказ хирурга. Были допрошены госпожа Леир и экономка.

— Ну, господин комиссар, что вы думаете обо всем этом? — спросил мой коллега.

— Я вам отвечу после, господин профессор, когда осмотрю комнату больного. Не можете ли вы перенести его на постель матери?

— Это можно сделать, — ответил хирург.

— Разрешите, сударыня, — прибавил комиссар полиции, — произвести осмотр вашей квартиры?

— Охотно, милостивый государь.

Комиссар полиции, с помощью двух надзирателей, тщательно осмотрел скромную квартиру, состоящую из двух спален, кабинета, столовой, кухни и маленькой темной комнатки. Не нашлось никакого следа взлома; задвижки были задвинуты и отодвинуты госпожой Леир. Служанка заметила их характерный шум. Окна все были заперты накануне, с вечера; кроме того, квартира находилась во втором этаже и было бы очень трудно проникнуть в нее через окно. Наконец, орудия, которым была нанесена рана, не нашлось нигде.

Комиссар был видимо смущен.

— Ну, — сказал ему Вильнев, — каково теперь ваше мнение?

— Покушение на самоубийство. Оружие должно быть в выгребной яме.

— Невероятно, — заметил хирург. — Леир не сам себе нанес удар кинжалом.

— Между тем, осмотр показал, что никто не входил в квартиру... Неужели подозревать госпожу Леир?

— Это совершенно недопустимо! — вскричал Дюрье.

— Я думаю так же, как и вы, — сказал комиссар. — Донесу об этом суду. Это дело темное, очень темное, — повторил он, уходя.

Немного погодя Вильнев, которому в этот день предстояла операция в госпитале, покинул нас, обещав вернуться.

Дюрье был задумчив.

— Надо постараться, чтобы суд не сунул нос в это дело, — сказал он.

— Я съезжу к прокурору республики, — ответил я. — Надо будет представить дело, как необъяснимое происшествие. Да ему и нельзя придать другой окраски. Полиция произвела вещественный осмотр. Нет никакой крайности действовать судебным порядком.

— Таково и мое мнение.

Мы вернулись к Леиру; он заснул, и, считая наше присутствие бесполезным, мы ушли. В этот день я был более

рассеян, чем обыкновенно. Мысли мои не могли оторваться от задачи, поставленной моему любопытству странным событием, происшедшим этой ночью. Несмотря на доверие к знаниям Вильнева, я верил в попытку самоубийства. В отчаянии от разлуки с m-lle Франшар, Леир пытался лишить себя жизни. Однако, это удивляло меня. Зачем он ждал неделю? Такой акт безнадёжности был бы более объясним в день свадьбы Люси Франшар; а он в тот день, напротив, казался полным решимости и энергии.

Я ничего не понимал в трагическом происшествии, жертвой которого был молодой человек. Причины были так же необъяснимы, как и обстоятельства, при которых оно произошло.

После завтрака я вернулся к Леиру. Он еще спал. Это было хорошим предзнаменованием. У него не было лихорадки. Я вернулся домой, все еще охваченный той же самой мыслью; от нее у меня трещала голова. Время после полудня тянулось медленно: мне казалось, что оно никогда не кончится. В пять часов меня позвали к телефону. Со мной была соединена Лангонская станция.

— Доктор Эрто? — сказал женский голос.

— Он самый, сударыня.

— Это вы, господин Эрто? Вы лично?

— Да, сударыня.

— Я — баронесса Франшар. Имею сказать вам нечто важное.

— Я вас слушаю.

— Мы получили сейчас телеграмму из Гранады; она гласит следующее: «По важным причинам принуждены вернуться. Ждите письма».

— Это все?

— Да.

— Странно. Представьте, сегодня утром Леир был найден в своей постели тяжело раненым.

— Невероятно!

— Да, да...

— Его положение серьезно?

— Рана серьезная, но не смертельная. Обстоятельства, при которых это событие произошло, непонятны. Скажите священнику, чтобы повидался со мной.

— Хорошо. До свидания, господин Эрто.

— Прощайте, сударыня.

Что за новое осложнение? — спрашивал я себя, кладя трубку. Я сел на привычное место: в кресло к камину, и закурил папиросу. Папироса — любимый товарищ моих грез. Врач во мне жестоко осуждает мыслителя, потому что последний курит без меры.

Что там неладно? — говорил я себе, следя глазами за колеблющейся спиралью голубого дыма. Очевидно, между супругами возникло несогласие. Ни какое-либо приключение, ни болезнь не послужили бы важным мотивом для возвращения; они не могли бы ехать, если бы один из них был опасно болен или ранен. Ранен? Эта мысль вызвала во мне воспоминание о Леире. Помимо своей воли я ставил эту рану в связь с важными мотивами возвращения четы Делиль, хотя не мог найти тому разумного основания.

Пока я размышлял, опять произошло раздвоение, которое я так часто наблюдал в своей духовной жизни. «Связь! — говорил во мне метафизик. — Мы найдем ее, я в этом уверен. Случайности не существует. Когда важные события случаются внезапно в жизни двух существ, психически находящихся в согласии, как господин Леир и m-lle Франшар, между этими событиями существует связь...»

— Но какая? какая же? какая? — сказал я громко, с шумом подымаясь с кресла. Усталый от бесполезного ломания головы, я вышел из дому, чтобы навестить больного.

Он проснулся, но был в том же оцепенении; равнодушный ко всему, происходившему вокруг, он, казалось, ничего не видел и не слышал.

Это состояние беспокоило госпожу Леир, которой уже представлялось, что сын ее должен сойти с ума. Мне пришлось ее успокоить, и я еще спросил об обстоятельствах, предшествовавших ужасному происшествию. Тогда я узнал, что Леир провел день, как обыкновенно, в лаборатории; он лег рано, как ложился во всю последнюю неделю. Его

наклонность засыпать рано совпала с замужеством m-lle Франшар; я подметил это сам, так как г-жа Леир не была посвящена в таинственные приключения сына. Тем не менее, добрую женщину поразила внезапная перемена в привычках молодого человека.

Последний целых два месяца как будто боялся сна; он ложился в два или три часа утра и подымался в пять-шесть. С пятнадцатого же марта все это изменилось: проведя со мной день, он опять полюбил спать. Его мать ставила это мне в заслугу.

Вечером я пришел еще раз: Леир все еще был в забытьи. Мать беспокоилась чрезвычайно и, чтобы заставить ее отдохнуть, я должен был обещать, что просижу около ее сына до двух часов утра, а в этот час уступлю ей место. Итак, я остался в комнате раненого наедине с сиделкой, которая спала своим легким профессиональным сном в кресле около кровати. Я сел за письменный стол и машинально принялся перелистывать брошюры и бумаги, которыми он был завален.

Есть моменты, когда человек самый скромный теряет сознание своего долга; на меня нашла одна из таких минут рассеянности и забвения. Волнения дня, тишина в комнате, слабо освещенной загороженной лампой, одуряющий запах эфира, который наполнял квартиру, — все это вызывало во мне такое состояние, что я не отдавал себе отчета в том, что делаю. Я пробегал поочередно памятные книжки и брошюры, не вполне понимая, что именно читаю. Впрочем, все они были полны химических и математических формул; проглядывая их, я думал о неожиданном происшествии сегодняшнего утра.

Вдруг попалась записная книжка, которая показалась мне знакомой. Где видел я этот желтый полотняный переплет? эти красные обрезы? Мое внимание пробудилось; я открыл книжку: это была та самая, в которую Леир записывал свои сны. Без колебания я принялся ее перелистывать дрожащей от волнения рукой. Найду ли я в заметках, написанных день за днем, объяснение таинственного преступления?

Первые страницы содержали рассказ о событиях, уже известных. По мере того, как я подвигался в чтении, записи становились более подробными, почерк — более сжатым. После пропуска в несколько недель, отчет возобновлялся с пятнадцатого марта. Я жадно прочел строчки, которые были написаны в день моего визита в Бализак:

«...Я очнулся в комнате Люси. Там я увидел господина Эрто и госпожу Франшар. Я приблизился к Люси; у ней была лихорадка и бред. Я положил руку на ее лоб; мало-помалу она успокоилась и заснула. Затем возникла ее Тень.

— Бедный друг, — сказала она, — зачем это нужно, чтобы я являлась для вас причиной новой печали!

— Вы можете меня от нее избавить, Люси, если хотите.

В эту минуту раздался голос господина Эрто. Он держал очень странную для него речь, втолковывая госпоже Франшар, что Провидение как бы выражает свою волю — соединить меня с Люси. Он побуждал ее противиться мужу; когда же увидел, что госпожа Франшар на это не отважится, то сказал ей пророческим тоном, что брак Люси с господином Делилем состоится, но будет непродолжителен и что упорство господина Франшара будет наказано. Это произвело сильное впечатление на мать, а также на Люси и на меня. Зачем господин Эрто говорил таким образом?!

Ко мне вернулась некоторая бодрость. Я взял Люси под руку; мы подошли к камину. Моя подруга села в свое любимое кресло. Я стал на колени перед нею и взял ее за руки, покрывая их поцелуями и умоляя ее не выходить замуж против воли. Я сказал ей, что умру, если она будет принадлежать не мне, а другому.

— Знаю, — говорил я, — что не могу вам предложить такого положения, как господин Делиль. Моя семья ничем не знаменита, и я не богат. Но я приобрету известность и деньги, если вы любите меня и согласитесь прождать меня еще два-три года. Неужели вы думаете, Люси, что нас свел один только случай? Неужели вы не верите, что моя душа была предназначена для вашей? Чем объясните вы нашу таинственную встречу, если не волею Божией?

— Дорогой друг, — ответила она нежно, — я думаю, как и вы, что Бог предназначил нас друг для друга, и в этом убеждении черпаю силу. Не требуйте от меня непокорности отцу. Чтобы оставаться достойной покровительства Святой Девы, мне надо без ропота подвергнуться всем испытаниям, которые Она пошлет мне.

— Восхищаюсь вашим спокойствием, Люси; но если бы вы любили меня так, как я вас люблю, вы заговорили бы иначе. Ах! конечно, я не побоялся бы гнева отца, жизненных невзгод и самого Бога, лишь бы завоевать вас.

Люси положила свою нежную руку на мой рот и сказала, глядя меня по голове:

— Не говорите так. Покоритесь воле Божьей.

Я встал с некоторой долей гнева и заговорил страстно, причем даже перешел на «ты»:

— Тебе легко говорить так! Твоя душа застыла в холодной тени твоей веры. Если бы в твоём сердце жила страсть, подобная моей; если бы твое желание было пламенно, как мое; если бы ты любила меня, как я тебя, — одна только смерть могла бы нас разъединить.

Она заплакала. Я подбежал к ней, устыдившись самого себя. Она усадила меня у своих ног и, положив мою голову к себе на колени, сказала мне слова, которых я не забуду никогда:

— Ты не имеешь веры, как я, и не можешь понять, почему я покоряюсь Богу. Земная жизнь представляется мне лишь подготовкой к жизни вечной, обещанной Богом Его избранным, и в той вечной жизни я особенно хочу любить тебя. Если Бог оказал бы мне милость, давши мне тебя земным супругом, я благословила бы Его благость; если он откажет мне в этом счастье, я опять благословлю Его, уверенная, что Его справедливость вознаградит нас в жизни будущей, потому что отныне я не могу быть счастливой без тебя. Но не говори никогда, что я тебя не люблю. Я тебя люблю более, чем жизнь, и Бог знает, что никакое счастье в вечности для меня немыслимо без тебя. Теперь уходи. Знай, что моя душа принадлежит тебе и что она никогда не отдастся другому, какова бы ни была участь моего тела.

Уходи и будь верен Богу и Святой Деве.

Таковы слова, которые Люси сказала мне торжественным тоном. Сердце мое переполнилось радостным волнением, но, в то же время, и отчаянием. Я не рассчитывал, подобно ей, на вечный союз за гробом и ограничивал земной жизнью шансы на счастье, которыми манила меня любовь: что для Люси было отсрочкой, мне казалось утратой, полной и невозвратной. Она меня любила, но я ее терял.

Я повиновался ей и направился домой, на этот раз — медленно; мне казалось, что я лечу над лесами, виноградниками и лугами. Я сохранил в сознании воспоминание, что вернулся к себе сквозь закрытое окно.

Я проснулся. Я гораздо несчастнее наяву, чем во сне».

На следующий день записано было лишь одно: «Относил четки г-ну Э.».

На третий день одна строчка: «Ничего не снилось в эту ночь».

Запись о пятнадцатом марта следует тотчас после этого:

«Л. вернула мне четки, которым я обязан тем, что одновременно и счастлив, и несчастлив. Я завтракал у доктора Э. Я заснул в кабинете этого прекрасного человека, который дал мне отдохнуть до семи часов.

В первый раз мне удалось перенестись к Л. днем. Я прямо очутился в ее комнате, которая была заставлена чемоданами. Я кинулся на ее постель и долго плакал: весь этот багаж означал близкий отъезд.

После ожидания, которое мне показалось очень долгим, Л. пришла вся белая, в подвенечном наряде. Горничная раздела ее и помогла надеть дорожное платье. Затем Л. отпустила служанку и, захотев отдохнуть, легла на кушетку. Я подошел к ней и прижался губами к ее губам; но она не почувствовала ни моего прикосновения, ни ласки.

Она закрыла глаза и говорила время от времени: «Какое жестокое испытание ты посылаешь мне, Боже!» Крупные слезы медленно катились из ее глаз. Я попробовал ее усыпить, положив ей на лоб свою руку: действительно, сон сошел довольно быстро. Я не видел обособления души Люси; но, заснув, моя возлюбленная как будто меня увидела,

потому что ее губы зашевелились, и я услышал следующие слова:

— Это вы, Антон? Уже давно вы не приходили. Теперь все кончено. Я не принадлежу себе более.

— Вы меня слышите, Люси? — сказал я.

— Да.

— Позвольте моей душе следовать за вашей, как бы далеко вас ни увезли?

— Моя душа — ваша, Антон.

— Куда вы едете?

— В Гранаду. Мы сядем на курьерский в Бордо.

— Вы будете останавливаться в пути?

— Нет. Я хочу ехать прямо в Гранаду.

Я услышал шаги в коридоре. Люси проснулась в ту минуту, как входил ее муж. Я никогда не видал господина Делиля. Он маленького роста, но кажется сильным и держит себя изящно. Он темный брюнет с черными волосами и усами; его глаза, также черные, сверкают под густыми бровями, сросшимися на переносице.

— Вы готовы, мой друг? — сказал он Люси. — Время ехать.

Он подошел к ней, взял ее за талию и хотел поцеловать. С быстротой молнии она отступила, причем нечаянно уронила кресло.

Господин Делиль, скрыв досаду, сказал: “Я не хотел вам сделать больно, мой друг”. Он позвонил. Явилась горничная.

— Заприте чемоданы барыни и вынесите их, пожалуйста, луйста. Мы уезжаем.

Проснувшись, Люси уже не видела меня. Она посмотрела во все стороны, надела шляпу и пальто и вышла.

Поцелуй, который пытался дать своей жене Делиль, меня раздражил до крайности. С гневом я увидел, как он усаживался около нее в карете, которую быстрой рысью повезла пара лошадей. Я без труда последовал за ними; простым усилием воли я очутился в карете. Люси плакала, еще взволнованная прощанием с родителями. Господин Делиль попробовал ее утешить.

— Ну, ну, — говорил он, — не надо так плакать. Я — не людоед, черт возьми!

Он опять хотел поцеловать Люси, но она разразилась такими сильными рыданиями, что господин Делиль отказался от своей попытки и нахмурил брови. Он ничего не сказал более и с неудовольствием отодвинулся в угол. Однако, приехав на вокзал, он попросил ее умерить выражения горя, которое было немного смешно. Люси отерла слезы и попыталась повиноваться.

Я последовал за ними в вокзальный буфет, где они пообедали или, скорее, где пообедал господин Делиль, потому что Люси ничего не хотела есть. Они пошли садиться в вагон, когда я проснулся у господина Эрто.

Таким образом, сны мои возобновились с тех пор, как четки опять у меня. О, мои ночи! Опять вы стали для меня источником радости, но сколько печали теперь примешано к ней!

16 марта.

Я провел ночь в вагоне, около Люси, которая не хотела ложиться. Господин Делиль не решился настаивать при публичке и лег на верхней лавке. Люси сидела внизу. Я сел рядом с нею. Мне кажется, что она ощущает мое постоянное присутствие. Она задремала около полуночи и увидала меня во сне.

— Антон! Антон! — сказала она мне. — Не ездите с нами.

— Я последую за тобой, Люси, и не покину тебя. Ты не имела мужества отстоять нашу любовь, но я поступлю не по-твоему. Знай, что я буду постоянно около тебя, между тобой и человеком, который называет тебя своей женой.

— Не делай этого, я тебя прошу. Ты видишь, насколько мне тяжело покоряться и как велика моя мука. Не делай мне более трудной жизнь, на которую я обречена, и не ставь меня в невозможность принести жертву, которую Бог требует от меня.

— Бог не пожалел меня, Люси!

— Молчи! Молчи!

— Что с вами, друг мой? — сказал господин Делиль, наклоняясь к жене. — Вы, кажется, разговариваете во сне! У вас был кошмар?

Люси внезапно проснулась и ничего не ответила.

— Вам нездоровится? — заметил господин Делиль.

— Я, кажется, видела дурной сон.

Люси не засыпала снова: она взяла четки и перебирала их всю ночь, шепча молитвы. Увы! Кто их слушал? Кто их услышал? Кто мог внять им?

17 марта.

Она настояла, чтобы сегодня же ехать в Гранаду: ни за что не хочет останавливаться в пути. Она так взволновалась и смутилась при мысли переночевать в гостинице, что господин Делиль не посмел принуждать ее; но настроение у него скверное.

Люси видит меня, как только засыпает. Мне кажется, что есть нечто странное в ее сне; но я не знаю, что именно.

Она сама говорит мне “ты”, когда беседует со мной. Очевидно, ее мучит мысль о моем присутствии; может быть, она позволила бы мужу поцеловать себя в щеку, если бы не боялась, что я увижу эти поцелуи.

Ночью она опять говорила со мной, но очень тихим голосом. Тем не менее, я слышал все так же отчетливо, как обыкновенно:

— Ты жесток! жесток! Оставь меня, прошу тебя! Удовольствуйся душой, которая твоя навеки, и не мешай мне быть для мужа покорной супругой, как повелевает церковь.

Кажется, я нашел средство бороться с соперником, который отнял у меня возлюбленную. Надо, чтобы Люси знала, что я всегда с ней, чтобы ей были неизвестны моменты, когда меня не бывает около нее, чтобы она всегда боялась иметь меня невидимым свидетелем своей жизни. В душе бедняжки происходит борьба между долгом и любовью. Что одержит верх?

Чувствую, что я эгоистичен и зол. Я не могу, подобно ей, отделять душу от тела, отдавать одно и отказывать в другом, считая себя верным и искренним. Мне несвойственны тонкости ее мистической казуистики: я отдал ей и тело, и душу. Мне доставляло некоторое удовольствие ее мучить.

— Будь послушной супругой, как ты хочешь; но знай, что я невидимо буду около тебя. Ты меня упрекаешь в жестокости? Что сказала бы ты, если бы была на моем месте, а я на твоём? Если бы ты меня любила и видела меня во власти другого лица? Ах! Я не знаю, для чего берегу жизнь, которая мне теперь ненавистна. На что мне твоя душа и моя собственная, если я не могу тебя иметь всю целиком! Жизнь и душа для меня безразличны, и я проклинаю твоего Бога.

— Не богохульствуй! Антон! — с ужасом перебила Люси. — Не вводи меня в грех! Но думай о твоём вечном спасении!

Господин Делиль заметил волнение своей жены.

— Что с вами, друг мой? Вы опять говорите сами с собой! — сказал он.

Люси, испугавшись, проснулась.

— Со мной ничего, — ответила она и уже не решилась заснуть. Я видел, как она старалась преодолеть сон.

18 марта.

Они устроились на даче, близ Гранады. Они еще сидели за столом, когда я очутился около Люси. Пожаловавшись на головную боль, она рано ушла спать. Господин Делиль кажется расстроенным, иногда раздраженным. Люси едва говорит; вид у нее озабоченный, взгляд беспокойный.

Я присутствовал при ее туалете; она, должно быть, угадывает мое присутствие, потому что увеличила меры предосторожности, внушенные ей скромностью. Она уже была в постели, когда господин Делиль постучался и попросил позволения войти. Люси притворилась спящей; тот по-

стучал громче и заговорил тоном повелителя; она встала, надела элегантный белый шелковый капот и отперла дверь.

Боже, какая сцена разыгралась при мне, возбудив бешенство и ненависть в моем сердце! Господин Делиль, бывший в ночном костюме, приблизился к Люси, взял ее руку и поднес к губам. Моя подруга допустила это.

— Милая Люси, — сказал он тогда, — я имею большое желание пощадить вашу щепетильность, но не делайте меня смешным. Уже третью ночь мы проводим вместе, и я играю довольно глупую роль около вас.

— Извините меня, — ответила Люси, — я разбита этим долгим путешествием. Я умираю от усталости и желания спать.

— Итак, мое присутствие вам будет неприятно?

На несчастную женщину жалко было смотреть. Она плакала и ломала себе руки. Ее молчание, ее видимое отчаяние усиливали подавляемое раздражение господина Делиля. Этот человек, манеры которого так вежливы, должен быть склонен к насилию. Всего более он боялся показаться смешным. Гордость внушила ему неудачную меру.

— Вы мне не отвечаете? Между тем, вы знаете, что я не требую от вас покорности, на которую имею право, а жду вашего сердечного расположения. Я не намерен докучать вам сверх необходимости; ложитесь и спите, если желаете, но позвольте мне лечь здесь же, в этой комнате, около вас. Я буду завтра посмешищем всей прислуги, если вы заставите меня ночевать отдельно, или если ваше странное упорство будет замечено хоть кем-нибудь.

— Ох, Боже мой, Боже мой! — закричала Люси, бросаясь на колени перед аналоем у подножья распятия из слоновой кости. — Приди ко мне на помощь! Господи, сжался надо мной!

Нетерпение господина Делиля возрастало. Он сделал несколько шагов, прошелся взад и вперед по комнате, затем остановился около аналоя и, посмотрев на Люси, которая рыдала, шепотом призывая Бога, Иисуса и Пресвятую Деву, сказал с притворной кротостью:

— Нелепо так нервничать. Встаньте, разденьтесь и ложитесь. Ночь отдыха вернет вам спокойствие, в котором вы, кажется, нуждаетесь.

Люси как будто не слыхала.

Господин Делиль подошел к ней и слегка потряс ее за плечо.

— Послушайте, Люси: кажется, уж теперь довольно. Ложитесь.

Слезы ее потекли еще обильнее. Стиснутые руки, голова, склоненная на аналой, грудь, потрясаемая рыданиями, — все выражало ужасное отчаяние. Самолюбие господина Делиля оказалось сильнее жалости.

— Вы смешны, душа моя, и навязываете мне глупую роль. Что же, мне самому укладывать вас? — сказал он после довольно долгого молчания. Я видел, что его брови нахмурились, лоб наморщился, зловещий огонек зажегся в его глазах.

— Ну! Довольно! — сказал он наконец и хотел грубо поднять молодую женщину на руки, чтобы снести ее на кровать. Люси оказала сопротивление; ее волосы рассыпались, ее пеньюар и сорочка с высоким воротом разорвались в борьбе, и белая грудь молодой девушки раскрылась в девственной красоте. Господин Делиль прильнул к ней губами. Я кинулся на него, забыв, что я — лишь невесомая тень. В то же время Люси неистово вскрикнула, и я увидел, что она упала на пол, где забилась в ужасных конвульсиях.

Стоя рядом, господин Делиль растерянно смотрел на нее.

— Славный подарочек преподнес мне отец Фюрстер! — проговорил он сквозь зубы.

После минутного колебания он поднял Люси, отнес ее на постель и позвонил горничной. Та явилась немедленно.

— Побудьте с барыней: она нездорова, — сказал он просто и ушел, выказывая притворное спокойствие.

Я наклонился над бесчувственным телом Люси и положил руку ей на лоб, чтобы ее успокоить. Затем я увидал, как мало-помалу отделилась ее душа, и передо мной предстало ее «духовное тело».

— Вы были здесь? — спросила Тень.

— Да.

Она сложила руки, подняла к небу глаза и сказала с жаром:

— Сжался надо мной, Боже!

Потом села и, как мне показалось, тихо заплакала. Я стал перед ней на колени, обнял ее за талию и молча плакал с нею, прислонившись лбом к ее коленям. Так мы пробыли до утра с тоской на сердце и в столь тесном единении, что, кажется, даже думали заодно. Я слышал ее мысли так же, как она мои; наши души сливались в общем горе.

Было семь часов утра, когда я сразу проснулся у себя в постели.

19 марта.

Я был печален и озабочен весь день. Под предлогом сильной мигрени я лег спать в 8 часов вечера и скоро заснул, положив коралловые четки на сердце.

Я очутился в комнате Люси. Она была одна, лежала на кушетке и, казалось, дремала. Я подошел и длительно поцеловал ее в лоб. Ее сон как будто стал еще глубже; она вздрогнула и сказала мне:

— Это ты?

— Да, моя возлюбленная.

Я взял ее за руки, и вскоре душа ее обособилась, тогда как тело приняло вид трупа.

— Не покидай меня, — сказал я душе Люси, — не покидай меня более.

Она обвила меня руками за шею, а голову положила ко мне на плечо; я прижал ее к себе.

Так мы пробыли некоторое время, думая заодно; потом в дверь несколько раз постучали.

— Останься со мной, — сказал я Люси, — останься, хотя бы тебя звали и трясли твоё тело. Останься!

И я крепче прижал ее к груди. Мне казалось, что сердце ее усиленно бьется: вся ее нежная оболочка дрожала.

Горничная ушла; мы слышали, как затихали ее шаги; несколько минут спустя раздались другие шаги, более решительные и звучные; после быстрого стука дверь отворилась и, нахмуренный, вошел господин Делиль. Он подошел к Люси и потряс ее, как бы стараясь разбудить.

— Не двигайся, моя возлюбленная! — тихо сказал я Те-ни. — Не двигайся! Оставайся со мной. Ты мне отдала твою душу, и я не расстанусь с ней.

Рука моя все ласковее сжимала ее талию; я прильнул губами к нежной щечке и говорил тихим голосом: вся моя душа выливалась в быстрых словах, которые я произносил.

— Оставь свое тело в летаргическом сне, который делает его неподвижным; не слушай призывов твоего похитителя, не чувствуй прикосновения его руки. Оставайся около меня, оставайся в моих объятиях, оставайся у моего сердца.

Люси дала себя убедить: голова ее тяжелее легла ко мне на грудь, руки ее теснее сомкнулись вокруг моей шеи. Между тем, господин Делиль нетерпеливо говорил своей жене:

— Проснитесь, Люси, проснитесь же... Она — как ледяная! — прибавил он, взяв ее за руку. — У нее вид мертвеца!..

Он положил руку ей на сердце.

— Однако же, сердце бьется, — сказал он.

Он еще раз попытался ее разбудить, но напрасно. Обеспокоенный, он попросил горничную сходить тотчас же за доктором.

Затем он стал большими шагами ходить по комнате, про-являя сильнейшее недовольство.

— На какой женщине я женился! — пробормотал он сквозь зубы. — Вот нелепая история!.. Говорил я отцу Фюрстеру, что Люси не любит меня и что лучше вернуть ей слово! Зачем он посоветовал мне настаивать? Какую роль играю я перед этой горничной, которая, должно быть, смеется надо мною в людской? Я стал посмешищем всей при-слуги!

Гнев его разгорался; он был бледен, губы сжаты, глаза злые. Кончилось тем, что он схватил легкий стул и, пья-

ный от бешенства, разбил его об пол, говоря:

— Глупое происшествие!

Этот грубый поступок как будто успокоил его. Он вздохнул и сел. Через четверть часа пришел доктор. Он выслушал Люси, выстукал ее, ощупал пульс и сказал по-французски:

— Это — припадок летаргии. Ее следует оставить в покое.

— Что надо делать, чтобы ее вылечить?

— Ничего — в настоящий момент. Я приду завтра; лучше ничего не делать. Не беспокойтесь.

Господин Делиль пошел обедать; горничная осталась одна около Люси; зевая, она стала читать газету.

— Зачем нам находиться здесь? — сказал я возлюбленной Тени, которая, дрожа, смотрела на происходившее. — Выйдем из этой противной комнаты!..

В первый раз наши души пошли бродить вместе, среди ночной тишины. Поселок из отелей и дачек, теснящихся вокруг Альгамбры, был пустынен, и только лампы отеля “Вашингтон Ирвинг” освещали нам дорогу.

Я скользнул к выкрашенным охрой стенам древней арабской крепости, увлекая за собою обожаемую, которая повисла у меня на шее. Мы понеслись вдоль разрушенных стен, которые спускаются к чудесному парку, украшающему узкую долину. Я стал на ноги в длинной аллее около фонтана с гербом Карла V и сел на каменную скамью, посадив возлюбленную к себе на колени. Только журчанье бьющей струи нарушало молчаливое спокойствие ночи».

Я не сразу решился заимствовать эти разговоры из тщательно составленных записок господина Леира; мне они казались малоинтересными для читателей. Однако, я переменял взгляд, когда отнесся к ним внимательнее: в них видна эволюция, медленно происходившая в уме госпожи Делиль, и эта эволюция может выяснить мотивы, руководившие молодой женщиной.

Как врач, я не могу высказаться с уверенностью о странных явлениях, наблюдавшихся в сонном состоянии у господина Леира и m-lle Франшар. Я убежден, что фактически

ки они переданы верно, так как обман по уговору между молодой девушкой и ее возлюбленным мне кажется столь невероятным, что эта невероятность для меня равна невозможности. Сверх того, этот умозрительный довод подтверждается и фактами, о которых здесь нет нужды напоминать.

Признаю, однако, что мой рассказ может, скажу даже, должен показаться совершенно невероятным всякому, кому не пришлось наблюдать аналогичных происшествий.

Но изучение записок господина Леира вызывается не только интересом к этим происшествиям; оно имеет иное значение, уясняя сложную психологию m-lle Франшар и проливая яркий свет на средства, какими ее подсознательная воля победила волю сознательную.

Для меня очевидно, что любовь молодой девушки к господину Леиру началась во втором ее состоянии. Вероятно, что в первые дни нормальная личность даже не знала о чувстве, зародившемся в сфере подсознательной. Кроме того, мысль о любви не сразу уяснилась невинному и наивному уму молодой девушки. Этим я объясняю себе ее долгое молчание относительно предполагавшегося брака. Во втором или, если угодно, сомнамбулическом состоянии, чувственность m-lle Франшар не пробуждалась, как и в первом, то есть нормальном; но чувствительность и чувство были, очевидно, сильнее. Молодая девушка увлеклась симпатией к Леиру; надо сознаться, что последний вполне может понравиться: физической красотой, порядочностью, умом и привлекательностью, какая свойственна несчастью.

Лишь когда m-lle Франшар увидела господина Леира при выходе из церкви в Бализаке, любовь, тайно развившаяся в ее сердце, вторглась в ее нормальную жизнь. Это вторжение не было явным, но обнаружилось в отвращении к браку с господином Делилем. Молодая девушка сначала прямодушно попыталась уговорить отца и даже жениха; потерпев неудачу, она и не подумала противиться родительской воле: воспитание не подготовило ее ни к чему подобному.

Итак, она выходит замуж, но в самый день брака отсылает Леиру коралловые четки. Есть ли причинная связь между этим предметом и сновидениями моего молодого

пациента? Возможно; хотя это мнимое соотношение может быть и продуктом фантазии участников. Об этом пункте я не желаю высказываться, а хочу отметить лишь одно: отсылку четок. Весьма вероятно, что этот знак внимания следует приписать второй, подсознательной личности; но это — лишь мое предположение, так как госпожа Делиль никогда не высказывалась на этот счет.

Получив четки, господин Леир начинает видеть сны. Он охвачен страстью более пылкой, чем m-lle Франшар, более исключительной, ревнивой и материальной. Девушка думает лишь о душе и, в своем отвлеченном и простодушном мистицизме, соглашается на вынужденный раздел, который притом считает неравным; свою истинную личность, то есть душу, она отдает господину Леиру; неважно, что они уже не увидятся на земле: молодая девушка мистически отдалась и уже не отступит. Земная жизнь — вещь ничтожная; она так коротка и значение ее так случайно!

Таков был образ мыслей госпожи Делиль, когда возобновились ее видения; но господин Леир сделался требовательнее, волновал ее упреками, пугал своим отчаяньем. Тогда вмешался супруг.

Следует сознаться, что вначале господин Делиль выказал более терпения, чем такта. Его намерения были лучше действий, а вторая личность новобрачной очень ловко вызывала обмороки, летаргию, нервные припадки, которые должны были сердить и удалять мужа. Господин Делиль — джентльмен; он благовоспитан и, может быть, носит платье только из Лондона; как все мужчины его круга, он немного поверхностен, немного формалист: он боится всего, что «loud», то есть крикливо, всего, что выходит из полутеней и средних тонов; наконец, он более всего страшится показаться смешным. Он не очень умен, но довольно самоуверен и тем более должен был раздражаться поведением жены, чем менее привык к сопротивлению такого рода.

Сомнамбулическая личность маневрировала так, как будто принимала в расчет характерные черты темперамента злополучного мужа. Она отклоняла всякую попытку ласки приступами слез или обмороком; она обостряла до край-

ности страх мужа перед насмешками, ставя его в комичное положение отвергнутого супруга перед всей испанской прилутой нанятой дачи.

Такова роль, которую можно разумно приписать второй личности в первые два-три дня брака; эта роль впоследствии видоизменилась под влиянием господина Леира, присутствие которого, постоянное по ночам, подозревалося ей даже днем. Нормальная личность девицы Франшар, повинаясь, может быть, самовнушению или влиянию собственной подсознательной сферы, по-видимому, опасалась всякой супружеской ласки, даже самой незначительной. Ведь господин Леир, как он и говорил, мог невидимо находиться тут! Легко понять, как сильно должна была действовать подобная мысль на впечатлительную и чувствительную натуру. Этой мысли и следует приписать саму чрезмерность нервных реакций у госпожи Делиль, которую несколько неосторожная ласка, как мы это видели, доводила до конвульсий. Господин Делиль и не подозревал об этом моральном факторе, по крайней мере, вначале; испанский врач также не знал о нем. Отсюда произошло их общее заблуждение; действительная причина припадков от них ускользала, и они могли установить только несоответствие между действием и мнимой причиной. Объяснить это можно было лишь истерией.

Дурное расположение духа господина Делиля могло лишь усилиться от такого приговора. Жена его оказалась одержимой тяжким недугом, истинную природу которого от него доселе скрывали. Задеты были не только его самолюбие и тщеславие, но, пожалуй, и более существенные интересы его будущей семьи. Каковы могут быть дети от такой неуравновешенной женщины!

Эти разнообразные чувства, может быть, чрезмерно усилили его раздражительность и щекотливость: ему и в голову не пришло так поговорить с женою, как бы следовало в качестве мужа-христианина, то есть сослаться на долг и мистическую покорность Божьей воле. Лишь пользуясь мистицизмом своей жены, господин Делиль мог иметь неко-

торые шансы овладеть ею. Он не сумел или не мог этого сделать.

Темпераменты мистические имеют странную сложность, весьма способную пленить психолога и даже просто психиатра: к самым чистым духовным порывам у них примешиваются радости, которым не чужда грубейшая чувственность, и первые часто бывают предвестниками вторых. О подобных вещах очень трудно говорить ясно; скажу только, что нередко мистическая супруга Христа вкушает с полной реальностью Его брачные ласки.

Конечно, мистическое воспитание m-lle Франшар не прошло так далеко; молодой девушке нечего было страшиться тех опасностей, на которые я указываю. Тем не менее, они существовали, потому что они нераздельны по своей природе со всякой эволюцией мистических аффектов. Одним словом, если реальности любви еще не существовали в наивной душе Люси Франшар, то в потенциальной форме они в ней таились.

Их разбудил господин Делиль; *sic vos!** Грубый поцелуй, которым он придавил грудь своей молодой жены, был для нее откровением. Дремавшая в ней чувственность содрогнулась от обиды; но Люси тут же поняла, что другие губы приласкали бы, не оскорбляя. Ревность господина Леира, которую предугадывала деликатная чистота молодой женщины, уяснилась ей со всеми своими причинами и последствиями.

И в этом-то новом чувстве она почерпнула силу сопротивляться призывам своего мужа, добровольно оставляя свое тело в глубокой летаргии: она предпочла последовать за Леиром.

Этот первый шаг ее не тревожил: ведь тело осталось там, где был муж; одна душа витала с другим, которому и отдана была эта душа. Люси была убеждена в том, что поступает честно и логично, но в то же время начинала ис-

* Полностью «*sic vos non vobis*» («Так вы не для себя»). Приписываемое Вергилию латинское изречение, подразумевающее случай, когда плоды чьих-либо трудов достаются другим (*Прим. ред.*).

пытывать вблизи Леира какой-то новый неопределенный страх.

Таково было душевное состояние молодых людей, когда сон свел их у фонтана Карла Пятого. Продолжаю по запискам господина Леира:

«В течение нескольких минут мы сидели неподвижно в том тесном духовном общении мыслей, при котором каждый читает мысли и образы, проносящиеся в уме другого. Я чувствовал приятную теплоту милого тела, легкий вес которого покоился на мне; ее мерное дыхание то сближало, то разделяло наши груди; я слышал быстрое биение сердца, которое трепетало около меня. Несмотря на то, что ночь была темная, окрестность точно купалась в голубом свете. Подобно лунному сиянию, он обливал деревья, лишенные листьев, высокие стены Альгамбры и даже травы, которые трепетали от струйки воды, бежавшей вдоль края аллеи.

Я смотрел на прелестное лицо, столь близкое к моим губам. Глаза Люси были закрыты и я ощущал в ее душе движения, возмущавшие ее обычную ясность. И сам я не был нечувствителен к шепоту внутренних голосов, тем более настоятельных, что тишина теплой ночи как бы вторила им. Воспоминание о грубом поцелуе воскресло в моем уме, вызывая образ нежной груди, которую мне показала разорванная одежда Люси. Мое сердце забилось быстрее, я почувствовал сжатие в горле и задрожал, точно от внезапного холода; голова у меня закружилась, и точно посторонняя сила пригнула мое лицо к лицу Люси, так что мои губы прильнули к ее губам. Ее руки крепче обняли меня и дыхание наше слилось в долгом поцелуе. Все вертелось вокруг меня; мне представлялось, будто я лечу в пространстве, когда Люси внезапно высвободилась и встала; она быстро пошла по аллее, которая круто заворачивала в сторону. Я догнал мою милую, но она тихонько отстранила меня рукой.

— Не подходи, друг мой. Мое сердце слишком слабо для таких сильных радостей, и я не принадлежу себе.

— Разве твоя душа — не моя?

— Да, она отдана тебе; но в этом последнем поцелуе участвовала не одна душа.

Она прислонилась к стене, окаймлявшей дорогу, и заплакала. Я подошел, она сделала еще движение рукой, как бы желая удержать меня на расстоянии; по привычке призывая Богородицу, она молилась тихим голосом:

— Пресвятая Дева, Матерь Божия! Защити нас от нас самих!

Я не стал ее тревожить; Люси скоро успокоилась и сказала мне:

— Позволь мне вернуться к мужу. Я не должна оставаться с тобой: я чувствую, что поступаю дурно.

— О! Люси! — ответил я ей. — Так-то ты покоряешься таинственной воле, соединившей нас?! Разве не душа твоя со мной? Разве тело твое не осталось на кровати? Ты сдержала обещание, данное отцу, должна сдержать и то, которое дано мне и Божьей Матери. Неужели ты думаешь, что ее беспредельная благодать могла одобрить жестокость твоего отца? Неужели ты думаешь, что Она осуждает радости, доступные нашему духу? Неужели полагаешь, что Бог радуется нашим бесполезным страданиям? Какое же представление имеешь ты о Его правосудии и благодати? Будь уверена, Люси, что для этого доброго Отца каждая из наших слез является источником страдания. Любовь есть атрибут Его Божественности, и для Бога любви поцелуи являются молитвами.

— Что делать? О, Боже! Укажи мне Твою святую волю! Укажи долг моей смущенной душе: она ему подчинится с радостью, даже если будет разбита.

— Не богохульствуй, моя возлюбленная. Твой Бог не может принять такую жертву. Будь уверена, что нашим чудесным соединением и нашей таинственной жизнью мы обязаны Его всемогущей благодати. Он видит чистоту наших сердец и, вероятно, улыбается, глядя на нашу любовь.

Я чувствовал, что Люси в глубине души думала так же, как я. Подчеркивая явное вмешательство Пресвятой Девы, я попытался умиротворить смущенную душу моей подруги. Люси пошла далее, но не захотела опереться на мою

руку, которую я предложил ей. Очевидно, она боялась уступить моим ласкам и искала такого предмета для разговора, который отвлек бы наши мысли от любви.

— Посмотри на эту башню, — сказала она, указывая на ворота Правосудия, к которым мы пришли. — Посмотри на эту красивую арку в виде подковы, которая окаймляет вход. Видишь эту руку, высеченную на верхнем камне? Предполагалось, что она магической силой отвратит дурной глаз и защитит против неудачи. Но она не защитила неверных от воинства Христа.

— Посмотри в свою очередь, — сказал я ей, увлекая ее в ворота и показывая ей статую Богоматери над внутренней дверью, — посмотри на это улыбающееся лицо, которое ты хорошо знаешь. Твоя молитва услышана: сама Богоматерь улыбается тебе и говорит: “Дай себя любить тому, кого я выбрала для тебя!”

Моя выдумка оказалась удачной. Люси, в которой происходила борьба целомудрия с любовью, сомнения с мистическим легковерием, была взволнована моими словами. Она остановилась, тихо произнесла короткую молитву и подала мне руку. Мы продолжали прогулку по направлению к Винной Башне с эмалированными аркадами и вышли ко дворцу Карла Пятого, великолепному зданию, которое было разрушено еще неоконченным. Он символизирует бесилие разрушителей. Великолепный зимний дворец гранадских султанов был снесен для постройки христианского дворца, который не окончен до сих пор и стоит мрачный, как могила.

Помимо стен и дверей, мы проникли в развалины. Миновав круглый двор, украшенный двойной колоннадой, мы вошли в мавританский дворец, залитый призрачным светом. Мы медленно обошли Двор Мирт, полюбовались на воду, дремлющую в своем мраморном бассейне и, наконец, пришли во Двор Львов, который окружают тонкие алебастровые колонны с кружевными аркадами. Мы сели рядом на ступеньку и стали рассматривать чудесное произведение арабской архитектуры.

Мы находились в павильоне, который служит входом в зал Правосудия; перед нами расстился выстланный мрамором двор с высокими колоннами, с ажурными тимпанами своих аркад, с фонтаном, украшенным дюжиной неподвижных львов. За нами тянулась зала с узорным потолком, купола которого казались сталактитами из лазури, киновари и золота. Изыщные арки разделяли среднюю часть, точно входы в гроты, где все цвета радуги играли огнями.

— Какая прелесть! — сказала Люси. — Какое нежное и тонкое искусство! Сколько изящества и грации сумела развить эта умиравшая цивилизация! Она увяла, как сверкающая орхидея, во всем блеске своей бесплодной красоты!

— Нет, моя возлюбленная, она не была бесплодной. Ничто не бесплодно здесь, на земле, и всякая вещь имеет скрытое значение и свою сокровенную важность. Даже если бы нам осталось от нее только это дивное здание, то и тогда цивилизация Гранады не была бы бесплодной; но есть другие доказательства ее плодovitости. Она породила целую героическую литературу, которая воспевае любовь, самоотверженность и мужество. Тени Абенсеррагов, без сомнения, еще блуждают здесь.

Подал ли я этими словами повод к галлюцинации или магически вызвал прошлое? Я почувствовал, как вздрогнула и прижалась ко мне Люси; затем новые картины представились нашим удивленным взорам. Мрамор двора стал более ярким, вода начала бить ключом из фонтана и течь из пастей мраморных львов; тяжелые ковры растянулись по плитам пола, расшитые шелковые драпировки повисли в арках, и вокруг нас появились женские фигуры, полулежа на подушках пестрых цветов; потом человек высокого роста, со смуглым лицом и длинной черной бородой, задрапированный в белый бурнус, подошел в сопровождении вооруженных евнухов. Он прошел в залу мимо нас, не заметив нашего присутствия, и лег на кучу подушек; молодые женщины столпились вокруг него; рабыни, замечательно красивые, принесли напитки и фрукты на золотых подносах, а одно восхитительное создание, в пышных шароварах, открывавших босые ноги и икры, и в курточке,

полуприкрывавшей грудь и талию, взяло лютню и запело.

Ее песня была чрезвычайно оригинальна. Это была какая-то гортанная мелодия, очень грустная и страстная; заключительные ноты каждой музыкальной фразы растягивались в нескончаемую модуляцию, позволявшую певице показать гибкость и звучность своего голоса; мужчина слушал ее, улыбаясь и качая головою в такт пению.

Когда песня кончилась, он поманил девушку к себе и дал ей из собственной чашки, как мне показалось, шербета. Затем он взял ее на колени и покрыл страстными поцелуями ее белокурые волосы, голубые глаза, щеки и белую грудь.

— Уйдем, — тихо сказала мне Люси, — мне страшно среди этих теней, подобных нам.

Я не удерживал ее. Мы быстро пронизали стены и очутились в галерее, по которой дошли до бельведера, откуда открывался вид на глубокую долину у подножия высоких стен. Перед нами, с другой стороны потока, высился обнаженный склон, усеянный домами, высеченными в утесе.

Я облокотился на каменные перила и привлек к себе Люси; она не сопротивлялась, все еще дрожа; глаза ее затуманились, а губы сами потянулись к моим.

Мое сердце показалось мне тесным для радости, наполнившей его.

20 марта.

Я опять проснулся рано в комнате Люси; она вернулась с катанья и казалась печальной и озабоченной.

Около половины девятого господин Делиль спросил ее, будет ли она с ним обедать; она меня не видала, но, конечно, чувствовала мое присутствие.

Около половины десятого она вернулась в свою комнату. Господин Делиль вошел за ней; он старался быть любезным и, неудачно попытавшись заинтересовать ее, встал в несколько испорченном расположении духа.

— У вас озабоченный вид? Что с вами? Если вы нездоровы, я опять пошлю за доктором.

Люси поблагодарила, пожаловалась на головную боль и заявила, что хочет лечь спать. Господин Делиль позволил горничной; я приблизился к моей подруге, положил руку на ее лоб; она очень скоро заснула, и тотчас Тень ее была около меня.

Господин Делиль стоял, опершись лбом об оконную раму, и сухо выстукивал охотничью арию по стеклу. Горничная постучала и вошла по его приглашению.

— Барыня нездорова и желает отдохнуть, — сказал он.

Горничная подошла к Люси.

— Барыня в обмороке! — вскрикнула она.

Господин Делиль приблизился к Люси, взял ее руку и выпустил вновь, пожав плечами.

— Осторожно перенесите ее на кровать и больше не тревожьте!

Затем он вышел.

Тогда я увел Тень под открытое небо. На косогоре за холмом Альгамбры видны были сады, расположенные террасами, и белые стены. Скользнув по воздуху, мы достигли подножья узкой лестницы, которая вела под свод апельсиновых, лимонных и миртовых деревьев.

— Это Генералиф, — сказала мне Люси.

Мы вошли в сад, где в двух широких каналах текла вода. Большой кипарис возвышался в одном из углов сада. Люси, которая знала Гранаду, явно старалась направлять разговор на безразличные предметы; но беседа все сводилась к тому единственному, что занимало наши мысли.

— Под этим кипарисом, — сказала она, указывая на полувывсохшее дерево, — любимая султанша короля Боабдила была застигнута в тот миг, когда увенчивала розами Абен-серрага Ахмета. Это привело к избиению всех рыцарей, принадлежавших к этой могущественной семье: их кровь окрасила залу, где они были убиты.

— Ахмету не о чем было жалеть умирая, если он умер любимым, — ответил я; и я с воодушевлением прибавил:

— Люси, любовь есть одно из величайших чудес Божиих; она преподавала людям основы всех добродетелей; она ведет к доброте и самоотвержению. Не всякая любовь идет от

Бога, я знаю; каждое дело Божье имеет свое отражение в деле дьявольском. Но будь уверена, что бескорыстная любовь истекает от нашего небесного Отца. Я говорю о той любви, которая заставляет нас предпочитать любимое существо нам самим и побуждает нас с радостью принести ему в жертву наше собственное счастье. Будь уверена, что ангелы раскрывают объятия тем, которые погибают ради любви, так как это — жертвы, избранные Богом. Твой Абенсерраг, хотя и был неверным, наверно, сел у ног Аллаха рядом с той, кого любил.

— Не говори этого! Антон! Любовь земная только подделка любви божественной. Последняя чужда всякого грешного желания, первая же им питается.

— Нет, моя дорогая, желание, которое Бог вложил в наши сердца, не грешно, потому что им Он обусловил материнство. Преступление же состоит в согласии на материнство без любви. Это есть поругание храма любви. Подумай о мистическом значении Троицы, из которой состоит семья, то есть отец, мать и дитя; она есть символ Троицы божественной, которой ты поклоняешься. Не любовь ли соединяет Отца с Сыном и Святым Духом? Постигаешь ли ты их божественное бытие без любви и представляешь ли ты себе их образ без этой существенной связи? Между тем, Люси, что сделала ты? Я думаю, что твое пассивное повиновение отцу было важным проступком, все равно как если бы ты по его приказу отреклась от своей веры. Разве ты не чувствуешь, как благодетельна та сила, которая толкает нас друг к другу? Неужели ты думаешь, что наши чистые сердца могли стать подвластными прихотям злобного демона? Скажи мне, Люси, не ощущаешь ли ты, как и я, неодолимого влияния воли Божией?

Она замолчала; грудь ее ускоренно дышала: я чувствовал в ней смятение мыслей, робость пробуждавшейся чувственности. Тучи, помрачавшие ей душу, как бы рассеялись, точно легкие туманы над сырыми лугами, разгоняемые лучами восходящего солнца.

Я тихонько привел ее под вековой кипарис и там, обвив сильной рукой ее тонкую талию, долго целовал ее в ямку у

горла. Она страстно отвечала на мои объятия.

Так мы стояли, прильнув губами к губам, с бьющимся сердцем, в том общении наших мыслей, которое само по себе уже дает божественную радость, и часы летели, как секунды».

Здесь прекращаю выписки. Остальное в том же роде; из чтения видно, что Люси мало-помалу привыкла к пыльным проявлениям любви молодого Леира; но ласки их не шли далее поцелуев.

Между тем как его жена во сне проводила время со своим бестелесным поклонником, господин Делиль продолжает высказывать недовольство, а затем — тревогу. Жена его каждую ночь принимает вид трупа, а доктор, приглашенный на консультацию, определил тяжелую форму истерии. Господин Делиль слишком хорошо воспитан, чтобы делать скандалы. Он более не изъявляет желания оставаться с женой, а вместо того играет в «бридж» с несколькими англичанами, остановившимися в соседней гостинице.

Интересно было бы узнать, что произошло в вечер 23 марта; но, к несчастью, рукопись господина Леира останавливается на 22-м. Приходилось дожидаться, чтобы к раненому вернулось сознание и чтобы сам он сообщил о событиях, непосредственно предшествовавших драме, которую я подозревал.

Мое любопытство несколько дней оставалось неудовлетворенным, потому что мой пациент приходил в себя очень медленно. В течение нескольких дней у него был жар со страшными галлюцинациями; когда жар спал, больным овладела большая слабость. Он не помнил событий, предшествовавших его ране. Расспросы мои были напрасны.

Между тем, аббат Жога захотел навестить того, кого называл поборником за Святую Деву. Он огорчился, увидев, в каком плачевном состоянии Дева покинула своего протеза. Тем не менее, старый священник не унывал.

— Вы мне сказали, господин Эрто, что раненый потерял необычайное количество крови; что он был в состоянии необъяснимого изнеможения; что одной его ране нельзя приписать всего этого.

— Совершенно верно.

— Вы прибавили, что положение раны и направление оружия не объясняются гипотезой о попытке на самоубийство?

— Да.

— Ну! — сказал аббат с важностью. — Я уверен, что тут произошло то самое, что принято называть отражением. Господин Леир получил рану в свое духовное тело, и рана отразилась на теле вещественном. Жидкое состояние крови и обильное ее истечение наблюдаются именно в этих случаях. Внезапное возвращение духовного тела в организм в момент нападения и нанесения раны объясняет состояние «шока», которое вы констатировали. Вы увидите, мой друг, что мое объяснение есть единственно возможное.

Я не думал спорить со священником; я его увел после того, как он долго благословлял раненого, призывая на него все милости, какие имеются в распоряжении Богоматери.

Эти милости, очевидно, не могли оказать заметного действия, или же предстательство аббата Жога имело мало значения, так как память вернулась к раненому весьма не скоро. Однако, наступил-таки день, когда он мог дать мне объяснения, которых я ждал с крайним нетерпением. Его рассказ не только не разъяснил тайну, а сделал ее еще непонимаемее, и меня пробирала дрожь при мысли о фантастических предположениях бализакского священника. В самом деле, вот что рассказал мне господин Леир:

Когда он вообразил себе, по обыкновению, будто проснулся в комнате госпожи Делиль, то увидел ее одетой, готовой к выходу. Время от времени она повторяла следующую фразу:

«Мой муж хочет, чтобы я поехала с ним к цыганам, которые будут плясать перед публикой».

Леир подумал, что госпожа Делиль считает его присутствующим или ждет его скорого появления и потому старается объяснить ему причину, почему она так одета.

Несколько времени спустя пришел муж, спросил жену, готова ли она и, после утвердительного ответа, увел ее. Они

сели в коляску; еще два или три ландо присоединились к ним и двинулись в сопровождении отряда полицейских. По-видимому, небезопасно бывать по вечерам без охраны в цыганском квартале Гранады.

«Я без труда последовал за экипажем, — рассказывал господин Леир, — несясь по воздуху рядом с ним и незаметно проникая сквозь вещественные препятствия, какие встречались. Мы достигли Гранады, взяли направо и поднялись к Альбайсину, вдоль Дарро. Несколько крутых улиц и плохо вымощенных подъемов вывели нас на дорогу, идущую вдоль склона, над глубокой долиной, по ту сторону которой высится черная масса Альгамбры. Экипажи остановились перед домом, вырубленным в утесе: дверь была открыта и позволяла видеть низкую, довольно ярко освещенную залу. Шесть женщин, по виду простолюдинки, уже старые и увядшие, все безобразные, были разодеты в яркие гранадские костюмы. Рядом с ними я увидел восемь или десять молодцов, с видом висельников, одетых по-андалузски: в обтяжных штанах, открытых жилетах, коротких куртках, красных галстуках и мягких широкополых шляпах. Двое из них играли на гитарах.

В глубине помещения старуха с черными и пронизательными глазами на сморщенном лице сидела и курила короткую трубку. У ее ног ютилась на корточках девочка лет двенадцати-тринадцати, очень хорошенькая, с печатью испорченности на вызывающем лице. Старуха была окружена как бы придворным штатом из женщин одного с ней возраста, но полных почтения к ней.

Иностранцев посадили на стулья вдоль стены, перед танцовщицами; зрителей оказалось человек двенадцать, в том числе три англичанки и Люси. В глубине залы разместились кучера, несколько полицейских и местных жителей. Какое-то предчувствие удержало меня в ту минуту, как я хотел войти; я отошел в тень и воображаемо сел на перила дороги над долиной. Отсюда я думал довольно хорошо увидеть все, что должно было произойти в зале.

Танцоры встали и разместились парами, тогда как гитаристы взяли несколько аккордов; начался ряд тех гра-

циозных танцев, которые для меня являются совершеннейшим видом хореографического искусства: фанданго, хотя, севильяна, малагена, хабанера и, наконец, танго; испанский танец есть истинное искусство: он символически изображает, при помощи только мимики и ритма, возникновение взаимного желания, пылкое преследование со стороны самца и вызывающее сопротивление женщины. В танцах Севера — более дикости, в плясках Юга — более грации, в хабанере — более сладострастия, в танго — более грубости; но все эти танцы превосходно изображают последовательные фазы вечного акта любви.

Может быть, я придал им смысл, которого они не имеют: впрочем, я уверен, что Люси испытывала то же впечатление, как и я; глаза ее затуманивались и принимали то смущенное выражение, какое я в них видал, когда она подставляла мне губы; ее взгляд терял прозрачность, — точно ясный, светлый напиток, который вдруг принял бы молочный вид опала!

Затем наступил род антракта: девочка, сидевшая скорчившись подле старой цыганки, встала и начала плясать одна. Ей еще не хватало умения, но быстрый темп движений и гибкая легкость поз придавали танцу необыкновенную прелесть; впрочем, не следовало смотреть на ее хорошенькое лицо, отмеченное гнусной печатью порока.

Далее предполагался концерт; в то время, как музыканты настраивали гитары, хозяин труппы, цыган в зеленом бархатном костюме и в остроконечной шляпе, украшенной разноцветными лентами, подошел к иностранцам и спросил их, не хотят ли они погадать. Один из англичан согласился: его подвели к старой цыганке, которая усадила его подле себя; остальные ведьмы отошли в сторону. Пример англичанина нашел подражателей, и иностранцы стали поочередно показывать гадалщице свои руки. Они отходили от нее, смеясь более или менее от души, но единогласно говорили, что она часто угадывает верно.

Господин Делиль и Люси не пошли вслед за остальными. Антрепренер старался их уговорить, но они отказывались; тогда один англичанин, великан с совершенно вы-

бритым лицом, изящными манерами и несколько надменным видом, сказал:

— В самом деле, господин Делиль, вам бы показать руку этой старой колдунье! Право, стоит того!

— Такие вещи меня мало интересуют, сэр Чарльз, — ответил господин Делиль.

— Честное слово, она чудесно читает по рукам! Вы теряете прекрасный случай позабавиться.

Старуха поняла смысл разговора. Она поманила господина Делиля, который, чтобы не показаться смешным, решил последовать общему примеру.

К несчастью, с ним произошло не то, что со всеми. Едва взглянув на ладонь господина Делиля, старуха не удержалась от удивленного восклицания. Она подозвала своих товарок, показала им руку, которую держала в своих, и все шумно выразили удивление. Цыганка что-то говорила своему клиенту, который сильно покраснел и принял смущенный вид. Он быстро сказал гадалке несколько слов, но она отрицательно покачала головой и ответила с необычайной живостью, глядя на Люси. Старуха настаивала на чем-то; он, очевидно, отклонял ее просьбу. Но потом, заметив, что все глаза устремлены на него, он быстро овладел собой и попросил жену в свою очередь показать руку.

Люси сначала отказалась; но старуха так усердно стала умолять ее, что, не желая быть предметом общего внимания, она поневоле уступила и подошла. Старая цыганка подала ей стул; она села и протянула левую руку, которую гадалка схватила тотчас. Она выказала чрезмерное удивление, посмотрела на Люси с некоторым благоговением и опять подозвала товарок; показывая им руку молодой женщины, она вступила с ними в громкую беседу на языке, для меня непонятном.

Роковое любопытство! Зачем я не обратил внимание на предчувствие, которое помешало мне войти в эту гнусную залу?!

Без сомнения, меня заинтересовало необъяснимое поведение цыганки, и моя тревога преодолела страх. Мне не слышно было ее слов, так как она произносила свои про-

рицания шепотом; я приблизился и услышал, как старуха говорила Люси, что она любима духом; что это — дух колдуна, который имеет власть отделять ее душу от ее тела, что этот колдун приходит к ней каждую ночь и что у него есть талисман.

Я бессознательно подошел близко и стал позади моей подруги; старуха подняла на меня глаза, сделала движение испуга и быстро встала, причем сжала кулаки, выставив вперед указательный и маленький пальцы. Направив на меня так сложенные руки, она вскричала:

— Иисус! Мария! Помилуйте нас! Он здесь! Я его вижу!

Это было чересчур для Люси, которая упала в обморок. Я сам во мгновение ока очутился на дороге. Люси перенесли в ландо, куда и положили; а затем господин Делиль вернулся в залу, между тем как цыгане выходили оттуда с шумом, стреляя из пистолетов и размахивая ножами. Я удалился и понесся в воздухе посреди долины.

Волнение улеглось; я увидел, что господин Делиль сел в экипаж и едет обратно в город. Я перегнал его, ибо очутился в комнате Люси, как только пожелал этого. Тень моей возлюбленной была уже там; она вся дрожала.

— Люси, милая Люси! — сказал я, заключая ее в объятия, — что с тобой случилось?

Тогда она мне передала то, что сказала ей цыганка и прибавила:

— Скажи мне, Антон, неужели ты сумел ко мне приблизиться при помощи колдовства? Не обмани моего доверия. Не солги мне.

— Клянусь тебе, Люси, что мне совершенно неизвестно искусство колдовать, и если я был привлечен к тебе сверхъестественным образом, то это случилось без моего ведома. Нас соединили освященные четки, и колдовала тут одна лишь Богоматерь.

— Стань на колени перед распятием и повторяй за мной молитвы.

Она подвела меня к аналою; мы оба стали на колени, и Люси, соединив свои руки с моими, прочитала «Отче наш» и «Богородицу», заставляя меня повторять. Мы перекре-

стились перед молитвой и после нее.

Это решительное испытание успокоило Люси. Если и было здесь колдовство, то оно шло не от дьявола.

— Прости, что я усомнилась в тебе, но эта ужасная женщина... Ты был там?

— Да, и слышал, что она тебе говорила.

— Что делать, Боже мой! — вздохнула Люси.

Она склонилась на аналой и погрузилась в жаркую молитву. Встала она более спокойной и подошла ко мне.

— Уповаю на Бога и Пресвятую Деву, — сказала она. — Теперь я чувствую, я знаю, что предназначена тебе навеки. Пусть мое тело поскорее вернется в землю, чтобы мне принадлежать одному тебе.

Она села и, посадив меня у ног своих, долго смотрела на меня глазами, полными жалости и нежности.

— Бедный Антон! — сказала она. — Теперь я понимаю, что ты выстрадал.

Мы услышали, что подъехал экипаж; тяжелые, неуверенные, спотыкающиеся шаги послышались на лестнице и в коридоре: несли бесчувственное тело Люси. Его положили на постель, и дамы, бывшие вместе с ней у цыган, столпились вокруг моей возлюбленной.

Приехал доктор. Все ушли, и господин Делиль остался с ним один. Врач опять осмотрел Люси и сказал:

— Все то же самое. Надо ее оставить одну; завтра, если госпожа Делиль не проснется, мы примем меры. Теперь делать нечего. До завтра, сударь.

И доктор тоже ушел, оставив господина Делиля в большой досаде.

Мы с Люси вовсе не обращали на него внимания: мы слились в таком глубоком и сладком духовном общении, что боялись двинуться, чтобы не нарушить этого состояния.

Через несколько минут постучались; вошла старая цыганка; она приблизилась к господину Делилю, передала ему что-то, чего я не мог рассмотреть, и заговорила с ним тихо, на ухо. Господин Делиль покачал головой. Старуха как будто обращалась к нему с просьбой. Он вынул из кармана бу-

мажник и дал просительнице какую-то ассигнацию.

Этот поступок удивил нас; в безотчетной тревоге, мы встали. Тут я увидел, что цыганка бросается на нас с ножом в руке; инстинктивно я загородил собой Люси. Что было потом — я уже не помню».

Рассказ господина Леира дал мне повод к таким замысловатым предположениям, что я задумчиво молчал. Я упрекал себя за то, что позволил ему говорить так долго: любопытство мое взяло верх над обязанностями врача. Что бы, насколько возможно, исправить ошибку, оставалось хоть теперь посоветовать ему молчание и отдых.

Дома я нашел письмо от аббата Жога; госпожу Делиль ждали завтра. Аббат писал, что придет ко мне, как только у него будут интересные для меня известия.

31-го марта меня посетила госпожа Франшар, выехавшая навстречу дочери. Она не могла сообщить мне никаких подробностей. Госпожа Делиль ей не писала; от новобрачных получались только краткие телеграммы: молодая женщина страдала упадком сил на почве нервного расстройства. Господин Франшар через жену просил меня быть готовым по первому зову выехать в Бализак. Я узнал от госпожи Франшар, что быстрое исполнение моего предсказания произвело впечатление на барона и что он уже начал сваливать на других ответственность за брак, к которому принудил свою дочь; так проявляется раскаяние у людей упрямых.

В самом деле, на следующее утро меня вызвали депешей в Бализак. Господин Делиль ждал на вокзале и увез меня на своем автомобиле.

Я очень удивился этому поступку; муж m-lle Франшар не мог не знать, что я пытался расстроить или отсрочить его брак. Уж не эти ли мои старания внушили ему доверие ко мне?!

Из разговора выяснилось, что так оно и было. Господин Делиль обладал умом очень ординарным, но был человек благовоспитанный и светский. Говорил он банально, но непринужденно и легко. Я подметил в нем доброту и некоторую откровенность, к которой примешивалась доля наив-

ной скрытности. Последнюю черту я приписал полученному им воспитанию, видя в ней искажение его природного характера.

Сначала он говорил обиняками: рассказал о путешествии, о своем беспокойстве за здоровье жены, о неприятности внезапного возвращения. Я у него спросил, советовался ли он в Испании с врачом; он не ответил ни да, ни нет. Он видался с врачом, но этот врач не лечил его жену, так как не внушил достаточного доверия ему, Делилю, которому хотелось бы узнать мнение парижского специалиста, однако сначала посоветовавшись со мной, так как я уже успешно пользовал госпожу Делиль. Впрочем, он сбивался в своих объяснениях и наконец, с тысячью околичностей, признался, что уже телеграфировал профессору Кенсаку в Париж, и что последний дал совет сначала показать больную мне, а приехать обещал только в том случае, если я найду это необходимым. Я ничуть не удивился, потому что Кенсак — мой старый товарищ. Я заметил, что телеграмма знаменитого невропатолога придала мне особую важность в глазах господина Делиля и постарался усилить это впечатление.

— Благоволите сообщить мне симптомы, наблюдаемые вами у госпожи Делиль, — сказал я. — Это облегчит мою задачу.

Тогда господин Делиль рассказал мне подробно все то, что я уже знал от господина Леира, тем подтвердив сведения, полученные мной от последнего. Нечего и говорить, что он умолчал о своих гневных вспышках и не проронил ни слова об инциденте с гадалщицей; но подробно описал свои первые тревоги, равнодушие жены, ее непреодолимое отвращение к малейшей ласке и ее странные разговоры с самой собой, на которых он ловил ее. Он не скрыл, что его желание воспользоваться правами супруга вызвало у жены нервный припадок, за которым последовал продолжительный обморок, очень его напугавший; что с тех пор это обморочное состояние наступает каждый вечер; что жена становится холодной, неподвижной, бескровной и принимает вид трупа.

— Вот тогда-то вы и позвали моего испанского коллегу? — спросил я с рассчитанным простодушием.

— Да, — ответил господин Делиль с некоторым замешательством.

— Что ж он сказал?

— Он предположил припадки истерии.

— Что он прописал?

— Ничего.

— Это — человек благоразумный. Но, скажите, ведь должен был приключиться припадок еще более серьезный, чтобы вы так внезапно прервали ваше путешествие? Вы пробыли в Гранаде пять или шесть дней, а госпожа Делиль была больна с первого вечера.

— Возраставшая длительность обмороков принудила меня вернуться.

Я оставил эту тему и заговорил о Гранаде; спросил его, видел ли он собор, Альгамбру, Генералиф и, наконец, Альбайсин. Получив утвердительный ответ, я спросил о впечатлениях. Видал ли он пляски андалузцев и цыган? Да. Давал ли он гадать себе по руке, как обыкновенно делают все иностранцы?

Этот вопрос, видимо, смутил господина Делиля, который просто ответил:

— Я делал, что и все.

Я не стал настаивать и не сказал более ничего. Возобновил беседу сам господин Делиль после некоторого раздумья.

— Вы в самом деле думаете, что госпожа Делиль — не истеричка? — спросил он меня. — Мой тесть уверяет, будто вы ему это говорили.

— Таково мое мнение; но если причина, вызвавшая припадки, не устранится, то может разыгаться сильнейшая истерия.

— А по вашему мнению, какова эта причина?

— Какое-нибудь длительное горе.

— Вы знали, что госпожа Делиль желала отсрочить наш брак?

— Да.

— Думаете ли вы, что этот брак был причиной ее болезни?

— Да, сударь. Простите меня, что я вам ответил так прямо; но я должен вам сказать правду, как честный человек и как врач.

Господин Делиль вздохнул.

— Будьте уверены, что если бы только мои личные интересы были поставлены на карту, я очень охотно принес бы свою любовь в жертву желаниям госпожи Делиль. К несчастью, на семьях известного ранга лежат обязательства более важные, чем желания отдельных лиц; это — священные обязанности, для которых надо быть готовым пожертвовать и богатством, и счастьем, и даже самой жизнью. Мы поговорим об этом потом, — прибавил он, — потому что уже приехали.

Меня проводили к господину Франшару, обычная торжественность которого была подернута подобающей грустью.

— Я глубоко опечален, — сказал он, — всем тем, что произошло. Может быть, я должен был поставить долг отца выше обязанностей католика и француза; однако, я не жалею, что подал моей родине пример жертвы и самоотвержения.

Напрасно я старался понять, какую выгоду могли бы извлечь религия и Франция из противоречия брачным вкусам бедной маленькой Люси Франшар; как мне раз уже сказал ее отец, постигать эти вещи могли, без сомнения, лишь лица привилегированные. Я слегка поклонился, а барон продолжал:

— Тем не менее, я был поражен нашим последним разговором и верностью вашего прогноза. Если и была сделана ошибка, чего не допускает мое сознание христианина, то она заключалась в деянии, а не в намерении. Сверх того, нет средства ее исправить; мы не можем расторгать того, что связано навеки. Одно остается нам: это — надежда на ваше искусство, руководимое божественным провидением. Умоляем вас, доктор, употребите все средства, указываемые наукой, чтобы вернуть здоровье госпоже Делиль. Мы не отступим ни перед какой жертвой, чтобы достигнуть это-

го счастливого результата; если вы считаете нужным прибегнуть к содействию ваших наиболее известных коллег, то мы готовы исполнить ваше желание.

Очевидно, тут было сильное желание пригласить профессора Кенсака. Это могло обойтись дорого, если бы Кенсак оказался в дурном расположении духа. Он не любит, чтобы его тревожили напрасно.

— Нет ничего приятнее, как выслушать мнение специалиста, — ответил я. — Кого намерены вы пригласить?

— Кого хотите, — ответил барон.

— Выбирайте сами, — ответил я. — Должен вам сказать откровенно, что болезнь вашей дочери для меня чрезвычайно ясна. Она сейчас неизлечима; предоставьте действовать времени; не торопитесь, иначе вы непоправимо повредите ее здоровью, а может быть, подвергнете опасности и саму жизнь.

Не без цели я прибавил с лукавством:

— Господин барон, уже и так шума вполне достаточно. Внезапный перерыв свадебного путешествия госпожи Делиль является предметом всех светских разговоров. Вы не избегнете злобного любопытства, с которым люди следят за каждым поступком выдающихся лиц.

Ироническая лесть должна была смягчить горечь моих слов. Господин Франшар сначала нахмурил брови, но затем сообразовал признаться, что я правильно оценил значение его семьи для общества; в заключение он предложил мне позвать профессора Кенсака.

— Я телеграфирую ему, чтобы приехал завтра, — сказал я и тотчас же составил депешу, которую отправил с нарочным.

Затем я пошел к госпоже Делиль.

Как она похудела, побледнела, спала с лица! Ее бедная, маленькая душа, полная нежности и преданности, была готова покинуть тело, где она так страдала. Ее большие карие глаза выражали немое отчаяние: она не хотела больше жить. Господин Делиль вошел со мной; в его манерах сквозила едва заметная принужденность; он, как будто, избегал взгляда своей жены. Мне представилось, что Люси пло-

хо переносит его присутствие; во всяком случае, она не обратила никакого внимания на него.

— Здравствуйте, господин Эрто, — сказала она, протягивая мне свою бескровную ручку. — Вы меня видите очень больной.

— Нет, нет, мое дорогое дитя! — ответил я ласково. — Мы вас скоро вылечим.

Осмотр не обнаружил никакого органического повреждения. У Люси была больна душа, а не тело.

Я прописал тонизирующие средства, препараты фосфора, и распростился с ней.

— Завтра я приеду с одним приятелем, — сказал я. — Не унывайте, не унывайте.

— Уже консультация! — вскрикнула печально молодая женщина. — Я серьезнее больна, чем вы говорите, господин Эрто.

— Я говорю вам правду, мое дитя. До завтра.

Я тотчас же уехал, не выдав господина Франшара. Господин Делиль опять проводил меня.

— Как нашли вы жену? — спросил он.

— Она очень больна.

— Да что же с ней такое?

— Вы это знаете не хуже меня, — сказал я с некоторой досадой.

Господин Делиль как будто оскорбился, и мы не сказали ни слова более. На прощание я проговорил:

— Прощайте, сударь. Мне вас искренне жаль: порядочному человеку очень тяжело находиться в вашем положении.

Господин Делиль крепко пожал мне руку, но ничего не ответил.

Я вернулся к себе, навещал наиболее трудных больных и побывал у господина Леира. Его состояние медленно улучшалось.

2-го апреля, утром, я пошел на вокзал к приходу скорого поезда из Парижа, чтобы встретить Кенсака. У меня был нанят автомобиль, и мы покатали в Бализак. Дорогой я сообщил ему обо всем, что произошло.

— Вы, очевидно, увлечены этим необычайным случаем, Эрто; я вижу, что эти метафизические любовники завоевали вашу симпатию. Иначе и быть не могло.

— Понятно, — ответил я, смеясь, — и мне хочется их поженить.

— Сначала надо разженить... Не думаю, чтобы такие люди пошли на развод.

— Все равно. Я попробую.

— Мудрено. Из ваших слов я заключаю, что меня опять потревожили попусту. Вы могли бы избавить меня от этого путешествия, мой дорогой друг.

— Я это знаю, мой дорогой Кенсак, но я был вынужден и, сверх того, мне необходим ваш авторитет. Диагноз легко поставить и еще легче найти лекарство. Но полезно, чтобы там услышали это из ваших уст. Вы окажете услугу моим протеже.

— Ну! Ну! Надо сначала посмотреть больную.

— Но, скажите, однако, Кенсак, с каких пор вы дружите с иезуитами?

— Я?

— Вы сами. Господин Делиль вам уже телеграфировал. Он это сделал не по собственной инициативе, а кто-нибудь указал ему на вас. Я догадываюсь, кто.

— Кто же?

— Отец Фюрстер.

— Слыхал я о нем.

— Значит, вы бываете у иезуитов?

— Бывал. Лечил недавно одного из их архиереев, и даже с блестящим успехом.

— Что же вам говорили об отце Фюрстере?

— О нем отзывались, как о человеке умном, деятельном, энергичном. Для всего юго-запада он является фактическим главой.

— Я знаю. Игру он ведет большую.

— Это — их дело. Они еще попадут в историю!

— Вероятно. Как бы то ни было, я уже начал враждебные действия и надеюсь подсадить его преподобие.

— Ну-ка, расскажите!

— Еще подожду. Я напишу вам, когда будет кончено.

— Да, это меня позабавит. Эти молодцы — какие-то бесноватые.

Так выразился Кенсак.

Затем ученый доктор весьма тщательно осведомился обо всех нервных явлениях, которыми страдала госпожа Делиль; он не стал отрицать а priori возможность того, что казалось наиболее невероятным; он сам видел в жизни слишком много необычайного, чтобы предполагать, что знает все и уже не может встретить ничего нового. Ум его слишком широк, чтобы отрицать без оснований, а прямота его суждения не позволяет ему утверждать без достоверных доказательств.

В Бализак мы приехали довольно рано. Господин Франшар и его зять, предупрежденные телеграммой, ждали нас.

Господин Франшар принял нас со всей торжественностью, которая подобает при встрече знаменитого ученого. Он выразил удовольствие видеть в своем «скромном жилище» одного из «князей науки», «этой богини, власть которой создаст, рядом с аристократией по рождению, еще аристократию таланта». Кенсак, видимо раздраженный, прервал хозяйскую речь с обычной грубоватостью и захотел тотчас осмотреть больную. Барон Франшар, смущенный перерывом своей речи, с холодным достоинством попросил зятя провести нас к госпоже Делиль.

Коллега долго осматривал ее и с напряженным вниманием выслушал у нее сердце, легкие, исследовал печень, селезенку, желудок, кишки, двигательную и чувствительную нервную систему, уяснил себе состояние всех ее органов и увидал, что госпожа Делиль была еще девицей. Окончив осмотр, он стал расспрашивать больную и заставил ее подробно рассказать все, что с ней было. Молодая женщина не решалась рассказывать при муже скорбную историю своих сновидений, но Кенсак был неумолим. Его ясный и твердый голос непреодолимо подчинял себе слабую душу Люси. Ей пришлось рассказать о своих первых снах, о своем удивлении при открытии, что они соответствуют действительности, о волнении, которое она испытала, когда при

выходе из церкви увидела господина Леира. Каждый раз, когда она запинаясь, не решаясь продолжать, Кенсак, держа ее руки, говорил повелительно:

«Ну, милое дитя, не скрывайте же ничего. Это — ваша обязанность, как больной по отношению к нам, и как жены по отношению к мужу. Ложь недостойна вас».

Чтобы добиться от нее полной исповеди, он спрашивал ее и принуждал отвечать точно; так он вырвал у нее признание в ее воображаемых прогулках с господином Леиром по Гранаде, в их ласках и даже поцелуях. Люси жестоко страдала, обнажая таким образом свою измученную душу; она плакала, но все-таки говорила, как будто подчиняясь непобедимой силе. Правда, Кенсак не сводил с нее стального взгляда своих серых глаз, и я видел, как это сильно действовало на порабощенную больную.

Господин Делиль сначала сконфузился, затем покраснел, наконец стал очень бледен; его брови нахмурились, он хотел заговорить, но Кенсак знаком остановил его. Он сделал движение, чтобы встать и выйти, но еще более выразительный знак доктора удержал его. Его супружеское самолюбие и тщеславие победителя женщин подвергались пытке. Мне было его жалко, но я начинал понимать намерения моего ученого друга и необходимость жестокой операции, производимой последним. Когда Люси рассказала нам о всех невинных прегрешениях, какие совершила во сне, Кенсак захотел узнать подробно о последних событиях в Гранаде: ведь нам было известно далеко не все. Люси рассказала о происшествии со старой цыганкой, повторяя нам то, что уже сообщил господин Леир; взглянув на руку господина Делиля, старуха заметила на ней какую-то необыкновенную черту, на основании которой сказала ему, что он женился на духе, супругом которого никогда не будет; увидав, однако, с господином Делилем молодую даму, она непременно захотела взглянуть и на ее руку. Посмотрев на нее, она подозвала товаров, указала им на некоторые черты и сказала, что даму любит колдун, который является к ней каждую ночь, благодаря талисману. Затем она объявила, что видит дух этого колдуна и встала, выказывая испуг.

Люси упала в обморок и пришла в сознание только во сне: она была вместе с господином Леиром у себя в комнате; она видела, как принесли ее тело, как его уложили, слышала слова врача, присутствовала при появлении цыганки, которая, поговорив несколько минут шепотом с господином Делилем, кинулась на нее с открытым ножом. Господин Леир встал.

Что было после того, она не помнит, но очнулась на следующее утро у себя в постели совершенно разбитая. Она выразила желание в тот же день уехать из Гранады и прямо вернуться к родителям; господин Делиль согласился на это, но постоянные обмороки молодой женщины принуждали часто останавливаться.

— Благодарю вас за рассказ, сударыня, — сказал Кенсак. — Я знаю, как он был для вас труден, но эта исповедь была необходима для начала лечения, которое вернет вам здоровье и счастье, — прибавил он, упирая на последнее слово. — Я имею в виду не вас одну, но и господина Делиля, который достоин сочувствия. Ободритесь и не поддавайтесь слабости!

Он вышел вместе со мной и попросил господина Делиля пройти с нами в гостиную, рядом. Когда мы там уселись, Кенсак заговорил:

— Я могу только подтвердить диагноз господина Эрто; но для вас, господин Делиль, выражу его определеннее, потому что знаю, сколь почтенна ваша семья, и считаю вас неспособным на дурной поступок. Ваша жена умирает от горя, и теперь вы знаете, от какого именно. Прошу прощения, что до некоторой степени заставил вас выслушать рассказ, который вынудил у госпожи Делиль в вашем присутствии. Я не признаю полумер, когда жизни и здоровью людей грозит опасность. Ваша жена вышла за вас против воли: она любит другого, и вы согласитесь со мной, что обстоятельства, при которых возникла эта любовь, слишком экстраординарны для того, чтобы оскорбить ваше самолюбие. Вы имеете дело с силами, могуществом и образом действия которых еще не изучены наукой. Из врачей никто не знает их лучше, чем господин Эрто, и то, что его позвали к

госпоже Делиль, вышло очень удачно, как для вас, так и для нее. Жена ваша отличается глубоким чувством долга, и ваша честь не подвергается никакому риску: сны не могут нанести ей ущерба. Однако, для врача эти сны имеют значение: в своем реалистическом и конкретном символизме они открывают ему причину болезни, от которой жена ваша умрет непременно, если у вас не хватит мужества спасти ей жизнь. Борьба между страстью и долгом разрушает ее организм, слишком хрупкий и чувствительный: она не создана для подобных волнений. Сердце у нее пламенное и страстное, а разум подчинен долгу: для нее жизнь возможна только при гармонии между чувством и долгом. Вы поняли меня. Еще раз прошу у вас прощения за мою жестокость к вам и к супруге вашей: я имел в виду воздействие быстрое и энергичное, так как опасность велика.

Господин Делиль выслушал доктора Кенсака, не сказав ни слова. Опершись локтями о колени, он закрыл лицо руками и провел несколько минут в размышлениях — очевидно, невеселых; потом, явно сделав над собой усилие, он ответил Кенсаку изменившимся голосом:

— Благодарю вас, доктор. Вы причинили мне страдание, но благодаря вашим объяснениям я понимаю ваши намерения. Ваши поступки вытекают из желания нам добра. Я очень ценю госпожу Делиль, но не желаю сближаться с ней против ее воли. Сверх того, я боюсь, что ее болезненное состояние не обещает мне того сильного и здорового потомства, которого я желаю. Буду откровенен так же, как и вы: имея я возможность предвидеть все последствия этого брака, я бы не женился. К несчастью, я повенчан с m-lle Франшар, она не согласится на развод, равно как и я сам. Это противоречит нашим религиозным убеждениям, а также и традициям наших семейств. Следовательно, мы зашли как бы в тупик, выхода из которого я не вижу. Будьте уверены, что если бы я мог придумать средство для прекращения такого тягостного положения, я без колебания пустил бы его в ход. Попробую поговорить обо всем этом с одним человеком, которому вполне доверяю. Он один мо-

жет мне указать подходящее решение этой задачи, если такое существует.

Все было сказано; поэтому мы встали и распростились с господином Делилем, оставив его на жертву неприятным размышлениям.

Беседа наша с господином Франшаром вышла продолжительна. Бывший прокурор был в жестоком затруднении. Он любил дочь и слишком поздно понял нелепость своего упорства; однако нельзя было надеяться, чтобы он признался в этом вслух.

Кенсак, при своем глубоком знании людей, легко подметил слабости господина Франшара; поэтому он постарался хорошенько подчеркнуть все неприятности, происшедшие от болезни госпожи Делиль: он распространился о неблагоприятных слухах, к которым непременно подаст повод болезнь молодой женщины, и о скандале, который поднимется в случае ее смерти. Словом, и над господином Франшаром он произвел болезненную операцию.

— Ну, вы не робеете, Кенсак! — сказал я ему уже на обратном пути, в автомобиле.

— Колебания здесь были неуместны. Господин Делиль — человек честный, но слабый. Барон Франшар не зол, но глуп и упрям. Сами того не сознавая, они уже совершили скверный поступок, насильно перевенчав эту девочку, которая, на самом деле, мила и интересна. Эти добрые люди потихонечку свели бы ее в могилу, если бы я сразу не открыл им глаза, так как им и в голову не приходило, что они совершают злодеяние. А знаете ли, что я сделаю теперь? Возьму с них десять тысяч франков за этот визит. Они придадут тем большее значение моим советам, чем дороже заплатят за них. Я хорошо знаю таких пациентов, Эрто. Позвольте поручить вам раздать эти деньги нуждающимся, так как я не оставляю их себе. Я знаю, что, по вашей специальности, вы сталкиваетесь с бедствиями, облегчить которые вам одному не под силу. Позвольте в этом помочь вам, и на том покончим.

Как это было похоже на Кенсака!

На другой же день я послал счет от имени моего коллеги: он настоял на необходимости этой «второй операции, болезненной, но неизбежной», как он выразился. Очень скоро я получил чек на имя доктора Кенсака, а впоследствии узнал, что высокая цифра гонорара неприятно поразила господина Франшара, но усилила его уважение к ученому Кенсака; однако, благовоспитанность его он признал безупречной.

Прошло несколько дней, в течение которых я с лихорадочной торопливостью разузнавал о политических интригах отца Фюрстера и, право, пришел к мысли, что само Провидение заинтересовано в нашем деле: так невыгодны для монаха оказались добытые мною результаты.

Однако, отсутствие известий от Делиля и от семьи Франшаров меня тревожило; с каждым днем оно становилось необъяснимее. В Бализак меня уже не звали, и я ничего не знал об участии моей молоденькой пациентки. Меня уведомил о ней господин Леир. 10-го апреля я получил от него записку с просьбой поскорее прийти по важному делу.

Я явился. Силы возвращались к моему юному другу медленно; в нем уже не замечалось той нравственной энергии и желания жить, которые являются надежными помощниками врача. Он был слаб и лишен аппетита; к счастью, раны рубцевались как следует. Войдя к нему, я был поражен его волнением. Он попросил мать оставить нас вдвоем и сказал:

— Господин Эрто, я видел Люси нынче ночью.

— Вы были в Бализаке?

— Нет; с тех пор, как ранен, я уже не вижу снов: может быть, слишком чутко сплю.

— Она приходила сюда?

— Да. Была половина двенадцатого, мать улеглась и спала. Я уверен в том, что еще не спал. Призрак Люси появился около моей кровати; очертания его были смутны; он шевелил губами, но я не слышал ни звука. Я вспомнил о средстве, к которому прибегал сам, чтобы вызывать наружу ее Тень, и попросил Люси положить руку мне на лоб. От этого я уснул, а когда пришел в сознание, то увидел

Люси, стоящую около меня, положив руку на мою голову. Увидав меня, она сказала:

— Что это с тобой, Антон? Я так беспокоюсь. Ты не приходил так долго. Ты болен?

— Я был ранен, Люси, — и все еще очень слаб; но опасного ничего нет.

— Кто тебя ранил?

— Я не знаю.

— Где твоя рана?.

Я показал ей то место, где была рана.

— Мой бедный дорогой друг, — сказала она, — нас преследует злая судьба. Я опять нахожу тебя больным и слабым. Твое отсутствие продлилось так долго, что я пришла в отчаяние! Пусть Бог простит мне: я предпочитаю, чтоб ты был со мной, хотя это преступно.

— Успокойся, моя любимая: я больше страдал от того, что не видел тебя, чем от своей раны, и твое посещение вернет мне прежнюю силу. Но ты-то сама, что теперь с тобой?

— Я также очень больна телом. По приезде я слегла, и с тех пор слабость так велика, что я все еще не могу подняться. С каждым днем чувствую себя все слабее и все больше прихожу в отчаяние. И потом, я не видала тебя так долго! Я была в смертельном ужасе. Сегодня я долго умоляла Пресвятую Деву прийти ко мне на помощь. Едва только я кончила молиться, как мне пришло в голову достать твое письмо: я сохраняла его на дне ящика, где сложены самые драгоценные сувениры моего детства и юности. Я велела принести мне этот ящик и вынула твое письмо. Признаюсь, я взяла его потихоньку и спрятала на своем сердце. Я почувствовала твое мягкое влияние, проникавшее в меня, как тонкое, нежное пламя; я заснула и пробудилась возле тебя. Прости, что я тебе это говорю, Антон, но я почти счастлива, что вижу тебя больным и раненым, так как теперь я знаю, что это было не добровольное отсутствие.

— Если бы моя воля не была в оковах, она не позволила бы моей душе покинуть твою ни на одно мгновение. Не

думай никогда, что я забываю о тебе; ты меня понимаешь, правда?

Я взял ее в свои объятия и сидел, держа ее на коленях, укачивая ее, как ребенка. Мы долго нежно разговаривали, и она передала мне такие вещи, которые сейчас надо сказать вам.

Вы навещали ее два раза, второй раз — вместе с доктором Кенсаком. После ваших посещений она на минуту успокоилась, и надежда снова вернулась к ней; а то ведь она хотела умереть; но скоро ее тревоги возобновились: вы больше не вернулись, и к ней явился новый доктор. Это — некий доктор Понтарлье. Он сказал ей, что она скоро выздоровеет, что он предпишет ей энергическое лечение, что через неделю она сможет отправиться с мужем в какую-нибудь прекрасную страну, где восстановятся ее силы. Люси кажется, что злосчастное влияние, на мгновение удаленное, снова скопляется вокруг нее. Придите к нам на помощь, господин Эрто, мы надеемся только на вас.

— Вы хорошо сделали, немедленно предупредив меня; вы хорошо знаете, что я сделаю для вас даже и невозможное. Теперь я покину вас, чтобы быстро перейти к действию.

Я побежал на телеграф и назначил Кенсаку свидание по телефону на 10 часов вечера, причем сообщил ему, что нуждаюсь в сведениях относительно доктора Понтарлье. Потом я написал аббату Жога, прося его спешно навести справки и придти ко мне на следующее утро.

Телефонное сообщение с Кенсаком мне дали, вместо просимых 10 часов, только в сорок минут одиннадцатого. Мой старый друг имел терпение дожидаться меня.

— Это вы, Кенсак? Я — Эрто.

— Это я, мой друг. Как поживает барон?

— Ничего об этом не знаю, меня больше не звали.

— Не может быть!

— Пригласили доктора Понтарлье. Кто это такой?

— Много духовной силы, много знания, но весь в руках непримиримой католической партии. Человек честный, однако доступен политическим влияниям. Охотно согласил-

ся бы стать президентом какой-нибудь светской ассоциации, возникшей из упраздненной конгрегации.

— Теперь все ясно. Я уйду.

— Сообщайте мне, как пойдет дело. Желаю вам полного успеха. Могу я вам быть полезен?

— У вас есть связи с начальством отца Фюрстера?

— Да, как я вам уже сказал.

— Скажите им, что интриги их агента открыты; если они не откажутся совершенно от своих замыслов в Базесе, я принужден буду сорвать маску с отца Фюрстера. Попросите их телеграфировать ему, чтобы он немедленно пришел ко мне.

— Я исполню ваше поручение завтра же утром.

— Спасибо, Кенсак, до свидания.

— До свидания, Эрто.

На следующее утро меня посетил аббат Жога. Бедняк был в большом смущенье. Ему удалось поговорить с госпожой Франшар, но она была очень сдержана и как будто встревожена чем-то. Барон же принял его с ледяной холодностью.

Узнал он мало. После визита Кенсака, господин Делиль уезжал на двое суток и вернулся вместе с отцом Фюрстером; они долго совещались с бароном, запершись от других, а вечером послали на вокзал за доктором, приехавшим из Парижа. Доктор этот сказал супругам Франшар и их зятю, что госпожа Делиль страдает нервной прострацией, но похвалился, что скоро поставит ее на ноги. Он выслушал историю о четках и посоветовал убрать их подальше. Их уже искали в комнате Люси, но не нашли и не решаются спросить у молодой женщины, куда она их положила.

— Господин Понтарлье рассыпался в похвалах вам и доктору Кенсаку, заявив, однако, что считает ваше мнение слишком пессимистичным; впрочем, он сделал одно замечание совершенно верное; а именно: что оба вы — неверующие и потому не знаете, какую поддержку врач может находить в вере своих больных и в их покорности воле Божией. Словом, все идет очень скверно для предначертаний Пресвятой Девы; но Ее воля все-таки восторжествует! — с убеж-

дением прибавил аббат.

Я поблагодарил аббата Жога, затем попросил, чтобы он позволил мне съездить по делу, а потом позавтракал бы со мною; он отказался не без конфуза, говоря, что ему будет некогда. Я понял, что знакомство со мной его компрометирует, и мысленно поблагодарил его за то, что он, тем не менее, отважился зайти ко мне.

Затем я вынул из моего несгораемого шкафа спрятанную там папку, велел кликнуть карету и отправился к distinguished отцу Фюрстеру. Я шел войной на моего грозного противника.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Отец Фюрстер жил в старом доме на одной из узких улиц центра. Швейцар, походивший на послушника, с подозрительным взглядом открыл мне дверь, за которой виднелась решетка, закрывавшая коридор. Мне показалось, что я в крепости или в тюрьме. Я спросил отца Фюрстера, и мне ответили, что такого в доме нет. Не теряя храбрости, я заявил швейцару, что уверен в противном, и попросил его пойти узнать и передать мою карточку, причем приписал к своей фамилии следующие кабалистические слова:

«Leipziger Bank — 12,000 марок, Harrisson and Smith — 800 фунтов стерлингов, Felipe Lopez y C-ia — 40,000 песет и т. д., и т. д.».

Швейцар взял карточку с недовольным видом, с возрастающим недоверием прочитал написанное мною, открыл мне решетку, молча закрыл ее за мной и ушел. Скоро он вернулся более быстрым шагом и попросил меня следовать за ним. Я вошел в длинный, сырой коридор, поднялся на третий этаж и вошел в комнату, скромно меблированную маленькой железной кроватью, умывальником из белого дерева и двумя стульями. Два высоких шкафа из белого дерева и хранилище для бумаг украшали комнату. В глубине ее, между двумя окнами, стоял деревянный аналой, над которым возвышалось небольшое медное распятие.

Посреди комнаты находился большой стол, покрытый массой книг и бумаг, расположенных в педантичном порядке. За этим столом сидел почтенный отец Фюрстер. При моем появлении он встал.

— Вы желали меня видеть, милостивый государь, — сказал он вежливо.

— Да, батюшка, — ответил я, пристально смотря ему в лицо.

Отец Фюрстер был человек среднего роста, худой и сухощавый. Волосы седые, короткие, подстриженные ежиком, покрывали и макушку, где обыкновенно бывает тонзура. У него был высокий лоб, прямой нос, блестящие черные глаза, узкие сжатые губы и угловатый подбородок. К этому лицу совсем не шли усы, плохо расправленные и как будто заблудившиеся на нем. На отце Фюрстере был чер-

ный сюртук, рубашка с отложным воротником и, также черные, жилет и брюки. Он, очевидно, совсем обмирщился. Вся его внешность говорила о силе ума и характера.

Мое наблюдение было сделано быстро, и в одно мгновение я смерил моего противника, говорившего мне в это время:

— Я уже более не «отец» Фюрстер: тяжелые обстоятельства, в которых мы теперь находимся, заставили меня покинуть мой орден. Будучи священником, я даже не смею больше носить рясу.

— Я прихожу к вам не как враг, по крайней мере теперь, батюшка; но от вас зависит, чтобы я им сделался. Вы слишком большая величина, чтобы даже пробовать бороться с вами хитростью, и я предпочитаю сразу объяснить цель моего посещения, рискуя показаться вам грубым. Я пришел просить вас употребить ваше влияние, чтобы добиться уничтожения брака супругов Делиль.

— Несмотря на все желание доставить вам удовольствие, милостивый государь, я не могу исполнить вашей просьбы и помочь вам своим влиянием; вы просите о деле, совершенно от меня не зависящем.

— Я выражусь точнее. Прошу вас только, будьте так любезны отвечать на мои вопросы.

— Охотно, если могу.

— Вы знаете, что меня пригласили для подачи помощи господину Леиру и мадемуазель Франшар?

— Да, милостивый государь.

— Вы знаете также, что я советовал барону Франшару не препятствовать дочери в расторжении брака, в котором она несчастна?

— Да.

— Зачем вмешались вы в это дело? Зачем пустили вы в ход ваш ум, вашу силу убеждения и ваше влияние, чтобы довести до конца проект, сделавший несчастными обоих супругов?

— Я обязан отчетом только своим начальникам.

— Хорошо. Зачем же еще недавно вы убедили господина Делиля и господина Франшара пригласить преданного

вам врача, опровергнувшего мнение, высказанное господином Кенсаком и мною?

— Я вас не понимаю, милостивый государь.

— Выразусь еще яснее. Я умоляю вас сказать мне, почему вы посоветовали отцу и мужу мадемуазель Франшар пригласить доктора Понтарлье, который, повторяю, предан вам.

— Доктор Понтарлье мне не предан.

— Возможно; скажем, что он предан вашему ордену; он — председатель того гражданского общества, которому вы фиктивно продали вашу недвижимость.

Отец Фюрстер не шевельнулся.

— Тогда я вам скажу вот что, — продолжал я. — Вам поручено подготовить реванш католиков на будущих выборах, и вы думали, что брак господина Делиля с мадемуазель Франшар обеспечил бы кандидатуру вашего бывшего ученика. Ваш расчет ловок, хотя успех все-таки не обеспечен. При посредстве различных особ вы уже раздали 12,000 франков в округе, занимающем нас. Вы передали эти деньги следующим лицам, — я назвал фамилии, — получили же вы эти 12,000 франков из банка Х., принявшего, на имя вашего швейцара, чек Лейпцигского банка от 17-го июля.

Монах слушал меня, по-видимому, не смущаясь.

— Вы поступили так же в Шаранте; я знаю имена ваших кандидатов и ваших агентов: эти последние уже получили от вас 20,000 франков по чеку Гаррисона и Смита в Лондоне. Чек был выдан на имя известного негоцианта, состоящего членом административного совета гражданского общества, ставшего на место вашей конгрегации.

Продолжая в том же тоне, я назвал бывшему монаху фамилии его кандидатов и агентов, а также и происхождение сумм, истраченных им для предвыборной агитации. Конечно, я не сказал, какой бескорыстной измене был обязан большинством моих сведений.

Не будь я так уверен в их точности, спокойствие отца Фюрстера могло бы убедить меня в противном. Он дал мне договорить, не прерывая и, когда я кончил, ограничился следующими словами:

— Я чрезвычайно удивлен всем, что вы мне рассказываете, милостивый государь, но не вижу никакой пользы в вашем сообщении. Однако, так как долг повелевает мне донести об этом моему начальству, то прошу вас дать мне на это два дня срока. Вы видите, что я не скрываю от вас моего действительного положения.

— Даю вам эти два дня, батюшка, и искренне желаю, чтобы нам не пришлось воевать друг с другом. Вот изложение дела, которое я не замедлю представить правительству, если вы меня к этому принудите.

Я откланялся и оставил ему записку, в которой точно указал движение сумм, розданных отцом Фюрстером или его союзниками, и имена их различных агентов. Это был настоящий доклад, написанный мной. Монах принял записку, не выказывая смущения, и проводил меня до решетки с самой бесстрастной вежливостью. Я не знал, достиг ли я своей цели, так как энергичный монах не обнаруживал ни волнения, ни удивления, ни тревоги.

Успех казался сомнительным; я думал, что противник мой уже сжег корабли и что ничто не может изменить его планов; поэтому я провел конец этого и весь следующий день в крайнем беспокойстве. И даже не пошел к господину Леиру, настолько я боялся, чтоб он не заметил моей тревоги и не заподозрил, что я теряю мужество.

На третий день, в восемь часов утра, мне доложили о приходе отца Фюрстера.

— Возвращаю вам, милостивый государь, записку, которую вы мне доверили, — сказал он. — Она не представляет для нас никакого интереса, но нам кажется, что лучше было бы избежать шума. Времена особенно тяжелы для нас: правительство и его слуги не внушают нам доверия. Вследствие этого, мне поручили узнать точно, чего вы от нас желаете.

— Я уже сказал вам, батюшка: уничтожения брака мадемуазель Франшар.

— Вы требуете невозможного. Христианские союзы ненарушимы.

— Следовательно, вы отказываетесь от моих условий?

— Их невозможно удовлетворить.

— Но это — единственное средство избежать заслуженного наказания, — сказал я гневно.

— Наказания, сударь? — ответил отец Фюрстер с достоинством.

— Да, милостивый государь. В чисто политических интересах, с целью обеспечить успех выборных комбинаций, вы не поколебались разбить жизнь прелестной молодой девушки, обречь на несчастье благородного человека. Позвольте вам сказать, что вы были страшно жестоки, нарушая приказания вашего Бога, принося в жертву светским преимуществам духовную жизнь моей маленькой протеже. Я не нахожу достаточно сильных слов, чтобы выразить вам, насколько скверно то, что вы сделали. Вы по своему усмотрению руководили двумя марионетками, господином Делилем и бароном Франшаром; вы говорили им о жертвах, об общественной необходимости, о религиозном долге; вы раздавили мадемуазель Франшар под тяжестью ваших лживых призывов к христианской покорности и к христианскому самоотречению, имея в виду только жалкие интересы вашего ордена. Стоят ли они человеческой жизни, милостивый государь? — сказал я, пристально глядя на него.

Отец Фюрстер сохранил свою кажущуюся бесстрастность, несмотря на резкость моей речи.

— Мы неодинаково смотрим на жизнь и ее обязанности, и я вас прощаю от всей души; ваши упреки несправедливы, но несправедливость эта невольна. Ваши представления о правах и обязанностях людей, об их радостях и страданиях, о цели их существования ограничены узостью вашего представления о самом существовании. Как большая часть ваших собратий, вы также, вероятно, заключаете жизнь человеческую в видимые границы рождения и смерти. Ваши взоры не могут открыть того, что находится вне пределов их досягаемости. Христианин же, милостивый государь, может охватить более широкие области; вера дает ему то духовное зрение, широты и совершенства которого вы не знаете. Он знает, что жизнь земная является только скоропреходящим подготовлением к жизни вечной; он знает,

что радости этого мира — только обманчивые видимости; он знает также, где находятся радости прочные и вечные. Вы странно ошибаетесь относительно тех, которые, подобно мне, отказались от видимости, чтобы стремиться к действительности. Для них все то, что заставляет страдать душу, все, что ранит сердце и умерщвляет плоть, является только очищающим испытанием. Если бы я был одним из тех молодых людей, в жестоком мучительстве которых вы меня обвиняете, я был бы очень счастлив, принося жертву, которой от меня требуют; я желал бы доказать Богу мое слепое подчинение Его воле, и сожалел бы только о том, что мне доставляет радость уже то, что я предпочитаю это жертвоприношение всему в мире.

Вы находите мои деяния скверными! Неосторожное и дерзкое суждение! Колеблетесь ли вы доставить страдание больному? Не с радостным ли чувством исполненного долга погружаете вы ланцет в его внутренности, чтобы вырезать опухоль? Временная боль, которую вы ему причиняете, имеет целью дать ему здоровье на несколько лет, то есть на несколько минут. Что такое — мучительная жизнь в сравнении с вечным блаженством? Лишь мгновение неопределенной продолжительности! Вы никогда не поймете, милостивый государь, души монаха по убеждению.

Вы обвиняете меня в том, что я принес в жертву материальным интересам духовную жизнь мадемуазель Франшар! Вы приписываете мне эгоистичные расчеты и политические страсти, на самом деле далекие от меня. Что значат для меня правительство, тирания, преследование? Неужели вы не знаете, что я с восторгом пошел бы навстречу пулям и картечи? Думаете ли вы, что мы в наших личных интересах стараемся вырвать эту несчастную страну из рук атеистов, отрицающих Бога, безбожников, вызывающих Его божественный гнев? Нет! У нас нет больше личных интересов, и самая личность наша уже не существует.

Мы — рабы Иисуса Христа. У нас уже нет ни отца, ни матери, ни семьи; нашу собственность составляют только жалкие одежды, покрывающие, но не одевающие нас; жилище наше там, куда нас пошлют наши начальники. Един-

ственные интересы, занимающие нас, это — интересы Бога, Бога и ослепленных грешников, оскорбляющих Его по неведению. Мы страстно стремимся к спасению этих несчастных и без устали трудимся, чтобы избавить их от вечных адских мучений.

— Я не верю, отче, чтобы Бог был таким, каким вы Его себе представляете. В Его правосудии, наверное, не меньше милосердия к грешникам, чем в правосудии человеческого; Он никогда не наложит вечного наказания за ошибки мимолетной жизни. Жизнь человеческая, для нас обоих, является лишь кратким путем; это — школа, возвращаться в которую суждено, может быть, бесчисленное число раз; я верю, как и вы, в будущее блаженство, но думаю, что мы должны заслужить его путем долгих стараний и усилиями.

Мне известно происхождение человека: он древнее, чем учит ваша религия. Не Бог создал его из комка глины, оживленного Его дуновением, а сам человек создает себя на глазах у Бога и в ряде последовательных существований совершенствует свою бессмертную душу и ее быстро гибнущую оболочку, тело. Успехам и неудачам души соответствуют усовершенствования ее оболочки или ее ухудшение, так как вознаграждается только стремление к лучшему; леность и самоотречение отдаляют прогресс и делают его, может быть, невозможным. Но прошлое показывает нам, каково будет будущее. Долгий путь, пройденный человечеством, которое медленно поднималось, мало-помалу развивалось, нечувствительно освобождалось от животных форм, учит, что нам предстоит еще более долгая дорога и что, может быть, через миллионы лет наши души, усовершенствованные и более развитые, сумеют устроить для себя и более совершенные тела. Таково, мой отец, убеждение, — я не говорю, вера, — данное мне изучением природы. Правда, я не уверен в нем слепо, но незыблемо знаю одно, слышите ли вы? Это то, что Верховное Существо дало нам разум, способность любить, божественный дар продолжать наше существование не для того, чтобы запретить свободно мыслить, любить, рождать.

Отец Фюрстер спокойно выслушал меня, не изменив ни на минуту своей бесстрастной холодности.

— Ваши верования неосновательны, господин Эрто, и ваша философия развлекает ваш разум, не утешая и не укрепляя вашего сердца. Чтобы объяснить необъяснимое для людей, вы придумываете какие-то последовательные воплощения. Что касается меня, то Господь, по Своей милости, создал меня верующим; я знаю, что наш Господь — Само Божество; если же я ошибся, — сказал он с едва заметной грустью, — то я погубил свою жизнь и стал собственным палачом.

Он сейчас же продолжал с прежней спокойной энергией:

— Но я не ошибаюсь. Живя в бедности, умирая в муках на кресте, подобно преступнику, Иисус показал настоящий путь тем, кто Его любит. Этот мир создан для страданий, для слез, для всего, что разрывает и давит. Страдание освящает нас: благодаря ему, мы живем, как угодно было жить нашему Спасителю.

Отец Фюрстер произнес эти слова с сосредоточенной теплотой, с убежденностью, производившей сильное впечатление. Я понимал, каково могло быть влияние этого знаменитого проповедника, когда его горячая вера растопляла лед, искусственно собранный у него на сердце, и скрытая страсть, пожиравшая это сердце, прорывалась наружу. Отец Фюрстер, видимо, был фанатик; но я должен был признать у него великое сердце, широкий ум, полнейшее личное бескорыстие. В XVI-м веке он повел бы меня на костер, может быть, со слезами, благословляя меня совершенно искренне. В XX-м — он мог защищать свои религиозные идеи только при помощи недостойных интриг.

— Мы никогда не поймем друг друга, батюшка, — сказал я ему. — Мы верим различно. Но вера у нас обоих искренняя. Позвольте мне объяснить вам, чего я желаю и что считаю возможным:

Госпожа Делиль любит и любима. Молодой человек, влюбленный в нее, отличается замечательным умом и благородным сердцем.

— Я знаю об этом, милостивый государь, и вы не можете сказать ничего хорошего о господине Леире, чего бы я сам о нем не думал, хотя он и отдалился от религии.

— Его жена вернет его к ней, и этот новый союзник будет стоять двадцати Делилей. Но позвольте мне продолжать.

Госпожа Делиль так впечатлительна и нежна, что этот брак приведет ее к смерти, если не будет расторгнут церковью. Вы знаете также, что у нее бывают странные явления экстаза.

— Да, я это, действительно, знаю.

— Позвольте мне говорить с вами так, как если бы я был католиком: думаете ли вы, что эти явления, тесно связанные с открытием освященных четок, не могут быть приписаны божественному влиянию?

— Нет, милостивый государь, я не думаю этого. Жития святых, правда, представляют многочисленные примеры раздвоения сознания; но подобные чудеса совершаются только с лицами, подготовленными к восприятию этих божественных даров Святого Духа суровым образом жизни и исключительными заслугами. Такие чрезвычайные явления, может быть, даже нельзя считать настоящими чудесами. Без сомнения, это только кажущиеся чудеса, «чудеса, согласные с природой», как учит св. Фома. Они получают характер чудес лишь вследствие нашего невежества; так, телефон кажется чудом дикарю. Факты, рассказанные вам господином Леиром и госпожой Делиль, может быть, исключительны, но не сверхъестественны. Церковь учит нас, что иллюзия легко возможна, воображение быстро работает, а чувства наши слабы, как все телесное.

Я считаю молодых людей неспособными на корыстный обман. Но они могли впасть в ошибку, не сознавая этого, и за точно установленные факты принять случайные призрачные совпадения. Даже если признать за верное, что, под влиянием особого психологического состояния, души их временно отделились от тела, что не противоречит учению церкви, мы ничем не докажем, чтобы это отделение было делом рук Божиих. Напротив, явления действительно-божественной мистики несовместимы с возмуще-

нием, беспорядком чувств и даже произвольным сопротивлением заповедям божественным и церковным. Приключения ваших протезе — совсем иного характера; мне кажется даже, что мечты и видения мадемуазель Франшар отвратили ее от послушания отцу и от радостного подчинения дочернему долгу. Если с ней, действительно, случились те явления, о которых она говорила, они не представляют ничего чудесного; объяснение их нужно искать в еще неизвестных законах природы.

— Благодарю вас за то, что вы так ясно изложили мне свою точку зрения; во многих отношениях она совпадает с моей; у меня нет больше поводов приводить вам аргументы, которые были бы необходимы, если бы вы приписывали божественное происхождение происшествиям, о которых мы говорим. Но позвольте мне предложить вам еще один вопрос.

— Я отвечу на него, если могу, милостивый государь.

— Я знаю, что церковь не признает развода, но она считает фиктивные браки недействительными; одним словом, ей принадлежит власть расторгать неправильные браки.

— Несомненно.

— Возможно ли это расторжение в тех случаях, когда брак не осуществлен?

— Каноническое право признает за Святым Отцом власть расторгать такие союзы.

— Не учит ли оно также, что согласие должно быть внутренним, то есть, что изъявление супругами согласия на брак должно соответствовать их сердечным чувствам?

— Это — доктрина многих богословов и канонистов.

— Благодарю вас, достопочтенный отец. Я намерен посоветовать госпоже Делиль и ее мужу просить о расторжении их фиктивного брака, на который мадемуазель Франшар дала только внешнее согласие. Прошу вас не противодействовать моим стараниям, и обязуюсь, взамен, уничтожить известные вам документы; сверх того, прошу вас сообщить ваше мнение господину Делилю и мадемуазель Франшар. Подумайте, что речь идет об очень почтенном поступ-

ке: я хочу восстановить здоровье больной, может быть, даже сохранить две жизни. Можете ли вы, батюшка, обещать мне ваше содействие в этих пределах?

— Я уполномочен сделать это, милостивый государь.

— Благодарю вас. Именно такого великодушия я и ждал от вас! Будьте уверены, что вы спасаете жизнь моим протеже.

— Дай Бог, милостивый государь!

И отец Фюрстер удалился.

Я добился от него только обещания соблюдать нейтралитет, но чувствовал, что ход его мыслей изменился. Он, вероятно, навел справки о моих средствах воздействия и понял опасность моего вмешательства; католическая партия рисковала неудачей, если бы ее планы слишком рано стали известны; жертва, на которую он считал своим долгом обречь Люси Франшар, становилась бесполезной; напротив, в его интересах было смягчить ее последствия, чтобы отнять у меня всякий повод к нападению. Отец Фюрстер хорошо понял, что я решил не отступить ни перед чем.

С другой стороны, у меня было известное доверие к монаху, не только потому, что в его интересах было сдержать свое слово, но и по той причине, что, как мне казалось, его душе свойственно было величие и достоинство.

Может быть, найдут, что я не сохранил сдержанность, приличествующую врачу; будут, вероятно, критиковать и средства, к которым я прибегнул. Я сам сознаю, что, по-видимому, слишком заботился о своих юных пациентах; оправданием мне может служить лишь моя уверенность в том, что их жизнь зависела от быстроты и энергичности моего вмешательства. Впрочем, у меня и не было возможности выбирать средства.

Теперь оставалось только следить за событиями; как мне казалось, они совершались страшно медленно. Я получал известия о Люси от господина Леира, ночные видения которого возобновились. Он более сдержанно рассказывал мне о своих свиданиях с Тенью; я счел возможным заключить отсюда, что разговоры их становились интимнее и нежнее; к сожалению, это раздвоенное существование име-

ло плохие результаты для Леира и его подруги; здоровье их ухудшилось, молодой человек все еще не мог встать с постели, и силы его, казалось, слабели с каждым днем. Люси, также лежавшая в постели, все более худела, бледнела, страдала малокровием, грустила и впадала, наконец, в полнейшее отчаяние.

Я узнал из письма аббата Жога, что лечение доктора Понтарлье не принесло никакой пользы; приглашенный вторично, он заявил, что, раз назначенные им средства не помогли, то не принесут пользы и другие; что у госпожи Делиль, несомненно, слишком мало нравственной энергии, необходимой для ее выздоровления, и что нужно предпochесть его помощи вмешательство врача, более знакомого с явлениями данной болезни. Он посоветовал вновь обратиться ко мне, указывая, что этого требуют обстоятельства. Безуспешно испробовав все средства своей науки, он соглашался вернуться к моему методу, принесшему больный временное облегчение.

Отец Фюрстер сдержал слово: он, так сказать, сдавал мне крепость.

Господин Франшар не сразу пригласил меня; он немного стеснялся, так как не обратил внимания ни на советы Кенсака, ни на мои; вероятно, его тревожила и моя привычка резко высказывать мое мнение; мне пришлось переждать несколько дней, прежде чем я увидел мою маленькую протезу. Вероятно, пришлось бы ждать и дальше; но господин Делиль приехал за мной на своем автомобиле: его жена лежала без сознания уже в продолжение четырнадцати часов с тем видом, который появлялся у нее во время припадков каталепсии.

Господин Делиль сильно изменился; черты его вытянулись, вид был усталый, и как только мы двинулись в путь, он заговорил со мной доверчивее обыкновенного:

— Отец Фюрстер рассказал мне о вашем посещении. Его поразило ваше беспокойство о здоровье моей жены. Он сказал мне, что, если вы не ошибаетесь, нам следовало бы, может быть, обратиться с нашим затруднением ко Святому Престолу. Он уверяет, что Папа не останется равнодуш-

ным к нашей просьбе.

— У меня есть возможность, — сказал я, — сообщить о вашем деле Святому Отцу; но это можно сделать только в том случае, если госпожа Делиль, ее отец и вы сами пожелаете просить о расторжении брака. Далее, необходимо мое честное слово, что жизнь вашей супруги в опасности. Мой друг, близко стоящий к Его Святейшеству, только тогда согласится доложить ему о вашем деле, если оно будет спешным и серьезным.

— Боюсь, что оно носит такой характер, — ответил господин Делиль, — и бесконечно сожалею о том, что подверг бедную Люси слишком тяжелому испытанию. Да и себя я мог бы избавить от необходимости играть смешную роль мужа, не будучи им.

— Существует средство заставить насмешников перейти на вашу сторону.

— Какое?

— Показать себя преданным другом вашей супруги и делать все, зависящее от вас, чтобы помочь ей. Тогда увидят, что неправильно распределили роли. Это показалось бы необычным, женщины превознесли бы вас до небес! Только подумайте: муж, видя после свадьбы отчаяние жены, не касается ее, несмотря на свою любовь к ней, для того, чтобы брак мог быть признан фиктивным, а затем сам подает прошение о расторжении этого брака. Ваша роль окажется блестящей!

— Ваша правда, — сказал господин Делиль после непродолжительного размышления. — Это — лучшее средство выйти из такой неприятности. Такое поведение будет очень корректным.

— Затем вам надо будет дать вашей супруге хорошенький повод к разводу.

— К разводу!

— Только к гражданскому, потому что римская курия признает ваш брак несостоявшимся.

— Да, вы правы.

Я не настаивал. Вследствие своей боязни показаться смешным, господин Делиль и не подумал о том единствен-

ном образе действий, который бы мог его спасти! Соображая с некоторым трудом, он теперь довольно долго старался представить себе возможные события и, я готов держать пари, высчитывал аплодисменты, которые выпадут ему на долю.

Он даже начал что-то напевать, настолько улучшилось его настроение. Я воспользовался его добрым расположением и сделал попытку узнать новые подробности о заключительной сцене сна господина Леира в ночь получения раны.

Нужно было действовать осторожно, так как господин Делиль до сих пор молчал о посещении старой хиромантки. Я предложил вопрос очень сдержанно:

— Вам покажется, может быть, нескромным, милостивый государь, если я предложу вам несколько вопросов относительно последних событий вашего пребывания в Гранаде. Если вы не найдете неудобным ответить мне, то прошу вас это сделать.

— Спрашивайте, милостивый государь.

— Знаете ли вы, что господин Леир был тяжело ранен в ночь на 23-е марта?

Господин Делиль взглянул на меня с удивлением.

— Быть не может! — воскликнул он.

— Напротив, так оно есть. Я исследовал и перевязывал его рану; он до сих пор еще не поправляется; душа его так же ранена, как и тело.

— Это в высшей степени удивительно! — сказал господин Делиль. — Вы слышали недавно, что рассказывала моя жена господину Кенсаку; может быть, вы еще помните о старой цыганке? Вот что я могу вам о ней сказать: я пригласил ее прийти вечером на виллу. Меня поразила правдивость ее речей; когда госпожу Делиль в обмороке перенесли в экипаж, я вернулся в залу и попросил цыганку сейчас же прийти ко мне для переговоров. Она обещала это сделать.

Когда она вошла в комнату, где я находился, то приблизилась ко мне и осторожно вложила в мою руку нож, шепча мне на ухо:

— Дух здесь; он сидит у ног духа вашей жены; ударьте ножом рядом со стулом, который стоит за вами.

Я отказался; она взяла у меня нож и продолжала шепотом: «Я вас освобожу от него; дайте мне двадцать дуру». Я дал их, не раздумывая долго. Тогда старуха бросилась к месту, которое мне только что указала.

В это время, милостивый государь, произошел из ряда вон выходящий случай, сначала меня чрезвычайно поразивший. Госпожа Делиль испустила ужасный крик и без сознания упала на свою постель; я бросился к ней; на левом рукаве ее платья были кровавые пятна. Старуха подошла к кровати, показала мне лезвие ножа, покрытое кровью, и сказала:

— Я, должно быть, убила или смертельно ранила его.

Очень недовольный этим происшествием, я простился с цыганкой, оставившей мне свой кинжал. Понемногу красные пятна на руке жены улетучились без следа; сам кинжал на следующее утро был по-прежнему чист. Я ничего не говорил об этом глупом приключении, так как исчезновение кровавых пятен подало мне мысль, что старая цыганка обрызгала руку моей жены и лезвие кинжала каким-нибудь составом своего приготовления, чтобы ввести меня в заблуждение. Но ваш рассказ о необъяснимой ране господина Леира вновь приводит меня в недоумение.

Я задумался о странном объяснении, данном мне аббатом Жога, о таинственных явлениях *отражения*, так часто упоминаемых в процессах колдунов. Господин Делиль, удивленный моим молчанием, спросил, что я думаю о его рассказе.

— Еще одним таинственным происшествием больше в странном приключении господина Леира и госпожи Делиль, — отвечал я. — Невольно возникает вопрос, не стоим ли мы перед явлениями, превосходящими наши знания и даже наше воображение. Говорили вы об этом случае отцу Фюрстеру?

— Да.

— Что же он сказал?

— Он задумался, так же, как и вы, и сказал мне, несколько времени спустя, что цыганка меня, должно быть, обманула; возможно, что он ничего не знал о ране господина Леира.

— Неужели баронесса Франшар не сказала вам ничего? Я телефонировал ей в тот же день, когда господина Леира так опасно ранили.

— Она не сказала ни слова.

— Нужно будет посоветоваться с бализакским священником: он хорошо знаком с такими делами, — продолжал я. — Но вернемся к первоначальному разговору. Что вы рассчитываете делать, если положение вашей супруги настолько серьезно, как я предполагаю?

— Думаю убедить ее, чтобы она не отчаивалась; скажу ей, что мы вместе будем просить о расторжении нашего церковного брака, и что найдется средство расторгнуть и гражданский союз. Я выкажу себя ее другом, готовым на всякие жертвы, чтобы вернуть ей здоровье.

— Вы правы. Это будет лучше всего.

Мы приехали. Я прошел к госпоже Делиль; госпожа Франшар находилась в комнате молодой женщины.

Состояние этой бедняжки было крайне плачевное. Чрезвычайно исхудавшая, она казалось, утратила всякую жизненность. В сознание она еще не пришла и дышала с трудом и очень медленно. Члены ее были неподвижны и холодны, как лед, пульс — едва слышен.

Что было делать? Передо мной находилась больная чрезвычайно впечатлительная, нервная, чувствительная. Я счел неосторожным вызвать резкое пробуждение при помощи обыкновенных средств, например, давления на яичники, и предпочел испробовать смешанный метод, правда, не такой верный, но, в случае неуспеха, не приносящий никакого вреда. Я начал делать поперечные пассы по лицу и по груди госпожи Делиль и слегка дул ей в глаза и на область надбрюшья. Четверть часа спустя, она стала дышать свободнее: каталептическая неподвижность исчезла; еще через десять минут она открыла глаза.

— Ах, это вы, господин Эрто? — сказала она. — Очень рада вас видеть.

— Ваш муж и друг, — прибавил я, подчеркивая это слово, — приехал за мной сегодня утром. Я думаю, что ваши испытания пришли к концу. Теперь нужно серьезно лечить вас.

— Слишком поздно, господин Эрто!

— Что за мысль?! Господин Делиль привез вам целебное средство.

— Да, дорогая Люси, — заговорил тут муж. — Я должен просить прощения у вас за то, что не пожелал вернуть вам вашего слова. Вы, наверно, простите меня, так как я не в силах был отказаться от счастья стать вашим супругом. Если бы я мог подозревать настоящее положение вещей, то будьте уверены, я первый посоветовал бы вам остаться свободной. Но еще не все потеряно. Мы, кажется, можем просить о расторжении брака. Мне горько будет потерять вас; но я так вас люблю, что всякая жертва для вашего здоровья доставит мне радость. С сегодняшнего дня я перестаю быть вашим мужем, чтобы остаться искренним и преданным другом. Мне нетрудно будет отказаться от прав, которыми я не пользовался, — прибавил он со смехом.

Госпожа Делиль протянула руку мужу.

— Благодарю вас за вашу доброту, — сказала она. — Я хорошо знаю, что вы никогда не отказали бы мне в сочувствии; но не имею права требовать от вас слишком большой жертвы. Я — ваша жена, и у меня есть обязанности по отношению к вам. Невозможно подвергать ваше имя сплетням; лучше вернуть вам свободу, покинув эту жизнь; она и так уходит от меня. Прошу у вас прощения за то, что не была вам женой, как должна была; Богу известно, что на то была моя добрая воля, но не хватило сил.

— Жертва, которую я приношу, дорогая Люси, велика, и я был бы очень нелюбезным, если бы не преувеличивал ее тягости; но она не останется без награды. Я буду другом, помогающим собственной жене вернуть себе свободу; для того, чтобы оценили эту роль, не нужно, чтобы казалось, что я себе хочу освобождения. Напротив, необходимо, чтобы я

являлся примером самоотречения и преданности; я должен потерять вас, соглашаясь на это, но с достоинством и с горестью. Так будет очень хорошо.

Позвольте мне, поэтому, выказывать вам горесть, полную самоотречения, и бескорыстную преданность; мы одни будем знать, что они до некоторой степени преувеличены. Я говорю лишь «до некоторой степени», дорогой друг, потому что нельзя отказаться от прелестной женщины без известной грусти, и, не правда ли, вы вспомните, что я терял вас с сожалением, хотя мне и доставляет большую радость спасти вас, вернуть вам здоровье и счастье?

Люси готова была расплакаться, и я счел уместным вмешаться в разговор.

— Такого решения и следовало ожидать от вашего супруга. Я разделяю его мнение; поступок, на который он решился, чрезвычайно деликатен. Он обеспечит ему сочувствие всех женщин и победы, к которым вы отнесетесь без ревности. Позвольте нам теперь узнать мнение вашего отца; мы ничего не можем предпринять без его согласия. Кажется, есть основание надеяться, что нам удастся убедить его. Все пойдет хорошо; вспомните, что я вам говорил раньше. Лечитесь и старайтесь избегать слишком частых обмороков и припадков экстаза; они вам приносят страшный вред. Я сейчас же к вам вернусь.

Госпожа Франшар вышла с нами и спросила меня о состоянии своей дочери.

— Ваша дочь скоро поправится, если господин Франшар согласится действовать разумно. В противном случае, она проживет недолго. Она умирает от горя и анемии.

— Я пойду с вами к мужу, — сказала госпожа Франшар, стискивая зубы.

Я попросил справиться, может ли барон Франшар принять меня; он тотчас пригласил нас в библиотеку, где я его уже видел. Бедняга очень постарел; как всем, придающим чрезмерное значение общественному мнению, ему было чрезвычайно неприятно, что о нем так много сплетничали соседи. Правда, ничего не знали о неудачном браке его дочери; но очень скорое возвращение новобрачных, продол-

жительная болезнь госпожи Делиль и постоянные приезды различных врачей возбудили любопытство соседей. Рассказывали о видениях госпожи Делиль, искажали их и считали молодую женщину неизлечимо помешанной. Иные даже осуждали барона за то, что он скрыл от своего будущего зятя прискорбное отсутствие умственного равновесия у Люси. Все эти сплетни дошли до барона и крайне огорчали его.

Поспешный отъезд доктора Понтарлье отнял у барона надежду, зародившуюся при первом его визите. Отказ доктора продолжать лечение грубо вернул Франшара к мрачным выводам, сделанным Кенсаком и мною; лишенный малейшего воображения, со средним умом, руководствуясь лишь узкими буржуазными предрассудками, барон Франшар был сбит с толку. Он видел лишь один исход из запутанного положения, в котором находился: смерть своей дочери, предсказанную Кенсаком. Несчастный любящий отец отчаянно страдал и дрожал при мысли о том, какие «его свет» выскажет суждения, если, действительно, произойдет несчастье.

Несмотря на свою горе и на свои опасения, он продолжал упорствовать; есть же такие люди! Они обращаются ко всевозможным средствам, чтобы исправить косвенным образом свою ошибку, но никогда не подумают о том, чтобы признать ее формально и загладить свой дурной поступок.

— Как вы находите мадемуазель Франшар? — спросил он после беглого приветствия.

— Ее состояние ухудшилось со времени моего последнего посещения, милостивый государь; теперь нужно действовать возможно скорее.

— Что же делать, Боже мой! что делать?

— Вы юрист, барон; необходимое средство исцеления должен дать закон. Слабый организм вашей дочери гибнет от горя вследствие ее замужества; необходимо уничтожить этот союз. Таково мнение господина Делиля.

— Как, господин Делиль согласен на развод!?

— Пока еще нельзя говорить о разводе. Прежде всего необходимо уничтожить церковный брак. Можно ли просить

о его расторжении?

Господин Франшар раздумывал некоторое время: ему до сих пор никто еще не указал этой возможности спасения; как большая часть мирян, он и не подозревал гибкости канонического права, брачная доктрина которого бесконечно гуманнее, чем было наше гражданское право еще лет двадцать тому назад.

— О расторжении брака? — повторил он. — Это невозможно: по каноническому праву браки нерасторжимы.

— Согласен; но нерасторжимы лишь действительные браки. Фиктивный брак не может быть нерасторжимым, так как на самом деле это — не брак.

— Нужно бы посоветоваться со священником, знающим эти дела.

— Кажется, я не ошибусь, милостивый государь, если скажу вам, что папа имеет власть расторгать браки лиц обвенчанных, но не сочетавшихся, как в данном случае, госпожа Делиль.

Господин Делиль утвердительно кивнул головой.

— Я не знаю, легко ли добиться подобного расторжения, — сказал господин Франшар. — Повторяю, необходимо посоветоваться со специалистом по каноническому праву.

— Вы правы; но, в случае, если бы можно было надеяться добиться законным путем расторжения брака, позволили бы вы вашей дочери обратиться с подобной просьбой в духовный суд?

Господин Франшар подумал еще немного; он колебался дать согласие; несомненно, он раздумывал о пересудах, которые вызвало бы подобное дело.

Тут вмешалась госпожа Франшар с энергией, на которую я не считал ее способной. Самые робкие люди выказывают иногда наиболее смелости, раз решив действовать.

— Не нужно колебаться, — сказала она мужу. — Мы и так уже слишком долго ждали. Я не хочу приносить в жертву каким-то диким предрассудкам жизнь моей дочери. Если брак может быть расторгнут, необходимо возможно скорее добиться этого расторжения.

Господин Франшар был поражен твердостью своей жены. Соображая с трудом, он не сразу додумался до ответа и в каком-то ужасе вертел своими большими глазами навыкате.

Господин Делиль пришел к нему на помощь.

— Что касается меня, я уже решился. Я начну процесс о расторжении брака, так как очень люблю свою жену и не остановлюсь ни перед чем, сделаю все, что от меня зависит, чтобы вернуть ей свободу, необходимую для ее жизни.

— Если вы так смотрите на дело, сын мой, — сказал господин Франшар, — то вопрос решен, и мое вмешательство бесполезно.

— Оно не бесполезно, барон, — отвечал я, — так как ваша дочь желает покориться вашей воле; позвольте мне прибавить, что процесс о разводе только тогда не вызовет сплетен и внушит уважение, если он будет начат обоими супругами, живущими отдельно, но сохраняющими взаимную привязанность и доверие. Святой Отец затруднится принять какое-либо решение, если кто-либо из супругов будет бездействовать; ведь, не правда ли, всегда легче высказывать суждение при наличии одинаковых показаний, чем при их отсутствии?

Господин Франшар начинал понимать. Он уступил, но счел нужным объяснить свое снисхождение самой нежной отеческой любовью:

— Здоровье моей дочери слишком дорого мне для того, чтобы я отказывался от какой бы то ни было жертвы. Если расторжение ее брака может вернуть ей силы, я употреблю все свое влияние, чтобы его добиться.

— Уполномочиваете ли вы меня, барон, довести об этом до сведения самого Святого Отца, если я найду возможным сделать это?

Господин Франшар взглянул на меня. Каким образом простой врач мог прямо обратиться к папе, тогда как у него, барона Франшара, не было никаких непосредственных связей с курией? Я счел нужным прибавить из предосторожности:

— Я прошу вас об этом полномочии лишь на тот случай, если мне удастся найти какую-нибудь комбинацию.

— Я даю вам его, доктор, — сказал г. Франшар.

Я отправился к Люси с господином Делилем и госпожой Франшар; мы сообщили ей о добрых намерениях ее отца, но бедняжка лежала совершенно без сил. Ее нервное истощение сильно обеспокоило меня. Я решил внушить ей, чтобы припадки экстаза прекратились, и приказал ей спать без сновидений с шести часов вечера до девяти утра. Предписав ей расстаться с письмом господина Леира и попросив ее положиться на меня, я ушел.

Господин Делиль сам отвез меня домой в своем автомобиле; он хотел немедленно начать все, что необходимо для получения развода.

Вернувшись домой, я написал длинное письмо профессору Кенсаку, прибавив к нему полный отчет о странных приключениях господина Леира и мадемуазель Франшар, указал обстоятельства брака молодой девушки с господином Делилем, причины, по которым расторжение этого брака являлось необходимым и просил Кенсака вместе со мной обратиться к нашему общему другу, лейб-медику папы, с просьбой рассказать, при случае, Святому Отцу историю молодых людей и вызвать его интерес к участи госпожи Делиль. Немедленно отослав свой объемистый труд профессору Кенсаку, я отправился к господину Леиру.

Ему я рассказал о своей поездке в Бализак и сообщил, что дело приняло хороший оборот, но что ему необходимо прекратить свидания во сне в интересах госпожи Делиль и для собственной пользы. Я заявил, что не отвечаю за его жизнь, если он будет продолжать растрачивать свою нервную энергию. Надежда, поданная мной, образумила Леира; я убедил его отдать мне коралловые четки и внушил ему продолжительный, крепкий сон.

Прошло две недели. Я несколько раз был в Бализаке, каждый раз с успехом прибегая к гипнозу. Мне удалось заставить Люси спать, совершенно естественным путем, восемнадцать часов в сутки. Еще более чем отдых и сон, укрепляла ее силы надежда. Господин Леир поправился еще

быстрее и уже через неделю начал вставать. Тем временем, мне удалось побывать у архиепископа и у главных викариев и добиться вмешательства влиятельного духовного лица, бывшего моим другом, что обеспечило сильную поддержку прошению супругов Делиль.

Несколько времени спустя, я получил из Рима письмо от своего друга. Он рассказал историю моих протекже Святому Отцу, который выслушал его с большим интересом. Папа потребовал себе изложение дела, присланное Кенсаком нашему коллеге, и обещал последнему переговорить с ним об этом деле через две-три недели.

Время шло; я сообщил Люси известия, полученные из Рима; она им очень обрадовалась; выздоровление ее подвигалось медленно, но неуклонно. Странные сны исчезли, может быть, под влиянием гипноза, а может быть, и вследствие исчезновения той связи между молодыми людьми, которая прежде поддерживалась письмом господина Леира и коралловыми четками.

К концу мая госпоже Делиль тоже можно было встать, и несколько дней спустя я разрешил ей выходить в другие комнаты. Ее первое появление за семейным столом подало повод к небольшому торжеству, на котором присутствовал и я с господином Делилем и аббатом Жога. Муж Люси вошел в свою роль и высказывал чрезвычайную дружбу своей молодой жене; он постоянно сообщал ей все подробности о ходе процесса. Архиепископ получил послание от римской курии, предписывавшее более быстрое производство предварительного следствия; также предписывалось отобрать показания у Кенсака и у меня; далее, выставлялось требование назначить меня экспертом, чтобы я выдал медицинское свидетельство и сообщил все подробности о странных явлениях, наблюдавшихся мною, а также, чтобы дал заключение о состоянии здоровья госпожи Делиль и о последствиях, которые имело бы для нее оставление брака в силе. Узнав об этом у архиепископа, господин Франшар стал относиться ко мне с большим почтением. Может быть, именно этому посланию римской курии больше, чем своим трудам, я и был обязан приглашением к семейному завт-

раку, данному по случаю выздоровления моей прекрасной пациентки.

Господин Делиль был в великолепном настроении; он очень насмешил нас рассказом о бесконечных формальностях процесса, необходимых в римской курии: ему тайно подавал советы отец Фюрстер, чрезвычайно точно исполнявший свои обязательства.

Аббат Жога был очень рад; он выказывал господину Делилю безграничное уважение и называл его «рыцарем Пресвятой Девы». За десертом господин Делиль рассказал в шутливом тоне о происшествии с хироманткой и окровавленным кинжалом. Он упомянул также о ране господина Леира, удивляясь столь странному совпадению. Священник начал возражать.

— Ах, нет! Это вовсе не совпадение, это — явление *отражения*! — сказал ученый мистик.

— Отражения? — повторил с недоумением господин Делиль.

— Да, — повторил священник, — мистического отражения. Это блестяще подтверждает то, что я вам недавно говорил, господин Эрто. Господин Леир покинул свою телесную оболочку; его душа, вдумчивая и чувствительная, почти безо всяких материальных покровов немедленно перенеслась на очень большое расстояние. Я могу объяснить только вмешательством Пресвятой Девы отсутствие всякого восприятия пространства, всякого чувства прохождения через какую-нибудь местность, так как дьяволу запрещено производить подобные непосредственные перенесения. Повторяю: личности, переносящиеся таким образом, в оболочке полу-духовной, могут думать, действовать и чувствовать в этой оболочке. Иногда они даже могут воздействовать на материальные предметы; но примеров таких явлений известно мало. Наоборот, известно, что духовное тело может испытывать ощущения и получать раны и повреждения; даже более: духовное тело как будто является прообразом, родоначальником тела материального. Раны первого отражаются на втором. В этом и состоят явления *отражения*. Тут передаются телу удары, нанесенные духу. Помните, док-

тор, историю св. Лидвины? Она душой находилась в святых местах, она раздирала свои члены о шипы кустарников; уколы и царапины появлялись на ее материальном теле. В ее коже оказался даже шип, вонзившийся в духовную оболочку святой.

Подобные факты еще чаще упоминаются в процессах ведьм, и это неудивительно. Разлучение духовного тела с его материальной основой представляет из себя естественное явление, управляемое законами, еще неизвестными человечеству. Этим средством Бог совершает чудеса, которым сатана грубо подражает. Души, преданные злему духу, могут покидать свои тела, подобно великим святым; они подчинены тем же законам; раны, нанесенные этим душам в их полу-материальных оболочках, появляются на телах колдунов; поэтому демонографы учат, что, желая удалить злого духа, его нужно ударить шпагой, кинжалом или вообще каким-нибудь металлическим острием. Отсюда происходят и этим объясняются волшебные свойства всякого острия. Маркиз де Мирвилль приводит в пример знаменитого колдуна, осквернявшего дом священника в Сидвилле; Коттон Мэтьюз, Фэрфекс, Гленвиль, дель Рио, Боден, ле Луайе, де Ланкр также говорят об отражении; некоторые из этих авторов, особенно Фэрфекс, приводят его примеры.

Это явление настолько часто встречается, что оно всюду известно; так, арабы прогоняют привидения, появляющиеся в домах, при помощи ружейных выстрелов или ударов острым кинжалом.

Прибавлю, что современные оккультисты признали реальность этих явлений, указанных мистикой. Ваш друг, полковник Роша, — сказал священник, обращаясь ко мне, — уверяет, что наблюдал явление, которое назвал «внешним проявлением чувствительности»; он объяснял этим возможность наведения порчи. «Внешнее проявление чувствительности» господина де Роша — это лишь неполное разлучение души с телом; оно уже позволяет установить, что материальное тело воспринимает повреждения, нанесенные духовному телу. «Периспри» и астральные тела спиритов и теософов — не что иное, как духовные тела. Вспом-

ните, что рассказывает Аксаков о госпоже д'Эсперанс. Дама эта, духовное тело которой отделялось с большой легкостью, серьезно заболела, потому что неумелый экспериментатор неосторожно дотронулся до ее наполовину отделившегося духовного тела. Другие авторы приводят такие же поразительные примеры; на материальном теле, подобно типу св. Лидвины, находят даже узоры, нарисованные на духовном или флюидальном теле. Все это называется отражением. Флюидальное тело господина Леира было ранено цыганкой, и, посредством отражения, рана передается его материальному телу.

— Но, батюшка, — сказал господин Делиль, — каким же образом объясняете вы внезапное появление крови на кинжале и последовавшее вслед за тем ее бесследное исчезновение?

— Кровь, господин Делиль, — вероятно, главный фактор жизни, и духовное тело нуждается в ее элементах для своего существования. Вера в волшебные свойства крови так же стара, как и само человечество. Когда Одиссей идет вызывать умерших, он роет углубление, наполняет его кровью жертвенного животного, и души, выпив эту кровь, вновь сознают окружающий их материальный мир, живут и говорят. Вспомните, что и тут Одиссей отстраняет их острием своего меча.

Кровь, появляющаяся из ран, нанесенных флюидальному телу, — не есть обыкновенная кровь: она испаряется, вновь становится нематериальной и возвращается в тело, из которого происходит. С ясновидящей из Ку, святой крестьянкой, история которой мало известна, часто случались подобные явления. У нее были стигматы, и в известные периоды открывались раны, подобные ранам Спасителя, так что наступало обильное кровотечение, оставлявшее следы на ее белье; по окончании припадка экстаза, раны исчезали бесследно, и кровавые пятна улетучивались. Это также напоминает ваше наблюдение, господин Делиль. Я не сомневаюсь, что все это происшествие — чудо Пресвятой Девы, — заключил священник, смутившись за продолжительность и горячность своей речи.

Тут вступился в разговор господин Франшар.

— Всемогущество Божие безгранично, — сказал он, — но я боюсь изучать столь сложные пути его проявления. Предлагаю выпить за здоровье нашей дорогой больной; присоединитесь к нам, батюшка: это муммское шампанское 1874 года; я купил его пятьсот бутылок в 1879 году у управляющего фирмы, и вы нигде не найдете лучшего.

Против мнения господина Франшара о шампанском нельзя было спорить.

Немного времени спустя, господина Леира назначили профессором: его условия были приняты. Протеже мои поправлялись; господин Делиль пожелал познакомиться со своим счастливым соперником; но обстоятельства заставляли молодых людей встречаться очень редко, несмотря на их взаимную симпатию.

В июле я получил письмо от своего друга и коллеги из Италии; я был так обрадован этим, что вызвал телеграммой господина Делиля; последний приехал «с быстротой 75-ти километров в час».

Прочитав письмо, он сказал мне:

— Вы непременно должны завтракать у меня в Лаферьере завтра же. Сообщите об этом господину Леиру и передайте ему, что я прошу его оказать мне честь приехать с вами. Я явлюсь за вами на автомобиле. Рассчитываю пригласить семью Франшар и аббата Жога, но не предупрежу их о присутствии профессора. Это моя единственная хитрость по отношению к моей жене.

Господин Леир сначала отказался, но на следующий день принужден был принять приглашение по просьбе самого господина Делиля. Когда мы с большим опозданием прибыли в Лаферьер, господин Делиль быстро втолкнул господина Леира в гостиную. Господин и госпожа Франшар страшно удивились; волнение же Люси вызвало во мне опасение за ее здоровье.

— Предложите руку господину Леиру, — сказал господин Делиль жене, — и хоть на один этот раз будьте хозяйкой в моем доме. Я надеюсь, что вы впоследствии согласитесь поменяться ролями, — весело обратился он к химику.

— Ах! — воскликнула Люси, бросаясь на шею к Делилю, в то время как Леир пожимал руку своему уступчивому сопернику, — позвольте мне обнять вас от всего сердца, вы — идеальный друг.

— Я в этом не сомневаюсь, дорогая Люси, и уже доказал вам это; но, не правда ли, я — нежеланный муж, — сказал он с легким оттенком грусти и хитрости, а затем прибавил:

— Прежде, чем сесть за стол, я попрошу доктора Эрто прочесть нам письмо, которое он получил из Рима.

Тогда я прочел следующее:

«Дорогой друг,

Святой Отец говорил со мной о вашем деле. Он очень благосклонно относится к вашим протестам, и я надеюсь, что брак их скоро будет расторгнут. Его Святейшество предвидит скорое заключение нового союза. Он обещал мне дать свое благословение будущим супругам под условием, что ему пришлют, в знак повиновения его приказанием, священный предмет, связанный с таким странным происшествием; он велел мне написать вам, что желает получить драгоценные коралловые четки».

— И он получит их по праву! — воскликнул доктор Дюссирон, как всегда, опоздавший к завтраку.

ОБ АВТОРЕ

Жозеф Максвелл (Joseph Maxwell) родился в 1858 г. Изучал юриспруденцию, став сперва адвокатом, затем прокурором и наконец главой апелляционного суда Бордо. Параллельно обратился к медицине, в 1903 г. опубликовал диссертацию «Амнезия и расстройства сознания у эпилептиков». Будучи заметным участником юридической и культурной жизни Бордо, с 1906 г. состоял членом местной Академии наук, литературы и искусств, с 1919 г. – ее президентом. В 1908-1924 г. делил свое время между Бордо и Парижем. Личная жизнь Максвелла была достаточно бурной: известно о его бездетном браке с наследницей одного из окрестных замков и о том, что примерно с 1908 г. он содержал молодую любовницу, родившую ему троих детей.

Сравнительно многочисленные книги и статьи Максвелла отражают его разнообразные интересы. Среди них – юридические, социологические и психологические труды, как например «Преступность и общество» (1909), «Современная социальная психология» (1910), «Социальные концепции преступления» (1914) и т. д. и даже футурологическое сочинение «Мир в 2000 году» (1902). Работы, посвященные антропологическим или символическим аспектам колдовства, магии и таро (1921-1933) могут показаться в этом списке из ряда вон выходящими, однако Максвелл еще с 1880-х гг. изучал парапсихологические феномены и с 1885 г. являлся членом-корреспондентом Общества психических исследований. В данном качестве он исследовал различных медиумов, включая знаменитую Эвсапию Палладино, и в 1903 г. суммировал свои наблюдения в несколько раз переиздававшейся книге «Психические феномены: исследования, наблюдения, методы». Впоследствии он состоял в редакции «Анналов психических наук», публиковался также в «Revue Métapsychique», наряду с Ш. Рише был активным участником «Метапсихического общества», переводил и писал предисловия к соответствующей литературе, но пытался оставаться при этом человеком науки, чуждым какого-либо догматизма или некритической веры в «таинственные явления».

Псевдоним «доктор Антуан Вильм» (Wylm) впервые появился на обложке книги Максвелла «Сексуальная мораль» (1907). Под этим же псевдонимом он опубликовал ряд фантастических рома-

нов из серии «Записные книжки доктора Эрто» (Heurtault), переведенных и на другие европейские языки: «Коралловые четки» (1909), «Мистическая возлюбленная» (1910), «Любовник мумии» (1913). Герой Максвелла, доктор Эрто, находится в близком родстве с всевозможными «оккультными детективами», начавшими появляться в европейской литературе со второй половины XIX века; несомненно также, что в образе Эрто, ученого, изучающего паранормальные явления, «Антуан Вильм» изобразил самого себя.

Русский перевод романа «Коралловые четки» (Le Chapelet de Corail) был впервые опубликован в 1911 г. московским издательством «Сфинкс» в легендарной серии «Библиотека ужаса» и в свою очередь приобрел статус библиографической редкости. Печатается по указанному изданию с исправлением очевидных опечаток; орфография и пунктуация, а также некоторые устаревшие обороты приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.